

Рассказы про Варвару

Оглавление.

Часть первая. В общем котле.

Первые шаги.

Благословление.

Ольгинский монастырь и еще одно доказательство вечной жизни.

Про о. Вячеслава.

Про мастит, шантаж и молитву по соглашению.

Меморандум.

Княжна дровосек.

Сердце, надрезанное ножницами.

Про архимандрита Филарета.

Если вам захочется в монастырь.

Из благих побуждений.

Про козла Василька и «русских оккупантов»

Случай на похоронах.

Письмо из небесной канцелярии.

Проверка чувств.

Благоразумный разбойник.

В осаде.

Вверх по лестнице, ведущей вниз.

Неверующий верующий.

Безгрешных на свете нет.

Маляр Вова.

Метод воздействия.

Мы все больны.

Про чудеса по заказу и временами верующую атеистку.

Просто священник.

Елена в больнице.

Часть вторая. Вокруг и около.

Знатоки благодати.

Конфессий острые углы.

Про Нонну - бурчунью и духовную брань.

В Зедазени.

Два старта.

Про иеговистку, чудотворную икону и блудные помыслы.

Про возможного террориста.

Из «совкового» поколения.

Не смогла оттолкнуть.

Проблемное приданное.

Что было дальше.

*«В искушении никто не говори: «Бог меня искушает»;
потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого,
но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью»
(Иак. 1, 13—14)*

Случалось ли вам, читатель, встречать несерьёзных людей? Если нет, то вот вам такой экземпляр — Варвара многогрешная и, само собой, любопытная. В вере не тверда, страстями обуреваема, духом противоречия гонима. Грехов много, а спасительного покаяния — ноль с копейками, со смирением тем паче — полная напряжёнка.

Круг общения у любопытной Варвары самый, что ни на есть, от церковной ограды далёкий. А потому сбываются на ней слова псалмопевца Давида: «Со избранными избран будеши, а со строптивым развратиши» (Пс.17, 27). Поэтому, если какое крепкое словечко Варвара и ввернёт, не обессудьте.

Словом, Варвара — ходячее недоразумение и сплошной соблазн. Люди новоначальные, читайте осторожно, в голову особо не берите, но на ус мотайте. А вы, рабы Божьи, в вере утверждённые, сотворите молитву о грешнице. Авось в разум истинный придёт, иначе беда.

Первые шаги.

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие.» (Евр. 13, 7)

Наверное, у читателя возникнет вопрос: как, мол, такой несуразный человек, как Варвара, оказался в церкви. Тут следует начать издалека, тем более что без приключений и здесь не обошлось.

Жила себе Варвара благополучной атеисткой до 23 лет в свое удовольствие по мере сил и финансов. Если происхождение ее кого-то заинтересует, то ограничимся определением – лицо кавказской национальности при соответствующей внешности. Так вот, закончила институт, начала работать в одной канторе по своей технической специальности. В свободное время по театрам и кино с подругами ходила. Подруги, конечно, ей под стать, такие же читающие и любопытные. Чем они только всей компанией не занимались: и английский по новым методам изучали, и журнал для своего узкого круга выпускали, и спиритизмом увлекались, хотели еще в экстрасенсорику залезть, да талантов ни у кого из интернационального их состава не оказалось. Родители эти сборища поощряли, считая:

- Наши умные дети культурно развиваются.

Неизвестно куда они так бы доразвивались, как мирное житие их враз возьми и рухни. В Грузии началась гражданская война, а за ней война в Абхазии и, как сопутствующее – перебои со светом, транспортом, зарплатами и прочими благами цивилизации. Журфиксы те сами собой сошли на нет.

На фоне всех внешних катаклизмов на Варвару еще разные личные неприятности посыпались. Прямо жизнь не в радость, а прямо наоборот – непролазная депрессия и в людях окружающих полное разочарование.

Заглядывая вперед, скажем, что переживала Варвара совершенно напрасно. Без этого сильного потрясения, не было бы и той большой радости, которая ждала ее впереди. Но до этого еще дожить надо было. А пока надо было искать выход из замкнутого круга обстоятельств, а именно консультироваться со «знающими людьми».

«Знающий человек» - одна шапочнознакомая курдянка на вопрос «что делать?» подняла брови и покачала оценивающе головой.

- Вай, вай! Тут тако – ое! – Потом прибавила в испуге. – Барана резать – и то не поможет.

Варвара хмыкнула:

- Чай без сахара пол месяца пьем. Какой уж тут баран.

Про себя так же тоскливо помыслила: «Как у них все легко и просто. С бизнесом проблемы – срочно барана святому Георгию, замуж не можешь выйти – обратно ему же парнокопытное. И смысл какой? Сами же пожрут бедное животное, а будут трезвонить на весь Тбилиси «Святому Георгию жертву сделали».

- Тут эта... - замялась провидица, необремененная средним образованием. – Одно осталось: молиться и в церковь ходить.

Причем на вопрос, как именно молиться, сказала честно: «Откуда мне знать».

Это уж было через край. Ей, Варваре, не мыслящей себя без джинсов и ботасов, предлагалось надеть ненавистную юбку и потащиться в церковь неизвестно зачем. В церкви Варвара была раз в жизни, в 15-летнем возрасте, во время своего крещения, навязанного матерью.

Потом у Варвары созрел достойный план: очищать жилплощадь с помощью рамок – точь-в-точь, как экстрасенс по телевизору.

Эх, знать бы заранее, что потом слез будет пролито из-за этих гнусных железок, не стала бы даже начинать. Но, увы, каждый должен в этой жизни набить свои персональные шишки.

Мысль о молитвах все чаще приходила в голову во время экспериментов.

Варвара раздобыла молитвослов, плюхнулась на диван и на первой странице прочитала:

- Во имя Отца, и Сына и Святого Духа.

Рот тут же разворотило небывалой зевотой, и что-то стало отталкивать ее от книги.

- Ничего себе! – восхитилась и одновременно перетрусила горе-испытательница. Бросилась читать наугад другие светские книги – ничего похожего. Вернулась к той невзрачной книжице – опять та же реакция.

Так и не поняв, в чем тут финт, Варвара в скорости очутилась в церкви. Мать пристала неотвязно:

- Сходи да сходи, сегодня Нечайная Радость. Может, жизнь в лучшую сторону поменяется.

Пришла с бурчанием, глядь, у самой иконы Элисо, ее сослуживица на коленях стоит и о чем-то плачет.

Варвара Элисо на работе за человека не считала. Серая, забитая мышка, слова лишнего не услышишь. И тут – на тебе, встреча на Эльбе. Как только та с колен встала, Варвара напрямик к ней:

- Объясните в двух словах, что тут творится.

Элисо, вытирая покрасневший нос, стала что-то мямлить, потом сообразила, что неубедительна и пообещала.

- Я лучше вам книги принесу.

Через день Варвара, проглотив житие Сергия Радонежского, помчалась к Элисо за новой порцией:

- Где такое достaeшь?

- Сестра у меня во Христе, Елена. У нее прекрасная духовная библиотека.

- Веди меня к ней! – взвилась Варвара, отбрасывая элементарные приличия. – Я все чохом потом верну, не потеряю.

- Она сейчас в Александрове, в монастыре на послушании. Через полгода вернется.

- Вот облом какой! – скисла Варвара, не выносящая чего-либо ждать. – А может тех клиентов из церкви потрясти? Достань, а?...

Так тихо-тихо они сблизились. За полгода много воды утекло. Церковь уже не казалась Варваре сборищем вымирающих мамонтов. Тем более, что выяснялось много нового. Например, то, что Элисо:

- На самом деле в крещении Елизавета, - рассказывала «серая мышка», мусоля в руках кончик нейлоновой косынки. - Я уже 14 лет в эту церковь хожу, молюсь о своих ближних и усопших. Они у меня все нецерковные. Очень хочется, чтоб они все обратились. Потом еще проблема. У нас в роду коммунисты были, умершие без покаяния. Дядя мой в 20-ые годы армянскую церковь разрушил. Его с

сыновьями потом в 37-м расстреляли. Церковь хоть и неправославная, а все же Христу посвящена. Вот мы все и ищем. Болезни у нас не кончаются...

Элисо много чего рассказывала. Короче говоря, было что переосмысливать.

И вот настал, наконец, тот день, когда Элисо подвела к Варваре ту самую Елену. Такой человек просто не мог не нравиться всем окружающим. Открытое, улыбающееся типично славянское лицо, смеющиеся глаза цвета чистого весеннего неба и еще во всем облике было что-то такое, что Варвара не могла сформулировать. Зато Элисо сразу восторженный диагноз поставила.

- Какая на тебе благодать! – и кивнула на Варвару. – Вот, знакомьтесь.

Елена еще шире расцвела улыбкой.

- Христос посреди нас, сестричка! – И поцеловала представляемую троекратно в плечи.

Варвара, хоть и слегка обалдела от такого начала, но сразу полезла вперед со своим списком вопросов...

Получив исчерпывающие ответы, стала с того дня ходить за Еленой по пятам, отлично понимая, что ни один священник (каждый на разрыв) не сможет ей уделять такого внимания, умноженного на гигантское терпение....

.....

У Елены вообще все было как на подбор – красноречие, обширные знания высказываний святых отцов, свой 20 –летний опыт путешествий по разным российским монастырям, и, самое главное, искреннее желание всем помочь, даже в ущерб себе. Ни до, ни после Варвара не встречала никого, кто бы воплощал в себе столько достоинств сразу.

Заручившись благословением своего духовника из Троице-Сергиевой Лавры, Елена детально объясняла подопечной о необходимости молитв перед едой, значение каждого возгласа на Литургии, словом все то, на что новичок в церкви обращает внимание.

И Варвара просто порхала от переполнявшей ее радости и благодарности Богу за каждое проживаемое мгновение. Ее опекунаша, глядя на такое блаженное состояние, только крестилась потихоньку.

- Сохрани, Господи, подольше.

- А разве такое не будет всегда? – недоумевала Варвара.

- Это как сказать, - был неторопливый ответ. – Тебе сейчас Господь дает сугубую благодать, как новонаначальной, а потом самой придется трудиться, чтоб такое испытывать.

Непонятно и чудно было это слышать. (Пройдет полгода и райское блаженство сменится окамененным нечувствием и душевной тоской. А на вопрос «Почему же мне так тошно?» последует спокойный ответ: « Не надо было наших прихожан за равнодушие осуждать. Добухтелась? Бойся даже самого малого уничтожения ближнего в своей душе».)

Сестры во Христе (этот термин уже не резал новонаначальной уши) виделись почти каждый день, за исключением того, когда Елена ходила к родителям. Они жили на горе в 5 км. От города. Там у них была хибарка, гордо именуемая «дачей» и несколько коз. Продавали молоко, сыр, тем и жили. Всем было известно, что место глухое и небезопасное. Часто Елена просила всех, кто знал ее по церкви:

- Помолитесь за нас. Опять нападки темных сил. Вчера опять грабить приходили.

Дело в том, что по ту сторону горы, которую Елена называла «моя Голгофа», были казармы гвардейцев. «Защитники родины» время от времени, размахивая автоматами, отбирали у местных пастухов козу или барана. Полиция в такие мелочи не вмешивалась.

Единственной реальной защитой от местного беспредела были только «воры в законе» того района. К ним Елена, естественно, не обращалась.

Варвара слушала в пол-уха эти страсти, недоумевая: «Какая все же глупость лезть на эту гору и жить как на линии фронта. Лучше бы на базаре барахло продавали, тоже с голоду бы не умерли». И не подозревала, что пройдет 3 года, и она сама столкнется с бандитами в точно такой же ситуации.

Как-то пришла Елена в церковь вся заплаканная, с огромным рюкзаком и говорит:

- Девочки, помолитесь, маму парализовало. Прямо отсюда иду наверх, переселяюсь.

Варвара тут же скумекала, все, конец душеполезным разговорам, спросила:

- Как же вы будете в этой глуши?

- Как Бог даст, - последовал не очень оптимистический ответ. – Видно, у меня начинается новый период.

Страх остаться без своего духовного поводыря был настолько силен, что Варвара, хоть и не отличалась особой смелостью, но тут же предложила.

- Давайте, я вам хлеб 2 раза в неделю буду таскать. – И тут же с опаской спохватилась, памятуя рассказы об окуренных гвардейцах. – А..а ничего не случится?

Елена подошла к иконам, помолилась, потом к чему-то прислушалась внутри себя и уверенно ответила.

- Ничего не будет. Читай по дороге «Богородицу» и все обойдется.

Варвара успокоилась. При ней несколько раз Елена таким образом разрешала спорные вопросы и всегда в точку. Трюк этот навсегда остался загадкой, хоть и не раз любопытная лезла с вопросами: «Как это у вас получается?».

(Забегая вперед, надо отметить, что за 6 лет хождения на гору, с Варварой и, правда, ничего не случилось. Самой Елене, несмотря на ее способности, повезло куда меньше: И разбойники ее не раз били, и волкодавы кидались. Самое удивительное, что обо всем этом Елена знала заранее и реагировала одинаково без эмоций:

- Воля Божья.

Но до всего этого еще далеко.)

В тот же день они вместе пошли на гору. По обеим сторонам заброшенные домики, кое-где за порванными сетками были видны яблони, инжир и дикий виноград. Тащились с грузом час, пока не взобрались на вершину, увидев с высоты весь Тбилиси.

.....

Так начался «новый этап» для всех трех героинь. Основной темой для разговоров надолго станет доставка на верхотуру продуктов, пилка дров и прочее, что обобщает понятие «выживание в экстремальных условиях». Впереди их ждали новые знакомства, явные чудеса и осознание собственных немощей. На горе, как в увеличительном стекле, увидели сами в себе такое, о чем раньше и не подозревали.

2.10.2011.

Благословение

Служба уже закончилась. Несколько человек, каждый со своим делом, ждали у алтаря отца Филарета. Задняя часть очереди оккупировала скамейки у стены. Варвара скусающе разглядывала очередь и, по обыкновению, препиралась с Еленой и Элисо:

— Неужели нельзя поехать в этот Ольгинский монастырь без благословения? Только зря время теряем.

Елена, поблёскивая очками, строго сказала:

— Нет, никак нельзя. Сколько раз тебе повторять: прежде, чем начать какое-то дело, надо взять благословение, а тем более на поездку в монастырь.

Элисо подтверждающе кивала. У неё, в отличие от Варвары, никаких таких сомнений не возникало. Раз надо, значит, надо. И точка.

Варвара — новичок в церкви — и раньше наблюдала эти смиренные подходы к священнику с руками, сложенными лодочкой. «И зачем эта проформа?» — протестовало всё в ней. А теперь ради «проформы» надо стоять в очереди, томиться и, неведомо сколько, батюшку ждать. И всё-таки Варвара решила не возникать — уж очень ей хотелось поехать в монастырь. Вон Елена побывала во многих монастырях России и так интересно рассказывала о них. Но до России далеко, как до Луны. А тут под носом, во Мцхета, единственный русский женский монастырь в Грузии — Ольгинский. Просто грех не поехать.

Неожиданно из алтаря появился отец Филарет, держа крест и Евангелие. К нему навстречу рванулась фигурка в берете, известная всем под названием «маленькая Нонна в чёрных очках» (Фамилий друг друга никто не знает, вот и описывают по приметам типа «Лиды с пером» или «Валя с цветочками») Нонна схватила священника под руку и зашептала театральным шёпотом:

— Ой, батюшка, у меня опять смертельное искушение. Благословите в дом котёночка взять. Я женщина одинокая. Мне общение, как воздух, нужно! Всё же тварь живая. Мяукать будет.

— Возьми.

— Значит, благословляете мне котёночка, батюшка? В утешение?

— Возьми, возьми, — заторопился отец Филарет, увидев, как прихожане красноречиво поглядывают на часы

— А если котёнок у меня святую воду выпьет? — не унималась Нонна. — Вот грех какой страшный выйдет!

— Тогда не бери.

— Но если я его не возьму, жестокосердие с моей стороны выходит. Котёночек-то уличный, кушать хочет. Всё ж тварь Божья.

— Тогда возьми.

— Взять-то недолго, — тянула своё Нонна. — Я же, знаете, всё по благословению делаю, с духовным рассуждением. А вдруг котёнок в доме пакостить начнет? Или, не дай Бог, святое Евангелие порвёт? Меня аж в жар бросает от одной мысли!

— Тогда не бери, — терпеливо отвечал ей батюшка.

В очереди уже изнемогают — когда же конец? А Нонна ещё двадцать минут выясняла участь «бедной животинки», пока не отбыла домой. Радостно вздохнув, Елена кинулась с поклоном к отцу Филарету:

— Благословите нас в Ольгинский монастырь съездить.

— Бог благословит! — ответил отец Филарет и, взглянув на набычившуюся Варвару, добавил. — И её с собой возьмите. Полезно будет.

Елена поблагодарила и повела сестёр к выходу, а Варвара скептически бубнила ей в спину:

— Ну и что? Какой толк от этого благословения — мне что, от него ума прибавится или денег?

Елена весело взглянула на непутёвую сестру и засмеялась счастливым смехом:

— Почему ты, как Фома неверующий? Раз батюшка благословил, значит, поедem. В общем так, встречаемся в воскресенье в семь утра на Боржомском вокзале.

— У меня денег на дорогу нет, — буркнула Варвара и отвернулась.

— Ах, какая ерунда! — отмахнулась Елена и заверила. — Господь подаст.

Потом наскоро поцеловала сестёр и побежала к метро.

Вечер пятницы пролетел быстро. У Варвары ещё была надежда — может, кто из старых клиентов позовёт её на уборку в субботу (другого заработка не было). Увы, телефон молчал. Прошла половина субботы, и Варвара с горечью заключила: «Всё глухо, как в танке. Туфта это всё — благословение».

В ответ на её мысли тренькнул телефон.

— Вы можете прийти ко мне помыть окна после ремонта прямо сейчас? — прозвучал в трубке незнакомый женский голос и начал диктовать адрес.

Через полчаса она уже мыла окна, разглядывая квартиру, куда попала. Шкаф, набитый медицинской литературой, говорил сам за себя. Рядом полка с духовными книгами: тиснёные издания Дьяченко, Феофана Затворника. Над полкой несколько икон. Разговорившись с клиенткой, выяснила: Этери — потомственный врач, лет десять ходит в соседний с Иоанно-Богословской церковью Лурджи Монастыри (грузинская церковь св. Андрея Первозванного).

На прощанье Этери вынесла Варваре обговорённые «оконные» деньги и добавила лишнее от себя:

— Возьмите, вам они больше пригодятся, чем мне.

Потом достала деревянный крестик:

— Мне несколько штук с Афона привезли. Вот, последний остался. Возьмите в честь нашего знакомства. Мы же сёстры во Христе.

На другой день Варвара, обнимая рюкзак, тряслась в электричке в обществе Елены и Элисо. За окном уходили в небо величественные голубые горы. И только тут запоздало она догадалась: «лишние» деньги Этери — это точная цена билета туда и обратно, и Бог воистину благословил её в путь. Нет, благословение священника — это серьёзное дело.

Ольгинский монастырь и еще одно доказательство вечной жизни.

1994 г. Поезд остановился у маленького пустынного перрона. Перед путешественницами открылся величественный вид. С одной стороны заросшие лесом горы, а с другой - широкая панорама слияния Арагви и Куры, сбоку виднелись купола Светицховели и Самтавро.

Елена взвалила на себя рюкзак и уверенно повела за собой сестер в сторону горы. Пока карабкались по узкой тропинки, слушали исторические подробности от самоназначенного гида.

- Известно, что в шестом веке здесь был основан монастырь св. Екатерины. В 12 веке здесь построили церковь Пресвятой Богородицы. Со временем обитель опустела и о ней забыли. В начале XX века во мцхета решили провести железную дорогу, по которой мы приехали, - рассказывала Елена. - Строительством руководил инженер Брайловский. Руководство подарило ему участок земли вот на этой горе для постройки дачи. Однажды, когда инженер осматривал свой участок, он увидел металлический крест, торчащий из-под земли. Стали раскапывать и удивленные рабочие постепенно освободили от земли и сухих веток древнюю церковь, на дверях которой висел заржавленный замок.

Инженер между тем руководил строительством дороги. По плану через гору надо было провести туннель. Гору стали долбить с двух сторон. По расчетам Брайловского рабочие должны были встретиться в назначенный день. Но этого не произошло. Брайловский впал в отчаяние и, решив, что допустил ошибку, застрелился.

Его жена Ольга, потрясенная поступком мужа, решила основать около найденной церкви женский монастырь. Она приняла постриг и с великим трудом возродила обитель, которую люди стали называть Ольгинской. Она же стала здесь первой игуменьей.

Удивительно, что после революции монастырь не закрылся. Здесь всегда жили несколько русских матушек, - закончила Елена.

Так, за разговором, добрались до источника, выложенного каменными плитами, заросшими мхом. Естественно, все пристроились на водопой.

«Вода, как в Сан-Франциско! - оценила Варвара. - Ни тебе песка, ни хлорки».

На маленькой расчищенной площадке 20 на 10 метров стояла крохотная церковь, сплошь построенная из разнокалиберных валунов-кусков скал. Рядом, за проволочной оградой домик - трапезная и совсем крошечные кельи. Возле калитки бродили 3- 4 белые курицы - все натуральное хозяйство монастыря. За церковью небольшое кладбище с десятком могил, где покоились насельники прежних лет. На заднем плане сплошной стеной заросли кустарника и снова нескончаемая гора - верхушки не видать.

Зашли в церковь. Служба уже началась. Варвара исподтишка озиралась на висящие кругом иконы русского письма.

У дверей, за свечным ящиком стояла голубоглазая игуменья с крестом, она же и свечница по совместительству.

Дальше в центре стояли 6 монахинь в апостольниках и несколько паломников. Чуть позднее к ним прибавилась еще группа монахинь из Самтавро (черные платки повязаны по глаза и закреплены на головах булавками). Среди них Варвара углядела 12-летнюю послушницу. Кроха, как ни странно, стояла и слушала службу, не проявляя ни малейшей усталости или потери интереса ко всему происходящему.

Варвара еле дождалась конца длиннющей монастырской службы, чтобы пристать к Елене с вопросами.

– А на что матушки живут?

– На пенсию да на пожертвования. Наша церковь часто собирает деньги и продукты для них.

– Это же капля в море. А патриархия?

- У патриархии денег нет. Сейчас время тяжелое. Но Матерь Божья никого не оставляет, - поспешила закруглить скользкую тему Елена. Так ненароком и в осуждение можно впасть.

На обратном пути, спускаясь с горы, Елена с воодушевлением рассказывала опять про монастырь.

-... Мы как-то поднялись сюда несколько лет назад. После службы решили сфотографироваться. Пришел потом фотограф в церковь потрясенный и показал негатив. На нем мы все и Двое монахов в полном облачении. Он пальцем в них тычет и спрашивает, заикаясь : » А эти откуда взялись? Их точно не было!»

Наверное, это были древние насельники монастыря, которые незримо присутствуют в Ольгинском и сейчас.

Элисо слушала с «велием» вниманием, а Варвара по маловерию усомнилась.

– А может просто пленка как-то засветилась.

– Я негатив тот у фотографа выпросила. Потом покажу. Сама увидишь. - Пообещала Елена.

Единственно, что вынесла Варвара из экскурсии (паломничество с простым мирским любопытством как-то плохо совмещается), это тихое уединенное место точно не для нее, любительницы шума и суеты. И, конечно, матушкам удивлялась - как это они тут долгие годы живут. Наверное, для этого надо специально родиться.

Вскоре и электричка подошла. Надо было возвращаться из тихого благодатного Мцхета в пыльный, деловой Тбилиси.

14.05.07

Про о. Вячеслава.

...8 ноября 1994 г. был ливень со снегом. Для большинства тбилисцев этот день запомнился еще и тихой паникой - ночью отключили газ. Тогда только все об этом и говорили.

Для Елены этот день оставил о себе еще одну грустную память. Ночью парализовало ее мать. Так началось для Елены ее многолетнее вынужденное «сидение» на безлюдной горе без света и воды, с больными родителями и козами, как основой натурального хозяйства.

-...Только ты сможешь привести священника и врача, - говорила измученная бессонной ночью Елене приунывшей Варваре. - Кроме тебя никто не знает дороги на эту верхотуру. Вот, держи записку для о. Игоря. Я буду молиться, чтоб у тебя все получилось...

Когда к машине врача вышел о. Вячеслав в рясе, с крестом и служебником, это было полной неожиданностью для Варвары т.к. с просьбой о Причастии она обратилась к более молодому священнику. (Это уже потом выяснилась причина такой замены. «Когда речь зашла о том, кому ехать, один стал ссылаться на нездоровье, другой на головную боль, а я оказался самый здоровый», улыбаясь, рассказывал о. Вячеслав на обратном пути. «Самому здоровому» тогда было не менее 65 лет, под внешним спокойствием он успешно скрывал мучившие его сердечные и желудочные боли.)

Выехав из города, машина остановилась перед грунтованной дорогой - грязевым месивом из глины и камней.

- Дальше ехать - значит, машину ломать, - логично заключил врач и остался в кабине.

О. Вячеслав не стал спорить и пошел вперед, прижимая к груди одной рукой крест со служебником, а другой придерживая края рясы. Только спросил у Варвары: - Далеко ли идти?

- Отсюда третья гора. Вон ее вершина в тумане, - нехотя ответила Варвара. Ей-то хорошо: сапоги и плащпалатка есть. Ливень не страшен. А этому человеку каково?

О. Вячеслав от Варвариного дождевика отказался и пошел, утопая по колени в грязи, по дороге.

Каково идти полтора часа рядом в сухости и смотреть как рядом у человека легкие туфли вязнут в глинистой жиже, а ряса медленно темнеет, впитывая в себя дождевые струи.

- Может, я сбегая туда и назад, вам сапоги и дядишкин ватник принесу? - порывалась Варвара.

О. Вячеслав отмахнулся.

- А что сапоги сами собой пойдут? Не надо куда бегать. Идем, если не устала.

Через час он, даже не передохнув от резкого подъема, уже читал молитву перед Причастием. Затем, отмахнувшись от предложенных денег, пошел вниз.

Всю дорогу до церкви в машине о. Вячеслав рассказывал что-то поучительное, адресуясь к врачу-водителю и Варваре: о мудрости царя Соломона, о верности молитвенному правилу. (Сам он, еще, не будучи монахом, ни на минуту не расставался с матерчатыми потертыми четками.)

Что же касается парализованной причастницы, то после приобщения у нее началось восстановление речи и двигательных функций.

Через год о. Вячеслав снова поднялся к Елене на гору причастить болящую. Погода в этот день была солнечная, торопиться было некуда и поэтому, слегка задержавшись перед уходом, рассказал следующее.

-... Я был тогда чтецом в Богословской церкви и работал на 31-ом заводе радиосборщиком. Стали меня на работе слегка прижимать из-за пропусков во время церковных праздников. Тогда возник передо мной вопрос: как жить дальше? Остаться на заводе или посвятить себя церкви?

И как бы в ответ на это настоятель предложил рукоположить меня в священники. Я колебался. Был у меня в то время друг, которого я считал очень близким и вел с ним разговоры на духовные темы. Он поделился со мной, что тайно был посвящен в дьяконы.

Позвали меня к патриарху Ефрему, чтобы решить вопрос о моем священстве. Я стал предлагать вместо себя моего друга, как более достойного. Патриарх ответил: «Пока я жив, на него рук не возложу». Мне сперва непонятна была причина отказа, а потом все выяснилось.

Спустя какое-то время вызываю меня на заводе в партком и показывают донос, будто я рассказывал о военных тайнах завода (что и, правда, имело место). А за всем этим подпись ... моего друга дьякона.

Что со мной стало, я и описать не могу. Если бы кто-то другой, мне бы не было так больно.

Парторг и говорит мне:

- Тебе за это светит 5 лет, но мы не дадим делу ход. Ты у нас столько лет отлично работаешь. Ты лучше подумай, стоит от нас уходить или нет...

В общем, по милости Божьей все обошлось. Но дело не в этом. У меня было огромное смущение. В голове не укладывалось это предательство. Как же, думаю, в церковь ходить, когда там такие люди. И решил для себя, что ноги моей там больше не будет. А внутренний голос как бы говорит: «Сходи сегодня в последний раз, а дальше можешь не ходить».

Пришел я в Александро-Невскую на службу, а там тогда о. Андроник был, известный своей прозорливостью и мудростью. Подошел я к нему, не выдержал и сказал о том, что меня мучило. А он только воздел руки к Распятию и воскликнул.

- Прости нас, Господи, ведь ради меня грешного, ради него, - кивнул в мою сторону, - Ты пролил свою Пречистую кровь.

У меня с глаз как будто какая пелена спала. Сразу стало необыкновенно легко. И не малейшей обиды на моего друга.

Потом, во время вечерней подошел ко мне мой друг и говорит: «Ты меня, брат, прости!». И рассказал, что его толкнуло на донос, почему он хотел вместо меня стать священником. «У тебя, - говорит, - в руках специальность, а у меня ничего. Чем мне семью кормить?». Простил я его, конечно. Вскоре меня в священники рукоположили, а потом и моего друга.

Все это я потому вам рассказываю, чтобы вас ничего не могло оттолкнуть от церкви. Чтобы не увидели, не смущайтесь, продолжайте ходить, потому что там благодать, - закончил о. Вячеслав и взглянул на Варвару.

Варвара, не выдержав его взгляда, отвела глаза. Как раз на днях она с пеной у горла твердила Елене, что нет ей смысла ходить в церковь, т.к. ничего в ней самой духовно не меняется и в церкви не нашла того, что искала - сплоченного братства верующих. Елена, как всегда, возражала и цитировала святых отцов.

Потом еще был один случай. Тоже не в бровь, а в глаз.

Как-то Варвара стояла в очереди исповедников, поджидала любого священника, чтоб передать записку на сорокоуст. Отец Вячеслав как раз исповедовал. Одна женщина что-то говорила ему очень тихо. Потом до Варвары долетели слова.

-А еще ,батьюшка, так устаю, что вечернее правило лежа читаю. Позволяю себе маленький комфорт...

«Мы с Тамарой ходим парой, - усмехнулась Варвара про себя. – Она еще молодец, хоть лежа читает, а я...».

О. Вячеслав окинул взглядом очередь исповедников, чуть задержался на Варваре (а может, показалось так только себялюбивце) и сказал громко.

- Вы, наверное, в Царство небесное на такси хотите доехать. А там в ворота постучите и скажите: «Открывай, Господи, я приехала!» Запомните, комфортно спастись невозможно. Понуждайте себя читать правило стоя, ну в крайнем случае, сидя. Лежа парализованные читают.

И накрыл исповедницу епитрахилью...

....И все-таки у Варвары сомнений как всегда хоть отбавляй. И все мировые проблемы ей надо решать. Никак не меньше. Как-то на горе после очередного Причастия улучила она момент, когда о. Вячеслав уже снимал свои нарукавники, а Елена вышла за молоком, подошла к батюшке и выпалила свой риторический вопрос-обличение.

- О. Вячеслав! Что творится! Куда катится церковь?! В ней совсем нет любви, одно разобщение. Надо же принимать какие-то срочные меры!

Батюшка нисколько не смутился, только попросил конкретизировать какие у Варвары есть претензии к глобальному Православию.

Та и зачастила, заикаясь от нервов.

- Во-первых, ну это как его... нет адресной базы прихожан. Никто никому не нужен. Тут контроль надо навести, чтоб люди сдавали 10 % процентов в общак и так решать у кого какие проблемы. Вот у баптистов, например...

И получила лаконичный и емкий ответ.

- Я не баптист и не протестант, чтоб бегать, составлять какие-то списки, агитировать. Нашей церковью Сам Господь управляет. Кого надо, сам и приводит. Вот скажите, - он обратился к только что вошедшей Елене с пластмассовой бутылкой молока, - разве кто-то специально звал вас церковь, назначал время, приемный день?

Варвара задумалась, действительно, никто ей пригласительный билет как на елку в детстве не вручал. Все произошло само собой, без ознакомительных брошюр, которые так любят впихивать на улице иеговисты.

И О. Вячеслав удовлетворенно поставил точку на ее правокачаниях.

- Ты уж поверь мне, я разговаривал с разными людьми, которые во главе стоят. Наша церковь никуда не катится, а идет куда надо.

Он уже взялся было за ручку двери, потом благословил Елену, подошедшую со сложенными руками и сказал ей напутственное слово.

- Ты не скорби, что тебя Господь здесь, в этой глуши, запер, что работы невпроворот и руки свои инженерные в крестьянские превратила. Все это для спасения души. А вместе с тобой и вот она, - он кивнул на Варвару, стоявшую в сторонке, которая не подошла под благословение, - тоже спасается. И кто знает, от каких грехов себя бережет...

Потом попрощался и пошел к машине Бичико.

Елена со слезами перекрестилась на бумажный образ Спаса Нерукотворного.

- Господи, продли жизнь о. Вячеславу ради нас, грешных!

Варвара не поняла.

- Он же в прекрасной форме, вон, улыбается, как светится весь.

- У него рак желудка. – тихо ответила Елена, занятая своими мыслями. – Это все знают.

- Как же он служит?

- Как видишь, никому не отказывает. Каждый шаг ему с трудом дается. Просто виду не показывает. А ты еще полезла к нему со своими бреднями....

....12 мая 1998 г о. Вячеслав принял монашество, 13 мая его рукоположили в архимандрита с именем Варсонофий.

.... Варваре посчастливилось видеть о. Вячеслава за неделю до перехода в вечность.

- Не могли бы вы рассказать по подробней про вашу жизнь, - робко заикнулась Варвара.

- А что про нее рассказывать? Тридцать лет отдал крестьянству, столько же заводу. Все, как у всех.

О священстве и монашестве он по своему смирению даже не упомянул.

Прощаясь, о. Варсонофий протянул своей посетительнице иконку Божьей Матери «Всецарица» со словами:

Ты по ночам ходишь. Пусть Мать Божья тебя хранит.

Варвара потом долго недоумевала, откуда батюшка узнал про ее ночные круизы.

7 июля 1998 г. О. Варсонофий (Величко) перешел в вечность.

24.05.07

Варваре очень хотелось узнать по подробней о жизни о. Вячеслава, но как? Все окружающие знали о нем лишь отрывочно, каждый свой эпизод. И вот в 2013 году ей «случайно» передали только что вышедшую книгу Екатерины Елтышевой «Мои воспоминания». А в ней глава про о. Вячеслава.

Вот выдержки из нее в сокращении.

...«...Трудно решался вопрос о его рукоположении, ведь он много лет работал на секретном заводе, но схииерхимандрит Андроник его всячески утешал, правда, не все слова его были понятны: «8, 7, 7, 7...» .Это стало ясно позже. О. Вячеслав родился 8 марта 1929 года, рукоположен во священники 7 июля в 1977 году, таинство совершил Митрополит Зиновий, и 7 июля 1998 отошел ко Господу....

Как-то, когда о. Вячеслав служил в храме св. вмч. Варвары, к нему насильно привели парня, который хотел покончить жизнь самоубийством. «Оставьте его», - обратился он к держащим. «Только перед тем как ты уйдешь и сделаешь задуманное, давай вместе положим несколько поклонов, ведь это не трудно тебе, молодому парню, а вы ребята можете идти и не трогайте его и не мешайте ему сделать задуманное». О. Вячеслав взял его за руку и пошел с ним ко Алтарю.

«Давай, вот так же сколько я – столько и ты, повторяй,» - и, благословив его, начал класть земные поклоны. Вскоре все сбились со счета. Парень изнемог и просил батюшку, чтоб тот остановился. Но о. Вячеслав все продолжал делать метания. Парень этот остался в церкви и стал прислуживать в Алтаре....

...Однажды О. Вячеслава попросили причастить умирающую женщину в Загесе. Приехал за ним грузин на запорожце со знаком, что машина принадлежит инвалиду. Привез его в большой и красивый дом, но внутри было все предельно просто. О. Вячеслав исповедовал и причастил русскую женщину, которая готовилась предстать перед Господом. По дороге обратно водитель спросил: «Что такое грех?». Батюшка собрался ему ответить, но тот попросил выслушать его историю. В одной из богатых грузинских семей родился мальчик –калека. Врачи хотели его усыпить, говоря, что он не сможет жить. Рядом с этой семьей жила русская женщина с шестью детьми и она, узнав об этом, попросила отдать калеку ей. Так этот мальчик оказался в семье седьмым ребенком. Его родители по крови, чтобы не видеть как будет жить их сын, отдали свой большой дом его новой матери, а сами уехали в район. Мальчик долгое время ходил на костылях, потом окончил школу и институт, стал педагогом. Однажды он пошел к зубному врачу удалять зуб. Как только ему был сделан укол, он увидел себя сидящим в кресле и вокруг него бегающих врачей и сестер, которые повторяли: «Умер, умер...». «Я им говорю, - рассказывал он, - что я здесь, что я не умер, а они меня не слышат и не видят». Потом, пролетев в каком-то коридоре, типа широкой трубы, он оказался на необычайно красивой поляне; впереди он увидел ограду с воротами. Но врата немного приоткрылись и из этого проема показалась необычайно красивых очертаний рука и он услышал голос: «Ему здесь не место, он – грешный» и врата вновь закрылись. В то же мгновение он оказался в подвальном помещении, где лежало его тело и тот же голос произнес: «Войди». И он очнулся в своем теле к ужасу тех, кто там находился. Как показал лабораторный анализ, в ампуле, из которой был набран обезболивающий препарат, оказался сильный яд, после которого наступает мгновенная смерть. «Так почему же меня Господь не впустил во врата Рая?» - спросил этот парень. Рассказал о себе, что живет честно, урожай с сада раздает соседям, не пьет, не курит, досматривает свою приемную мать т.к, остальные его братья и сестры разъехались – так почему же он грешный?

Батюшка спросил его о личной жизни. Тот рассказал, что жениться на подобной ему калеке, он отказался и имеет одну женщину, с которой тайно встречался все эти годы у себя дома. «Вот этот то грех блуда был одним из главных и закрыл пред тобой дорогу в Рай» - сказал ему о. Вячеслав. Господь по Своей милости, за твои добродетели, не дал душе погибнуть и вернул тебя на землю, чтобы ты, покайся, прожил оставшуюся жизнь в благочестии». О. Вячеслав посоветовал ему или жить в чистоте одному или жениться и обвенчаться, не нарушая верности своей супруге. Прошло время, этот мужчина похоронил свою мать, отец Вячеслав обвенчал его с женщиной – калекой – он сидел во время венчания на стуле, так как долго стоять он не мог.

Как-то один мужчина спросил о. Вячеслава: «Зачем мне читать Псалтырь, если я все равно ничего не понимаю?». «Главное, что понимают то, что ты читаешь, бесы и бегут от тебя и тех, кого ты поминаешь на Псалтыри. Вот, если тебе врач выпишет рецепт на лекарство, в состав которого входит несколько компонентов, а рецепт написан на латинском языке – ты ведь не понимаешь, что там написано и что оно значит, но знаешь, что это лекарство поможет тебе от той болезни, на которую ты жаловался врачу. Так и при чтении Псалтыри, душа очищается, и ты получаешь облегчение или исцеление от своих душевных недугов».

...Был случай на 31 заводе, где в свое время работал о. Вячеслав. В те годы раздавали на предприятиях участки земли по 6 соток на семью. Одному из рабочих досталось место рядом с остатками разрушенного храма св. вмч. Варвары, - оставалась лишь небольшая часть престола. На это место 17 декабря на Барбароба приходили люди, чтобы поблагодарить святую и попросить ее помощи. Так вот этот «хозяйственный» сосед решил присоединить этот участок земли к своему. Его народ предостерегал, что это вызовет гнев Божий, но он все же повел трактор и разровнял это место, засадил его клубникой.

Клубника удалась необыкновенная, крупная, красивая.

В один из испытательных полетов нового самолета, была собрана команда, куда вошел и этот человек. Всем перед полетом выдавался спирт для смелости – никто не знал, как пройдет испытание машины. И вот все выпили из одной посуды. Самолет поднялся в воздух. И вдруг, на глазах у всей команды этому человеку становится очень плохо, у него разверзлась брюшная полость и все внутренности стали выпадать наружу. В течение короткого времени он в тяжелейших муках скончался. Этот случай батюшка Вячеслав рассказывал в назидание, как опасно относиться без страха Божия к святыням т.к. погибший доказывал, что Бога нет и это просто камни...

Говоря о том, как страшен грех осуждения, о. Вячеслав рассказывал такой случай. Одна старенькая бабушка, придя к нему на исповедь стала жаловаться, что, будучи девственницей, борима блудной страстью, с которой справиться нет сил. Батюшка спросил ее, не осуждала ли она кого-нибудь за блуд? «Как же, мою соседку, к которой двери не успевают закрываться ухажерами, осуждала» - покаялась. Батюшка посоветовал ей искренне покаяться, попросить у соседки прощения, усиленно молиться за нее. Через некоторое время старушка появилась снова, благодарила батюшку, что он ей помог избавиться от вражьей напасти...

С сильно отеками, как столбы, ногами он приезжал на службу каждый день на автобусе, который ехал более часа от его дома, машины у него никогда не было. Много месяцев он почти

ничего не ел, кроме пыльцы, разведенной в воде. Когда боли мучили его, он вставал у окна, впивался пальцами рук в решетку так, что пальцы синели и, закусив губу молился. Отказывался принимать морфий. Когда его посетил Патриарх Илья II и спросил, почему он не принимает обезболивающих, о. Вячеслав ответил, что ,когда к нему приходили люди со своими болями и скорбями он всегда призывал их к терпению, говоря, что это их крест и нужно все терпеть, что пошлет Бог. Поэтому и он должен терпеть то, что Господь ему послал, не заглушая этих болей и не ослабляя молитвенной бдительности. Единственное, что он по послушанию, согласился, - это поставить капельницу с витаминами, которую благословил поставить Патриарх.

После его кончины мне попалась фотография, где его гроб стоит в центре храма и от гроба до потолка огромный луч света, хотя источника света там нет....»

Про мастит, шантаж и молитву по соглашению.

«Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного»

(Мф. 18, 19)

«Нет счастья, равного
сознанию того, что в
общем переплетении судеб,
подчиненном замыслу Божьему,
тебе назначена своя роль».
«День восьмой»
Торнтон Уайдлер.

1993 г. Варвара проснулась, не имея определенных планов на предстоящий выходной. Вдруг ни с того ни с сего мать ей говорит без всякой видимой причины:

- Сходи сегодня к Лиде. Интересно, как она.

(С Лидой Волчковой Варвара вместе в ПТУ училась. Лида как раз недавно первенца родила.)

Варвара слегка удивилась такому предложению, но рассудив, что это неплохая идея, быстренько собралась и поехала в Нахаловку – на другой конец города.

Приходит и застаёт такую сцену: раскрасневшаяся Лида в слезах с маститом, некормленный ребенок плачет-разрывается, 22-х летний супруг ходит взад – вперед, мечет громы и молнии на всех и вся и, матюкаясь, выдает следующее заявление:

- Я мужик. Откуда я знаю, что делать. Возьми деньги и поезжай куда хочешь, хоть на операцию. хоть...(следует известный непечатный адрес).

Как на зло, никого из людей постарше нет поблизости. Свекровь Лидина куда-то не вовремя самоликвидировалась, а свекр – как всегда «отдыхал» после принятия самодельного элексира. Знакомых врачей нет, а к незнакомым врачам обращаться- себе дороже.

Тут в голову Варвары пришла очередная авантюрная идея.

Примерно за полгода до этой катавасии, она пыталась попробовать себя на журналистическом поприще, а конкретно взять интервью у зав. отделением гинекологии одной из больниц на провокационную тему: «Сколько стоят официально бесплатные роды в Грузии». Зав. отделением, малосимпатичный, обрюзгший тип,

находясь в легком подпитии, сперва разоткровенничался и назвал конкретную сумму, объясняя это всеобщей дороговизной и мужской логикой: «Должен же я хоть раз в месяц с любовницей в ресторан сходить или, к примеру, лишнюю покрывку купить». Варвара все это запротоколировала и, чрезвычайно довольная собой, уже собиралась нести в редакцию, как позвонил этот любитель лишних покрывок и настоятельно просил не печатать получившийся опус. Пришлось оставить ему тогда его компромат и культурно распрощаться.

Сейчас все это промелькнуло перед глазами и вылилось в идею: идти прямо к нему, а если он упрется, - пошантажировать его старым черновиком.

Лидии, одуревшей от слез и боли, было все равно, куда идти.

И подруги двинулись, захватив собой всю семейную наличку – 200 – 300 купонов и 1 доллар, оставив молодого отца с ребенком и бутылкой смеси.

На наше счастье любитель ресторанов был при исполнении служебных обязанностей – валялся мешком на диване, уставившись в телевизор.

Шантажировать его не пришлось. Он тут же все вспомнил и приступил к осмотру, - грубо помяв набухший сосок (Люба взвыла), сказал, что это не по его части и отправил нежелательную пациентку к изготовительнице мазей – Лии.

- А адрес какой? – бдительно наступала на него Варвара, вооруженная отгрызком карандаша.

- Доедите до Ваке-парка. Вот так перейдете, - рука гинеколога словно нырнула в воображаемую подземку, - потом еще вниз. Увидите арку, а там спросите, кто в магазине сидит. Ее все знают.

И на том спасибо.

Еще через час, изрядно поплутав между корпусами, были на месте. По ходу дела выяснилось, что сюда обращается половина женского населения Тбилиси.

Забирая мазь (по слухам приготовленную из жира ворон, подбитых местными мальчишками) и прощаясь, Лида спросила:

- Сколько я должна?

- Сколько дашь, - отвечала монополистка. – У мази нет конкретной цены. Часто приходят совсем неимущие. Я человек верующий. Один даст больше, другой меньше. Это не важно. Главное, что меня Бог хранит. Вы видите, как я живу, - она кивнула на прекрасную обстановку. - Был у меня случай. Я находилась дома одна, дверь открылась и вошел грабитель. Я не растерялась и говорю на ура: «Мой муж сейчас со двора поднимется, лучше уйдите.» Он испугался и ушел. Если бы я с людей требовала деньги, неизвестно, чем бы все закончилось.

Вышли они под впечатлением и чувством уверенности – куда надо попали. Лида говорит:

- Знаешь, как весь этот кошмар начался, я просила про себя «Господи, не знаю как, но помоги». И правда, Он мне помог....

Что касается мастита, то мазь за считанные дни сделала свое дело и операция не потребовалась....

1995 г. Варвара снова оказалась в Нахаловке во дворе с вечно распахнутой калиткой. Поблизости кто-то выводил нетрезвым голосом: «Банда из Ростова прибыла в Одессу совершать бандитские дела-а!» В тени, на плитке жарятся бадриджаны.

— Ты знаешь, я залетела, — сообщила Лида, накладывая на шипящую сковородку новую порцию бадриджан. — Придётся аборт делать.

— А, может, не надо? Родишь второго.

— Сергей психует, не хочет. «Зачем мне этот ребёнок — говорит. — Я ещё молодой». Да и куда рожать. У него работа то есть, то нет. Ты же видишь — жить негде. Одна конура эта три на четыре метра. А братан его, прямо зла не хватает, опять вчера к нам с топором ломился. Я вся на нервах. Этого-то пацана не знаешь, как воспитать. Весь в отца. Двух лет ещё нет, а уже матюкается. Да и мне после кесарева пока рожать нельзя.

— Да, но раз Бог даёт ребёнка, то даст и возможность вырастить его. Всё управится.

— Что управится? Проблема на проблеме. Как будто я против ребёнка! Просто выхода нет. Пойду завтра договариваться. И не говори мне про Бога ничего. Без тебя знаю, что грех.

— Может, именно этого ребёнка вам потом будет не хватать. — не унималась Варвара.

— Ох, перестань, пожалуйста. Нервы-то не железные. Мой-то, как начнёт психовать, когда напьётся, так тут всё летает. Слышишь, вон его папаша концерт очередной выдаёт. Иди, имей дело с алкашами. У них это в крови. Объяснишь им, как же, что грех, а что нет.

Вобщем, ушла Варвара в гнетущем настроении: неужели всё же аборт?

* * *

К кому с такой проблемой идти? Конечно, к Елене. Уж она точно что-то придумает. И Варвара понеслась на гору выкладывать новости.

Чем дальше она слушает, тем сильнее переживает и, волнуясь, крестится на образ Спасителя:

— Господи, останови Ты её! Сохрани эту жизнь! — и, обернувшись ко Варваре, говорит. — Этого аборта ни в коем случае нельзя допустить. Ведь она потом себя никогда не простит, — голос её звенит. — Скажи ей, что, когда супруги убивают вот так своих детей, их брак духовно умирает. И дело кончается разводом. Расскажи ей мою историю. Про мои аборты и как мне пришлось расплачиваться за это.

— А удобно ли?

— Дело тут не в стеснении. Если моё горе удержит её от греха, то это и мои падения хоть как-то прикроет. Мне ведь до конца жизни это надо отмаливать.

— Бесполезно. Лида всё уже решила. Да и срок после кесарева очень маленький — больше года.

— Ну и что? Я знаю нескольких женщин, каждый год рожавших кесаревым, и всё было благополучно. Знаешь, не теряй времени, обзванивай всех наших. Давайте все вместе в девять утра читать молитву по соглашению, чтобы Господь отвёл её от этого убийства. Ведь ребёнок уже существует, всё чувствует, просто его пока не видно. И на, вот тебе деньги — подай записку на литургию. Я верю, Господь сотворит чудо, но нужна наша общая молитва.

Проходит день, другой. Предупреждённые, их четверо-пятеро, читают каждый у себя дома молитву по соглашению о человеке, которого не знают, зная только о том, что просят все одновременно сохранить жизнь ребёнку.

Прошла неделя, и Варвара снова во дворе с не запирающейся калиткой. В пристройке слышна чья-то ругань с непечатными выражениями. Выходит Лида. И прямо вся светится.

— Ну, наконец-то, — обнимая гостью. — Я тебе новость скажу, ты сейчас больше меня обрадуешься. Я оставляю!

— Вот это да! И как ты решилась?

— После твоего ухода я долго думала, говорила про себя: «Господи, сделай что-нибудь».

Потом пошли с Сергеем к врачу, уже и деньги достали. А там плакат во всю стену, как будто ребёнок пишет: «Мама, не убивай меня». Я заплакала и мужу показываю: «Смотри — говорю, — сил моих нет». Ну, он, конечно, своё: «Да пошла ты!» А врач, который нас на операцию ждал, вдруг стал с Сергеем разговаривать. Объяснил, что может у нас вообще детей больше не будет, и уговорил оставить. Сергей как-то притих, согласился, а теперь говорит: «Девочку хочу».

После этого разговора прошло несколько месяцев, и была ещё серия чудес. Лиду, изнемогавшую от постоянных пьянок-гулянок во дворе, сестра пригласила рожать к себе в Россию. Зимой, когда у маляров мёртвый сезон, Сергей достал деньги на дорогу и отправил жену самолётом. Доехала она до Иванова нормально. Рассказывала потом, как совершенно незнакомые люди помогали ей в дороге. Роды прошли благополучно. И как-то утром, читая уже привычную молитву по соглашению, Варвара почувствовала: больше читать не надо, Лида с детьми уже дома. Побежала узнать. И правда!

— Поздравь меня, — кричит Лида. — У меня девочка. А как ты узнала, что я приехала? Я же не звонила.

* * *

Потом еще тоже случай был.

Зима. Варвара и Элисо поднялись с хлебом к Елене. У нее тепло, не то что на улице. За перегородкой из старой раскладушки блеет и мучается коза.

- Ой, как хорошо, что вы пришли, - встречает их хозяйка. — А у меня тут коза пять часов мучается и не может родить.

- Давайте сейчас же прочтем молитву по соглашению.

Не раздеваясь, гости читают, повернувшись к иконам:

« Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Ты бо рекл еси пречистыми устами Твоими: Аминь глаголю вам яко аще два от вас, совещаются на земли от всяцей вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на небесах: идеже бо еста два или трие собраны во имя Мое, ту есмь посреде их.

Непреложны словеса Твоя, Господи, милосердие Твое безприкладно и человеколюбию Твоему несть конца. Сего ради молим Тя: даруй нам, рабам Твоим (тут мы называем свои имена), согласившимся просить Тя: «помоги созданию Твоему родить», исполнения нашего прошения. Но обаче не якоже мы хотим, но якоже Ты. Да будет во веки воля Твоя. Аминь», - не успели сказать хором, как услышали:

- Ме-е, - закричал только что родившийся козленок.

Меморандум

Туман висел над головой, как косматая папаха, — в двух метрах ничего не видно. Пила упрямо не хотела «грызть» мокрое бревно, а норовила пройти по пальцам. Время от времени опилки фонтанчиком падали на ватники и сапоги пильщиков. Варвару распирала злость на весь мир: на гнилую погоду, на зубатую железяку, изгибающуюся змеей, и на всех верующих в целом. С того конца пилы раздался тихий совет-наставление.

— Варя, работай с молитвой. Даже в этом тебе гордыня мешает.

— Да при чём здесь гордыня? — огрызается Варвара, хотя в более спокойной обстановке легко бы согласилась со своей духовной матерью. — Вы тут жилы из себя тяните, а вашим братьям и сёстрам во Христе до лампочки. Вот вы полжизни церкви посвятили, и что?

Ходят взад-вперёд зубья по дереву. С того конца опять медленный и взвешенный ответ Елены:

— Достойное по делам моим приемлю. Значит, я тоже в своё время кому-то не помогла. Всё, что Господь посылает, надо принимать со смирением.

— Ну, ничего себе! — взрывается Варвара. — Почему сейчас нет в церкви общего имущества, как у первых христиан? Только на словах «возлюбим друг друга», а на деле, ах, они, видите ли, молятся.

— Не грехи и перекрестись лучше! Это тебя тёмные силы смущают.

Зубья пилы злобно рвали древесину. Варвара не унималась:

— Во, научились всё на масонов да на тёмные силы сваливать! Вот погодите, я открытое письмо напишу. Меморандум!

— Ты устала, наверное, бедная, — вздыхает Елена, опуская пилу. — Отдохни лучше. Я уж как-нибудь сама потом закончу.

Спор этот был давний и по-своему обоснованный. Вот уже два года Елена мужественно тянула лямку беспросветной жизни на безлюдной горе в окрестностях Тбилиси — ухаживала за парализованной матерью и инвалидом-отцом. Единственным источником существования было стадо из шести коз.

Несмотря ни на что, Елена не унывала, да ещё и посмеивалась:

— Мы как отшельники. Молитвы читаем при керосинке, воду с крыши по жёлобу собираем. Сами пьём и скотинку поим, — и, помешивая кочергой головёшки в проржавевшей печке-буржуйке, неизменно утверждала — Слава Богу за всё!

Варваре суемудрой такое смирение и не снилось. Вместо спасительной веры в Промысл Божий в голове совсем другие мысли роятся: как бы в церкви мужичков подловить и на гору к Елене заманить, чтоб женщина на непосильной работе не надрывалась. Но, увы! Представители сильного пола, во-первых, всё наперечёт, а во-вторых, готовы помочь лишь на словах. Как услышат о Елене, только охают:

— Как она там, бедная? Передайте Елене — мы молимся о ней.

Вот, на эту кислятину глядячи, и решила Варвара написать открытое письмо — призыв к решению общих проблем в приходе. Наспех накатанный меморандум выглядел так:

«Дорогие братья и сёстры во Христе! Мы долгое время ходим в один и тот же храм, но не знаем ни адресов, ни конкретных нужд стоящих рядом. Как же нам исполнить закон Христов, не нося бремени друг друга? Чем мы хуже евреев, католиков, иеговистов, имеющих налаженную систему сведений друг о друге?

Поэтому предлагаю:

1. Сдать наши адреса священнику с кратким описанием, кто что может делать, чтобы выявить самых беспомощных и прикрепить их по месту проживания к дееспособным.

2. Сдавать всем 10% заработка или другого рода доходов в общую кассу на решение общих проблем прихода.

3. Вывесить в притворе еженедельное сообщение о событиях прихода и возникающих проблемах.

4. Собираться после воскресной службы для обсуждения того, что надо сделать».

И так далее, всё в том же духе. Вручила Варвара это рукописание священнику. Тот ознакомился с хартией и сказал:

— Что ж, прочитаю я это на проповеди. Посмотрим, что будет.

Сказано — сделано.

Прихожане в относительной тишине прослушали меморандум Варвары, не выразив особых эмоций. Священник в заключение вызвал инициатора из толпы, перекрестил и сказал:

— Благословляю тебя, Варвара, на это богоугодное дело.

Основная масса слушателей тут же спокойно разошлась, логично рассудив, что это конец проповеди. Никому и в голову не пришло сдавать свои адреса. Подошли только две бабки и один мужик с недавно отпущенной бородой. Пенсионеры с ходу стали излагать свои беды.

— Вот я, — жаловалась первая, — в прошлом году как руку сломала, полгода дома валялась. Ко мне ни одна живая душа из церкви не пришла. Спасибо, соседи-мегрелы кормили, а то не знаю, что бы я делала.

— А у меня дом сгорел, — дребезжащим голосом докладывала вторая. — Беднее меня никого здесь нет. Запиши, деточка: Валентина Ивановна Сундукова. И никто-то обо мне не думает. У соседей второй год из милости живу.

Варвара в темпе накалякала координаты страждущих, обнадёжив их, что «как только, так сразу», и приготовилась выслушать бородача в очках. Медленно выговаривая каждое слово, бородач, он назвался Семёном, сообщил фантастическое:

— У меня есть лишние деньги. Не подскажите, кому их дать?

Варвара оценила рыцарство. Надо же, одет человек в какой-то жуткий плащ «времен очаковских и покоренья Крыма», а туда же — «есть лишние деньги». Денег, правда, тут же не стало: их разделили между собой давешние пенсионеры «во славу Божию».

В последующие недели ничего интересного не произошло. Иногда подходили старушки, диктовали свои адреса (среди них кто-то пустил утку, будто Варвара главная по «гуманитарке»). Семён продолжал рассовывать по карманам их кофт свои лишние капиталы.

Варвара ещё пыталась раскошегарить среднее поколение, но неизменно наталкивалась на туманные рассуждения:

— Сейчас время такое. Всем трудно.

В общем, меморандум Варвары порос мхом забвения.

Можете себе представить, в какое уныние впала Варвара из-за крушения своей великой идеи? Елена, улыбаясь, успокаивала её:

— А ты не скорби. Кого надо, Господь Сам приведёт. Сейчас времена последние. Никого осуждать нельзя. У меня и так есть два Симона Киринейских — Элисо да ты. Чего же больше? — и

знай себе керосиновую лампу надраивает. — Когда я в последний раз в Троице-Сергиевой Лавре была, архимандрит Кирилл (Павлов) мне моё сегодняшнее положение предсказал. Увидел вяве, что меня ждёт, и даже зажмурился. Но потом утешил: «Милость Божия всё покроет». Так что всё в порядке. Комфортно спастись невозможно.

В одно из воскресений Семён отправился с Варварой к Елене. Внял, бесхитростная душа, её увереньям: «Там от тебя будет наибольшая польза».

По дороге, увязая по колено в снегу, рассказывал неторопливо:

— Я очень Ксению Петербургскую почитаю, она мне всегда с работой помогает. И ещё Николая Чудотворца... Я в своё время институт иностранных языков окончил. Как Советский Союз развалился, и работы совсем не стало, я пристроился окна в офисах мыть. Потом в азербайджанские деревни ездил лук собирать.

— Не страшно было туда с армянской фамилией ехать?

— Они на мою работу не жаловались, а я — на их гостеприимство. Ездил, молился. Мне на хороших людей везёт. Именно азербайджанцы меня подтолкнули фотоделом заняться.

Так, с пространными разговорами дошли до ворот с проволоочной оградой. Глядь, у порога Елена в ватнике стоит, собак унимает.

— Христос посреди нас! — приветствовала гостя с улыбкой. А улыбка у неё такая, что голливудские стандартные ухмылки перед нею — ничто.

Семён растерялся с непривычки:

— А что мне сказать?

Елена рассмеялась:

— Скажи: «Был, есть и будет всегда!»

Семён послушно повторил (Потом признался, что именно это приветствие произвело на него огромное впечатление) Елена тем временем повела его в дом с родителями знакомить, по пути поясняя:

— Мы здесь живём по-простому, все в одной упряжке. С Каркушей нашей, — кивая на Варвару, — ты уже знаком. Тайн друг от друга никаких не держим. Друг дружке помыслы открываем, чтобы тёмные силы искусить не могли.

Семён это слушал, слушал, а как переварил, оглоушил выводом:

— Раз я к вам сюда попал, то и у меня и никаких тайн от вас не должно быть. Можно я вам про свою личную жизнь расскажу?

Тут Елена растерялась. Потом перекрестилась, быстро сказав: «Пусть Господь это примет как исповедь». И Семён стал подробно докладывать про свои пробные браки и кто когда от него аборт сделал. От такого послужного списка Елена пригорюнилась и спросила:

— Ты сколько лет в церковь ходишь?

— Лет четырнадцать.

— А на исповеди в этом каялся?

— Нет. А что, разве надо? Я там про другое говорю, про то, что мало молюсь.

— Обязательно на исповеди батюшке скажи, чтоб он тебя от греха разрешил.

В общем, уходил Семён от Елены какой-то обновлённо-радостный:

— Сколько лет в церковь хожу, а такой женщины не встречал, — пояснял он Варваре на обратном пути.

После этого Семён стал у Елены бессменным помощником и со своими многочисленными талантами и трудолюбием был просто незаменим.

Княжна-дровосек

Эту квартиру Варвара всегда старалась обходить стороной. Что хорошего можно ждать от хозяев, если в окне, в глубине комнаты виднеется огромное бордовое знамя республики. «Националисты, наверное», — думала Варвара, поминая недобрым словом митинги времён Гамсахурдиа.

И вот как-то Нино, хозяйка бордового стяга, зазвала Варвару на огонёк. Пьёт Варвара чай из сушеного инжира и удивляется, как с Нино легко говорить. Весёлая, общительная, лицо открытое, со здоровым крестьянским румянцем во всю щёку. И не скажешь, что шестой десяток разменяла. А логически ожидаемого национализма и в помине нет. Так и пошло у них, как свободный вечер, так совместное экзотическое чаепитие и изба - читальня по совместительству. Благо у Нино всегда куча всяких сушеных эксклюзивов типа липового цвета, высокогорных трав и прочее, чего ни в каком магазине не купишь.

Как-то просматривая свежие газеты, Нино задержалась на одной статье.

— Как это страшно, — сказала она, указывая на статью об абортах. — Какое счастье, что я этого избежала.

— А как избежала? — Из Варвары тут же сам собой выпрыгнул встречный вопрос.

— Мы с мужем держали все посты, в среду и в пятницу включительно.

— Это сложно, наверно?

— Ничего сложного. Он был верующий, много молился и знал все эти правила лучше меня. Я просто соглашалась с ним в вопросе воздержания.

Варвара сразу настроилась на долгий рассказ и она не ошиблась.

- У нас и знакомство началось Великим постом. - Нино рассказывала не торопясь, попутно мастерски орудуя щипцами для. Перед ней стоял огромный таз, доверху наполненный лесными орешками. - Сидели за столом у общих знакомых. На столе жареный поросёнок, чахохбили, хачапури, все гости с аппетитом всё это уничтожают, и только мы вдвоём едим постное: он — пхали, я — лобио. Завязался разговор.

Уже при третьей за неделю встрече он сделал мне предложение: «Не могу жить без тебя». Я

задумалась: ему сорок восемь лет, мне тридцать восемь; он никогда не имел семьи, я тоже. Он многие годы ухаживал за своими родителями; я много работала и растила своих племянников. Я

задала себе вопрос: смогу ли всю жизнь прожить с этим человеком? И поняла, что да, и с большой радостью. Через неделю после знакомства мы отнесли заявление в загс, и после поста, в первую же

субботу после Пасхи, отпраздновали свадьбу. У нас было очень весело. Мои подруги говорили мне: «Стоило ждать столько лет, чтобы найти такого человека». То же самое, как выяснилось, говорили ему его друзья обо мне.

Варвара потребовала себе вторые щипцы и тоже под села к тазику с другой стороны. Нино продолжала.

- И вот начались семейные будни. Я работала по своей специальности, он занимался своими

пчёлами. С деньгами всегда было туго, но мы были очень счастливы. Когда я забеременела — это была огромная радость для нас обоих. Врач предупредил, что мне нельзя мыть полы, дышать стиральным порошком во время стирки, вешать бельё и т.д. Всё это делал муж, без малейшей

просьбы с моей стороны. Естественно, не было и речи о супружеских отношениях во время

беременности. Хотя врач и не настаивал на таких ограничениях. Он по каким-то своим рецептам постоянно делал мне фруктовые коктейли. Следил, чтобы я не простудилась, отдыхала почаще, чтоб у меня было много сил. Когда через полтора года после венчания родилась девочка, все удивлялись, насколько это здоровый и спокойный ребёнок. Я до сих пор храню его письма, полные любви, — он писал мне их трижды в день, когда я находилась в роддоме. Девочку крестили в той же церкви, где мы венчались. Ребёнок рос. Мы почти круглый год проводили в деревне, где у мужа была пасека. Я занималась ребёнком и делами по хозяйству, которых в деревне непочатый край. Виноградник, участок с кукурузой, сбор фруктов — всего не перечислишь. По воскресеньям ходили вместе в церковь. Муж пересказывал дочке Библию, читал сказки, пел народные песни, а он их очень любил. У нас всегда было много гостей. Иногда в день по три смены. Одних встречали, других провожали. Мне было спокойно и хорошо с мягким, любящим человеком.

Мы уже готовили дочку к школе, когда муж неожиданно тяжело заболел, и на святую Варвару

скончался. Я очень любила мужа, но чувства ропота на Бога у меня не было.

На первых порах, оставшись после похорон в опустевшей квартире, я была в отчаянии: как

жить, не имея работы, с пятилетним ребёнком и старушкой-тётёй? Уход мужа что-то переключил в душе. Все сорок дней через каждые три часа я читала Псалтирь. Не помню, чтоб меня этому кто-то учил, просто была потребность это делать. Каждую субботу заказывала панихиды. Причащалась сама и подводила к Чаше ребёнка. Быстро пролетели сорок дней.

Постепенно наладилось наше материальное положение. Наступила весна, и мне пришлось

заняться пчёлами, с которыми прежде возился мой муж. Весна — тяжёлое время для меня.

Расцветает все вокруг, и душа начинает мечтать о любви. Зная за собой это, стала я просить Бога ежедневно на утренних и вечерних молитвах: «Пусть душа моя станет, как дерево. Избавь меня,

Господи, от этих мечтаний, чтоб я думала только о том, как накормить и одеть ребёнка». Был у меня страх, что вдруг потянется сердце к какому-то мужчине.

Прошение моё исполнилось. Душа очерствела, и целый год я была, как бесчувственная.

Потом испугалась своего окаменения и попросила: «Верни мне, Господи, чувства». Вернулись

прежние чувства, а вместе с ними проблема — излишнее мужское внимание. И тогда на молитве о новопреставленном я стала просить мужа: «Защити нас, убереги от всего этого». И почувствовала его помощь.

Как-то раз призадумалась об одном очень настырном претенденте, предлагавшем сойтись с

ним: «Может, стоит мне согласиться?» И в ту же ночь вижу сон. Будто входит в спальню мой муж, срывает с моего свадебного платья бутон и выходит, не взглянув на меня. Этого было достаточно, чтобы определиться. И ещё удивительно, что после смерти мужа не было ни одного дня, когда бы я осталась без денег, всегда в доме что-то есть. Стала я замечать и такое: стоит кому-нибудь меня обидеть, как муж незримо вступает за меня.

Как-то возвращалась я с дочкой с пасеки. Ульи мои стоят в пяти километрах от дома, в лесу.

Притормозил знакомый тракторист: «Садись, подвезу». Села в кабину, поехали. Дорога — одни булыжники, трясёт из стороны в сторону. Он меня за плечи обнял, точнее, коснулся пальцами. Я не ханжа — двадцать пять лет проработала в геологических экспедициях, и друзей-мужчин у меня

много. Но было в этом заигрывании молодого парня нечто такое стыдное, что я потребовала:

«Останови машину». Пошла дальше пешком, и обида душит: «Был бы жив мой муж, да разве бы этот молокосос посмел!» Через месяц встречаю тракториста с женой на улице. Смотрю, рука перевязана.

«Что случилось?» — спрашиваю. «Да вот, — говорит, — попала рука в машину, и кончики пальцев срезало». Я даже испугалась — это была та самая правая рука, которой молодой ловелас пытался приласкать вдову.

А было и такое. В конце августа отмечали мы на пасеке день рождения мужа. Сбор мёда был

уже закончен, и все ульи стояли у меня во дворе. Мы сидели за столом, пили домашнее вино (я сама его делаю), и поминали моего пчеловода. Вдруг откуда-то прилетел рой пчёл и сел на мой участок.

«Давай скорее пустой улей!» — кричат мне. Пустой улей был как раз под рукой. Я поставила его, и пчёлы охотно поселились в нём. Через год этот улей дал мёда больше всех остальных.

Говорят, у Бога все живы, и наши усопшие родные молятся за нас. Во всяком случае, наша

духовная связь с мужем не прервалась. Мы с дочкой молимся о нём на земле, а он, я чувствую, молится за нас.

Естественно, Варвара ушла от нее в тот день под большим впечатлением.

Нино, видимо, по своему тоже присматривалась к Варваре и как-то стала расспрашивать, откуда у нее царапины и мозоли на руках. Пришлось рассказать про Елену — отшельницу поневоле.

— Они кто, грузины? — заинтересовалась Нино.

— Нет, русскоязычные.

— А-а, значит, им вдвойне тяжело. Родственников, наверняка, нет. Кто мог, уже давно уехал.

Чем больше Нино вникала в ситуацию, тем больше переживала.

— Да как они вообще там живут? — и тут же предложила. — Давай в это воскресенье туда сходим!

— Это далеко, — отнекивалась Варвара. — От Мухиани пять километров пешком.

— Ну и что? Я геолог, меня этим не напугаешь. Только продукты соберу, и пойдём.

«До воскресенья, небось, сто раз забудет», — подумала Варвара и не стала её разубеждать.

В воскресенье в семь утра Варвару разбудил звонок.

— Где ты? Я уже готова, и всё собрала.

Под «всё собрала», как выяснилось, подразумевалась внушительная спортивная сумка, под завязку набитая хачапури, чурчхелами, пхали и вином.

— Куда столько? — скривилась Варвара. — Не на свадьбу идём.

— Неудобно в первый раз с пустыми руками идти, — пояснила Нино. — Это всё моё, из деревни, не покупное.

Пока преодолевали крутые ухабы, Нино рассказывала про свою деревню в Кахетии. Подразумевалось, что это лучшее место на земле.

— Она находится недалеко от Кварели — родины Ильи Чавчавадзе. Обязательно тебя к себе на лето заберу. Увидишь, какая там красота. До Алазани рукой подать, а вокруг голубые горы уходят вершинами в небо. Именно о них Илья Праведный сказал: «Родные горы, Ваш сын покидает вас...»

И давай дальше наизусть шпарить. Варвара, сделав умное лицо, слушала недоумевая: «И не лень было учить?»

— Мне от мужа несколько ульев досталось, — продолжала Нино. — Со мной там недавно один случай вышел. Шла я с моими односельчанами на пасеку. Дорога пролегла через ущелье. Ребята перешли по перекинутому через него старому дереву и ждут меня на той стороне. Двинулась и я за ними. В какой-то момент мой рюкзак перевесил, и полетела я с десятиметровой высоты вниз, прямо на огромные валуны. Знаешь, будто меня кто-то подхватил и мягко на землю опустил. Мои друзья в ужасе сверху кричат: «Нино, что у тебя сломано? Спина цела?» А у меня ни царапинки!

Я это к тому отношу, что в этот день Богородичное правило полностью прочитала. Где-то слышала, что святой Серафим Саровский — я его так люблю! — говорил: кто «Богородице Дево, радуйся» 150 раз в день читает, с тем удивительные вещи происходят.

Варвара не переставала удивляться: «Вот тебе и сельская жительница со знаменем в обнимку». На минуту представила себе объём работ в деревне — даже дурно стало неженке-горожанке. Вот и предложила:

— Может, лучше продать этот дом с виноградником? Возни много, а толку мало.

Благодушие Нино как ветром сдуло. Ястребом кинулась она к Варваре, только что за грудки не схватила, и — в крик:

— Как продать? Зачем продать? Как мне, грузинке, без своего вина? Шах-Аббас не смог до конца уничтожить наши виноградники! А ты хочешь, чтоб я, княжна, кому-то продала свою землю?

Вот, смотри, — и она выставила вперёд свои широкие, шершавые руки. — Я ведь всё сама делаю: и опрыскиваю, и окучиваю, и обрезаю свой виноградник. А знаешь, как правильно надо обрезать лозу весной? Каждую веточку надо перебрать с молитвой: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа!», а четвёртый отросток срезать.

— И сколько литров вина в год выходит? — не унималась наша «акула капитализма», уже прикинув про себя, что вино хороший бизнес и можно получить барыш.

— Когда двести, когда пятьсот литров получается. Это всё для дома. У меня каждый день гости.

Так, кипя и бурля эмоциями, дошли до пункта назначения. Елена выбежала за ворота на лай собак.

— Христос посреди нас!

— Аминь! — просияла Нино, подтверждая приветствие троекратным поцелуем.

Варвара только хмыкнула: вот бы правителям такую любовь и единомыслие, как этим двум политическим противникам. Нино всей душой за независимую Грузию времён Давида Строителя, а Елена — за Союз нерушимый республик свободных, но без коммунистов.

После трапезы Нино приступила к брёвнам. Огромный топор, который Варвара еле-еле могла оторвать от земли, летал как молния в её руках. Хрясь-хрясь — и через минуту кругом лежали ровно разрубленные поленья. Дядя Коля, баюкая парализованную нерабочую руку, даже прослезился:

— Нино, родненькая, кто тебя научил так рубить? Это, поди, не каждый мужик сможет.

А Нино только улыбалась и яростно крушила остатки пней и коряг. Остальные наблюдатели еле успевали таскать дрова. Само собой, княжна-дровосек прочно вписалась в общий состав.

Сердце, надрезанное ножницами

1999 год. Пасхальная служба закончилась. Все спешно кинулись разговляться яйцами, сыром и только что освящёнными куличами. Голубоглазая высокая девчонка кивнула Варваре:

— Ну, чё? Христос Воскресе! — и с готовностью протянула руку с малиновым пасхальным яйцом.

«Наш кадр», — растаяла Варвара. Слово за слово, Лика, так звали новое приобретение, нравилась Варваре всё больше и больше. Ни тебе показных молитвенных поз, ни благочестивого елеса в речах, а вместо этого простой современный базар. Разговор перекинулся на общих знакомых по церкви и на Елену, «по жизни в скорбях пребывающую». Лика наострила уши.

— А чё? Если надо помочь, я с удовольствием. Всё равно от скукидохну. Я медик! Чесслово! Я раньше в русском госпитале работала. Ты не смотри, что я шкиля-макарона. Я там, знаешь, каких бугаёв воровала! Короче, когда пойдём?

На место встречи Лика явилась в полной экипировке: на спине рюкзак, с ремня на плече звывает транзистор, в руках альбом с рисунками, который был тут же вручен Варваре с пояснениями:

— Здесь душа моя и моя жизнь поломатая.

На чёрном фоне было нарисовано ярко-красное сердце, надрезанное ножницами. По лезвию стекала кровь. Второй рисунок был ещё абстрактнее. Белая и чёрная полосы. На белой — чёрные следы, ведущие в никуда.

— Это моя клиническая смерть. Когда я на том свете была, — бойко продолжала Лика тоном экскурсовода, — вышла моя душа из тела, а эти чёрные меня к себе тащили. И звуки такие: чав-чав. Будто кто по грязи шлёпает. У меня такое два раза было.

Варвара слушала зачарованно. Хотела уже сунуться с советом продать абстракции подороже, но интерес к потусторонней жизни взял верх:

— И как там? На том свете?

— Ничего конкретно сказать не могу. Меня скоро назад вернули. По чьим-то молитвам. Наверное, матушка Аскитрия за меня молилась. Помнишь такую?

— Помню. Всегда в храме у иконы Георгия Победоносца стояла. Тихая такая, со светлым лицом.

— Во-во! А добрая, слов нет. Сама голодала, на хлебе и луке сидела, а последний кусок тебе могла отдать. И, прикинь, никогда не жаловалась. Мы за ней ухаживали, когда она заболела, а она нам свою однокомнатную отписала... Матушка мне столько всего про веру рассказывала, что я в церковь пришла. Царство Небесное, — и Лика перекрестилась.

Тем временем доплелись до ворот с изображением креста. Вышла к ним Елена с уставными словами: «Христос посреди нас!»

А потом почему-то стала молитву читать:

— Отрицаюсь от тебя, сатана, гордыни твоей, служения тебе и сочетаюсь Тебе, Христе, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И только после этого лягушек-путешественниц в дом завела. Транзистор, впрочем, сразу попросила выключить, чтобы «молитвенному настроению не мешать». Ликуша ошалело тарасила глаза, но потом быстро освоилась и начала генерировать идеи:

— Чем помочь? Давайте я навоз у козочек почищу.

Варвара стала попутно тарыхтеть про Ликины посмертные приключения, а сама участница дополняла их новыми душераздирающими подробностями. Елена слушала, не перебивая. Потом обратилась к Лике:

— Ты понимаешь, какая на тебе ответственность? Это большая редкость, чтобы человека два раза назад возвращали.

Лика почему-то скисла и вздохнула:

— Знаю.

— Впрочем, — продолжала Елена, — с меня тоже двойной спрос будет. В тридцать лет у меня был инсульт. Моя душа тоже вышла из тела. Я хорошо помню, как меня поднял белокрылый Ангел и понёс куда-то.

— А какого размера был Ангел? — восторженно Варвара, любительница подробностей.

— Сейчас мне трудно сказать. Но явно выше человеческого роста. Он поставил меня перед иконой Казанской Божьей Матери. Больше ничего не помню. Потом пришла в себя.

— При чём тут икона? — спросила Лика.

— Я родилась на Казанскую, — как бы не слыша вопроса, рассказывала Елена. — Потом сама стала всем этим интересоваться, так к Богу и пришла. Мне, как инженеру-программисту, много чего вначале казалось странным: догматы, молитвы на церковнославянском языке. Потом постепенно всё в голове улеглось, и появилось восхищение логичностью Божьих законов. Я их сравнивала с моей любимой математикой.

Много чего ещё было тогда рассказано, и в результате Лика при прощании стала обговаривать время следующего похода.

На второй поход Лика явилась под градусом и сразу ошарашила Варвару требованием:

— Дай денег!

Получив просимое, Лика тут же купила бутылку пива и опустошила половину. Дальше стало твориться что-то невообразимое: песни и пляски народов мира по всему маршруту следования. Временами репертуар сменялся слезами. Ликуша, вращая совершенно безумными глазами, несла околесицу:

— Это они меня заставляют... Я ведь слово давала... Что же я делаю? — слёзы тут же сменялись яростью, и она начинала боксировать воздух.

— Они, красноглазые твари, мне жизнь поломали! Порвать бы их на части.

Елена, увидев перекошённые лица гостей, бросилась кропить их святой водой. Кое-как Лика утихла и заснула. А, проспавшись, уже рассказывала более или менее связно.

— Стоит мне стопку выпить, всё — мозги набекрень. Не могу с собой совладать. Матушка Аскитрия это знала и всячески меня поддерживала. Только с ней мне было хорошо. У неё, наверно, аура такая.

— Благодать, — тихо поправила Елена.

— Поговоришь с ней — и уходишь другим человеком. Если бы вы знали, как мне её не хватает! Искала я таких людей в церкви, да куда там: каждый сам по себе. Батюшки-то у нас хорошие, но занятые очень. Причащаться, мне говорят, почаще надо. А у меня когда получается, когда нет. Нервы на нуле. Чуть что — психую, с родителями грызусь, а потом плачу. А у вас, Елена Николаевна, мне нравится. Спокойно... Можно, я к вам приходить буду? Даже после этого?

Елена кивнула и, глядя куда-то вдаль, задумчиво сказала:

— Тебя ко мне явно матушка Аскитрия привела. В своё время она и мне помогала в моих бедах и скорбях. А когда я узнала о её переходе в вечность, то всё думала: кто же её досмотрел? Она же была совершенно одинокая. Оказывается, за ней ухаживала ваша семья. Не устаю поражаться, как мы все незримо связаны, — и, доставая свой пухлый **синодик и ручку, спросила. - Как**, говоришь, твоих родителей зовут?

Лика назвала. А Варвара уже знала, если Елена кого в свой список занесёт, то это на всю оставшуюся жизнь.

Так собиралась общинка дорогих Варваре людей. Почему-то тянулись к Елене такие несхожие, а иногда странные люди.

Про о. Филарета.

Когда Варвара пришла в церковь в 94 году, больше всех понравился о. Филарет. Улыбчивый, добродушный и веселый. А тут еще наслушавшись кучу рассказов о его прозорливости, решила с места в карьер взять у него интервью (не имея представления заранее в какую газету его пристроить). Выложила ему просьбу и получила вполне логичный отказ.

- Ничего во мне интересного нет. Вы лучше про патриарха пишите.

Про патриарха Варваре писать не хотелось – слишком далеко и высоко. И без нее,скудоумной, есть кому этим заниматься.

Стала приглядываться к о. Филарету, стараясь усмотреть что-нибудь сверхъестественное, то самое, о чем все остальные прихожане говорили с придыханием, возводя глаза к потолку.

Одна служба, другая, третья - вроде ничего особенного. Мертвых не воскрешает и больных взмахом руки не исцеляет. Но сразу заметно, стоит человеку с улицы зайти в церковь, его как магнитом тянет к о. Филарету. И каждого он выслушивает, не прерывает и на часы не смотрит, да у него и часов что-то не видно. И вот странность, всех своих знает по имени. А этих, своих по самым малым подсчетам набегает довольно приличное число. Да еще и во время молебнов, помимо записок, если случайно взгляд упадет на кого-то из знакомых, тут же начинает перечислять всех его близких. Та же картина во время панихид повторяется. Технические мозги Варвары и этому нашли обыденное объяснение. Память у человека феноменальная, вот и весь фокус.

Через какое-то время пришли за Варварой в церковь подруги, хоть и помладше нее, но натурой очень на нее похожие. Потому и реакция у них на отца Филарета была схожая: « Вот к нему на исповедь пойду, а к вот тому, сердитому – ни в коем случае.»

Сперва интерес к нему был совершенно потребительский. В первую очередь интересовало, что он скажет на счет замужества. Но тут ждало девушек сильное разочарование. На подобные вопросы о будущем о. Филарет отмалчивается и на вопросы о каких-либо своих сверхъестественных способностях тем более говорить не желает ни под каким видом.

- Откуда вы такое берете? Одни греховные у меня способности и больше нет ничего.

Тем не менее через какое-то время о.Филарет уже знал во всех подробностях жизнь Дины и Кати.

Дина, например, свои наблюдения за о. Филаретом вела,а потом как же ими не поделиться.

— Ой, я что видела! Что видела! Сегодня одна женщина во время службы накинута на о. Филарета с криком: «Где мои поминальницы!» И бах ему пощечину залепила. Мы все замерли.

- А он что?

- Прикинь! Никакой ответной реакции. Говорит ей, как ни в чем не бывало, « Не волнуйтесь, я сейчас в алтаре посмотрю». Пошел, поискал и говорит так же спокойно «Нету». А ей тем временем все, кто был рядом сказали « Вы что тут вытворили?». Она немного в себя пришла и потом на коленях у отца Филарета прощения просила.

А он еще стал её успокаивать: «Ничего, со всяким бывает». Мы с тобой наверное, никогда так не сможем?

- Наверное, - согласилась Варвара. Тем более, что они с Диной в таких вещах , как близнецы, даже грехи, одинаковые, ни дня без осуждения прожить не могут. А потому следом, конечно, уныние у обоих тут как тут.

Время какое-то прошло, у Дины новые впечатления.

—Я плакала, рассказывала отцу Филарету, как я устала от этой жизни. Я же с пятнадцати лет на улице! Не знаю, как жить, за что схватиться. Бегаю, косметику перепродаю, чтоб лишние две копейки сделать. А кому оно нужно, это турецкое барахло. Не знаешь, как наврать, чтоб всучить. А дома еще дядя пьяница концерты выдает. Вчера все окна побил. Ветер свистит, как на улице. Где я новые стекла теперь нарисую? А батюшка слушал меня, успокаивал и своей рясой мои слёзы вытирал...

- А что, платка у тебя не было?

- Оставь, пожалуйста, видно, посеяла его я где —то на нервах....

Несмотря на то, что в лице о. Филарета Дина нашла себе бесподобного слушателя, все равно вскоре отошла от церкви.

Логика известная.

— Молюсь, молюсь, а толку нет. Ничего в моей жизни не меняется. И бабки в церкви какие-то противные, только замечания могут делать. Одна мне говорит: «Что ты волосы распустила, как блудница вавилонская?» Я, что виновата, что у меня они из под косынки на пол метра торчат.

Долго ещё отец Филарет ходил к ней на рабочее место — в будку на Навтлугском базаре, где она работала продавщицей ширпотреба.

— Приходит, стучит в форточку, улыбается: «Динушка, как ты тут?» Потом зайдёт, сидит не брезгует, что у меня тут мешки с макаронами и ящики с консервами стоят, о матери и о работе расспрашивает. Я ему ещё записки с грехами писала, чтобы он потом разрешительную молитву прочёл. О, что было, когда отец Филарет приходил! Наши татарки с ума сходили: вот какая честь — священник к ней в будку ходит!...

Не обошлось и без искушений. К Дине в будку стали заглядывать местные иеговистки и усиленно совать книжки. Тем более, что ей, как человеку в теософском плане необразованному, ничего подозрительного в этом не показалось. Она и оставила себе почитать одну потолще да покрасочней. Увидел ее приобретение о.Филарет и сразу реквизировал. Дина потом плакалась.

- ...Я думала, он почитать хочет, ну и дала. А он ее в печке спалил. Стала просить назад, мол, книга-то чужая, эта девочка меня трясет: «Верни!», а отец Филарет отвечает: «Так и передай ей, я эту гадость сжег и

очень рад. Знаешь, как хорошо горела!». В какое неловкое положение меня поставил. А ? Сказал бы, я ему кучу макулатуры для его печки бы принесла, а то чужая вещь....

Отцу Филарету было в ту пору семьдесят с лишним лет. И как он находил силы ходить на базар к Дине после долгих исповедей и служб, до сих пор не понятно.

И все же Варваре очень хотелось узнать про жизнь о Филарета по подробнее. Но просить об этом она уже не смела. Как-то в 1997 г. о. Филарет разговорился, стоя у своей калитки. И Варвара, замерев, боялась вставить лишнее слово, чтоб не прервать его рассказ. Вот как было дело.

- ...Отец Филарет, мне бы хотелось записать Вашу биографию. Есть ли кто-нибудь, кто знает о Вашей жизни в подробностях?

- Никто не знает. Только Бог...

Я еще учился в 7-8 классе, все бегал по деревне, духовные книжки искал. Сказали мне как-то, что в соседней деревне, в трех километрах от нашей, есть верующие и я побежал туда. Вообще, нашел я этого человека, стал просить книжки почитать. А там жила в этой семье монашка. Ну и стал я туда бегать, а она мне – рассказывать. Потом об этом узнали и в школу сообщили. Милиция к ним приходила выяснять, хожу я к ним или нет. Те, понятное дело, сказали, что не хожу. На обложке одной из книг, которые я читал, обнаружил список дополнительных книг и среди них «Добротолюбие» преп. Федора Студита для монашествующих. Ну и захотелось мне очень ее почитать.

В 1944 году, когда мне было 17 лет, меня призвали в армию. Год воевал в зенитных войсках. Потом сверхсрочную служил. Потому что фронтовиков отпустили, а нас оставили. Война кончилась и в 1946 посвободней стало, меня перевели в хозвзвод. Сутки работаешь, сутки отдыхаешь. Стал я в церковь потихоньку ходить, когда время было. Никто об этом не знал. Увидел я в церкви одну старушку монахиню и прямо к ней.

- Матушка, - говорю, - у вас есть «Добротолюбие»?

- Есть, - говорит, - а тебе зачем?

- Почитать хочу.

- А войны не боишься? – спрашивает.

«Какой войны?» - думаю. Я тогда еще ничего не знал.

Прошел год. Эта матушка как-то сама подошла ко мне, видя, что я продолжаю в церковь ходить, и сама предложила «Добротолюбие» четвертый том.

Потом познакомился я там с верующими из Тамбова, стал к ним заходить. Потихоньку стал духовные книги покупать на те деньги, что нам как солдатам платили. Одалживал и покупал, потом отдавал. «Добротолюбие» стоило 70 рублей, а нам в месяц давали 30. Книги, которые покупал, прятал у этих эвакуированных.

А тем временем к нам в хозвзвод прибыл лейтенант, тихий такой, скромный, на других не похожий. Мы сблизились и я его несколько раз в церковь повел.

Потом, в 48 – м меня внезапно арестовали. Сперва от всех дел отстранили. Я и не понял почему. Потом командир намекнул между делом: «Ты вступи в комсомол, тебе ничего не будет.»

Я отказался, зачем мне это надо. «Ну как знаешь,» говорит. А до этого еще вот, что было. ... Книги свои духовные, их уже полмешка набралось, я у себя в помещении спрятал. Но кто-то увидел и донес. Книги отобрали. Вскоре вызвали меня в штаб и давай обыскивать. Два часа терзали.

- А что делали, били?

- Ну, одним словом. Я под конец не выдержал и говорю: «Что вы меня как Иисуса Христа жиды распинаете?».

Один так и подскочил от этих слов и кричит: «Подписывай, что сказал!»

- Ой, - говорю, - давно бы так! – и подписал.

(Я то в детстве, когда жития святых читал, все мне хотелось за Христа пострадать.)

Потом, конечно, суд, приговор: «За антисоветскую пропаганду, восхваление религиозного культа и клевету на советскую действительность – 10 лет ИТЛ и 3 года поражения в правах». А лейтенант тот, кого я в церковь водил, на суде свидетелем был. Дали мне последнее слово. Я попросил книги мои сохранить. Но не вышло. Когда конечное решение объявили, я обрадовался, а чему и сам не знаю.

Потом отправили меня в камеру смешанную. Я и не знал, что на свете такие люди живут.

- Какие «такие»?

- Звероподобные. И сперва я даже пайку тюремную не мог есть, когда видел, что они делали.

- Они у вас еду отбирали?

- Они меня не трогали, просто от того, что я видел, очень плохо мне было. Потом меня в другую камеру перевели, где обыкновенные люди сидели. Успокоился и стал есть.

Вначале очень я скорбел. Как это так, думал, к Богу тянулся и вдруг в тюрьму попал. Очень меня в это время схиигуменья Олимпиада(2) в письмах утешала, как мать сына. «А ты что в рай хотел с комфортом попасть и чтоб здесь не упустить и там не потерять?» - писала она. Еще писала она что-то в этом роде «За житие с разбойниками ждешь тебя житие с ангелами». Царство ей небесное. Она сама в свое время в Архангельском крае отбывала тюремный срок в 20-х годах. Вот и подбадривала. И, наверное, молилась за меня. И мне потом легче стало...

... Еще писала мне, что все в свое время будет. Так и получилось. Все мне Господь даровал, к чему меня тянуло, и монастырь, и семинарию...

.... Затем отправили меня этапом в Ижму, Коми АССР, потом в Печоры перевели. Затем в Янмар. Это еще севернее. Там 30 % кислорода в воздухе не хватает. Стали на работы с собаками водить... В лагере были разные люди, иногда попадались верующие. Один из них всячески протестовал против работы. Говорил, что нельзя работать на эту власть. Я размышлял над его словами, может он прав и мне надо отказаться от работы. А схиигуменья мне на это ответила так: «Все честные люди трудятся. Это только одна шпана не работает». Только в большие праздники я от работы отказывался.

Вызывает меня начальник.

- Почему, Кудинов, не работаешь?

- Сегодня, - говорю, - Рождество. Не могу работать.

А он мне тихо.

- Мы же тоже христиане.

А рядом начальник по политической части сидит, очки протирает (всегда на эти должности евреев ставили). Потому тот тихо сказал, чтоб этот не услышал. Видно, тоже у него что-то внутри было.

Конечно, за отказ от работы в карцер сажали на 400 грамм хлеба...

.... Начальник этот ко мне неплохо относился. Идет как-то с обходом, а я на нарах письмо от матушки Олимпиады перечитываю. Он подошел: «Что читаешь?». Я ему подал письмо. Он посмотрел молча, вернул мне его и вышел.

Как-то на Пасху он мне на мои деньги муки, масла и сахара выписал и я себе на праздник блины пек.

.... Потом в 53 –м Сталин умер и Маленков сразу в конце марта амнистию ворам объявил. А наша статья осталась. Но намного легче стало. В еду нам мясо стали давать и на работу уже без собак водили. И жили мы уже не в зоне, а около нее. Кто школу не кончил, учителя стали приходиться заниматься. (Меня, ведь, тоже после 9 класса в армию взяли.)

В 53-м, когда две трети моего срока прошло, меня отпустили. «Куда поедете?» - спрашивают. Я отвечаю: «В Загорск». Они не сообразили, что в Лавру, так и написали в пропуске. Приехал я в Загорск. Иду в тюремном ватнике с самодельным чемоданчиком, милиционер меня останавливает: «Ты куда?» и в пикет повел. Стали документы проверять, думали, я убежал... Просмотрели все, начальник начал кричать: «Его за это же посадили, а он опять за старое! Чтоб в 24 часа уехал отсюда!».

Вообщем, отправили меня в деревню, а там участковый посмотрел документы и говорит: «Ты где родился?» - «В Ленинграде,» - отвечаю. « Ну и еезжай туда», - говорит.

- Так я же не имею права жить в больших городах.

- 72 часа имеешь право там находиться.

Поехал я в Ленинград. Приезжаю к сестре в коммуналку, а она увидела меня, да как закричит: « Брат с тюрьмы приехал!» . Все соседи высыпали посмотреть... Пожил я у нее, одежду с ее помощью купил нормальную, чтоб милиция не останавливала и стал думать что мне делать дальше.

Через месяц вызывает меня председатель райсполкома и говорит мне, чтоб я ехал жить в деревню, в колхоз. А я колхоза больше тюрьмы боялся.

- А почему?

- В тюрьме я был верующий и никто меня не трогал. А в колхозе собрания и т.д.

Пошел я к тете посоветоваться, что мне делать дальше. Она подумала и говорит: «Езжай в Семеновку к болящей Марии».

Болящая Мария (3) была слепая и лежащая больная с детства. Родственники от нее отказались и только роптали, что, дескать, живет и не умирает. А она людям помогала. «Нет пророка в отечестве своем».

Однажды в соседней деревне кому-то приснился сон: «Идите, мол, к болящей Марии и она вам поможет». После этого стали к ней люди ходить за советами. Сама она жила в жутких условиях. Рассказывала мне, что в избе такой холод стоял, что святая вода на полке, которая над ней стояла, и та замерзла.

- А кто за ней смотрел все это время?

- Сестры ребятишки выносили после нее.

- А это не блаженная Матрона?

- Нет, это совсем другой человек, хотя и жили в одно время. Так вот, когда о ней люди узнали, стали приезжать и еду привозить и дежурить там. Ну и сестра рада, что так получилось.

Вообщем, поехал я к ней, а сам волнуюсь, вдруг не примет. Она не всех принимала. Приехали к ней как-то мать с дочкой из Москвы в стужу, а она их не приняла. «Не за делом, говорит, приехали». По человечески их, конечно, жалко, откуда куда ездили. А оказалось, дочку интересовало, выйдет она замуж или нет.

Приехал я и встал у дверей: «Здесь, говорю, живет болящая Мария?» А она мне из комнаты говорит: «Проходи, садись». Сказала мне ехать в Глинскую пустынь. Царство ей небесное. До нее я о Глинской пустыни и не слыхал. А каких я там святых старцев встретил! Тогда вов сей России таких не было.

Стал я там жить. Постригал меня мой духовный отец о. Андроник. Царство ему Небесное. Мудрый был человек. Я ему как-то рассказал, что в детстве меня мальчишки называли Филарет т.к. был у нас в деревне один такой набожный человек. Он посмеялся и дал мне это имя при постриге.

При Глинской пустыни была семинария, которая тогда называлась Богословский институт. Я туда поступил.(4)

А в 61-м приехали ночью 2 наряда милиции разгонять монастырь. Хватали молодых монахов и на ближайшую станцию – езжай куда хочешь.

- А почему молодых?

- Много чего от молодых зависит. А стариков не трогали, итак, мол, скоро умрут. А старцы наши это все, конечно, знали заранее.

- Так что же было после разгона пустыни? Как вы попали в Тбилиси? И почему именно сюда?

- Хозяйка этого дома, где я сейчас живу, приезжала к нам в монастырь еще до того и приглашала в гости. А после разгона о. Андроник, о. Вениамин и я приехали сюда к ней жить. Потом перед смертью, хозяйка написала на меня дарственную на этот домик...

(О. Филарет еще много рассказывал о своем духовнике о. Андронике, о его жизненном пути, все то, что вошло в последствии в книгу Архимандрита Павлина в схиме Гурия (Мищенко) «Краткое жизнеописание отца Андроника».)

- Жили мы вместе с о. Андроником. Он перед смертью 1,5 года лежал парализованный, только знаками показывал, что ему нужно. А уже в предпоследний день открылся ему духовный мир. Видим мы, что он, лежа, кому-то головой кланяется, кого-то благословляет, а на наши попытки заговорить не реагирует. О. Вениамин побежал за митрополитом Зиновием. Потом о. Андроник говорит «Я буду умирать» и стал говорить какие-то слова. Я подошел и говорю «Я ничего не понимаю». А мне молчать надо было. Может быть и сказал что-то важное. После этого он замолчал и отвернулся к стене.

Как он умер я и не видел хотя рядом был. Он мне еще прижизни говорил, что смерть таких людей великая тайна. Редко кто видит. Я подошел, а он уже теплый был.

Так и болящая Мария умерла. Женщины, кто к ней приходили, ждали этого момента. А она и говорит одной дежурившей: «Пойди, дескать, посмотри, куры в огород залезли!». Та пошла. Вернулась, а Мария уже отошла.

- Что еще говорил о. Андроник о будущем?

- Говорил, как и блаженная Матрона. «Вздохнете на малое время».

- А разве это время еще не наступило?

- Пока еще нет. Тогда хорошая жизнь будет. Православный царь в России. Россия даст проповедь всему миру. Я тоже спрашивал у него, когда это будет. Он отвечал, что ляжем мы спать при одной власти, а проснемся при другой...

1997 г.

.....

Еще одно для Варвары смущение – это общая исповедь. Народу, желающих попасть к о.Филарету набегает приличная толпа. 90% грузин, недавно пришедших в Иоанна Богослова и среди них кучки старых кадров, которые знают батюшку лет 20-30. Ему уже 86 и силы, естественно, уже не те. Выходит он и читает общую молитву – перечисление грехов. Потом спрашивает : «Все слышали? Признаете себя виновными?» Все в разноречивой радости кивают головами: «Слышали, признаем.» Потом каждого он накрывает епитрахилью, немного трясушейся рукой крестит и шепчет разрешительную молитву. «Иди, причащайся!».

«Проформа какая-то», думала Варвара, наблюдая не раз знакомую картину. Подошла на исповедь без особого трепета, у Варвары все тот же известный набор, перечисляемый о. Филаретом в общем списке грехов. Об убийствах, грабежах и абортах надо говорить отдельно, но это не по ее части, потому и была Варвара в совершенном покое. Дошла ее очередь. Посмотрел на нее о.Филарет и говорит «Нечистым воззрением на мужчин признаешь себя виновной?» и Варвара вспомнила, что нечто такое крутилось у нее в голове сегодня утром...

Что тут добавить? Разве что такой нюанс. Стоит Варваре просто посмотреть на о. Филарета во время службы, сразу хочется плакать о своих грехах. Наверное, это и есть непоказное Православие в действии.

30.09.2013

Примечания.

1. Архимандрит Филарет (Борис Анисимович Кудинов) родился в 1927 году в селе Перевоз Ржаксинского района Тамбовской области.
2. Схиигумения Олимпиада, настоятельница Свято-Троицкого Александро-Невского Акатовского монастыря. С ней он познакомился в родном селе на Тамбовщине, где в эвакуации жили некоторые из насельниц подмосковного монастыря. Матушка часто напоминала слова Священного Писания о необходимости перенесения скорбей для наследования Царства Небесного.
3. Монахиня Мария (Матвеева), блаженная старица, которая ослепла в пятилетнем возрасте и уже 56 лет лежала недвижима в селе Семеновском. Она-то и посоветовала отцу Филарету ехать к старцам в Глинскую пустынь, что в Курской области. И после же предрекла ему принятие священного сана.
4. В 1958 году отец Филарет получил благословение на поступление в Ленинградскую Духовную Семинарию. На каникулах приезжал к старцам в Грузию. До сих пор до мельчайших подробностей помнит отец Филарет второе свое духовное рождение - монашеский постриг, совершенный архимандритом Андроником (Лукашем) в Тбилиси. Затем была диаконская хиротония, совершенная митрополитом Гурием (Егоровым) и иеромонашеская, совершенная митрополитом Никодимом (Ротовым). Долгое время находился отец Филарет рядом со старцами, день за днем впитывая каждое их слово, поучение, в основе которых заложено было самое главное и важное для каждого православного человека - любовь к Богу и людям, терпение, смирение и кротость, дар молитвы. Даже когда отца Филарета направляли на различные послушания, при первой же возможности он приезжал к старцам в Тбилиси. Совсем приехал в 1967 году.

Примечания взяты из статьи Архимандрита Романа (Лукина) «Старец» <http://www.pravmir.ru/starec/>

Если вам захочется в монастырь.

Весна 1997 г. Елена прочитала доставленное из рук в руки письмо со слезами на глазах и бросилась к красному углу, крестясь на Спас Нерукотворный.

- Благодарю Тебя, мой Господи, за утешение! - и только потом обернулась к Варваре. - Антонина из монастыря на побывку едет!

Варвара знала Антонину по рассказам. Дескать, была такая тбилисская девчонка, ходила вместе с Еленой в церковь Иоанна Богослова. В начале 90-х годов уехала в Москву поступать в институт, затем резко с первого курса ушла послушницей в Александровский монастырь. Провела там 6 или 7 лет, и теперь она инокиня с каким-то мудреным именем из Римской эпохи. В общем, живая легенда в Варварином представлении. Вот бы познакомиться поближе!

В один прекрасный солнечный день Антонина появилась у Елены на даче.

Высокая, голубоглазая, с типичным русским лицом, одетая в простое темное платье до пят и подпоясанная широким ремнем, она показалась Варваре неземной красавицей.

-Ты классно выглядишь! - бухнула Варвара с порога, увидев долгожданную «легенду» за столом.

Антонина несказанно удивилась. А Елена, знакомя их, объяснила любознательке.

-Это просто монастырская благодать на ней. Там все матушки такие. Сейчас сиди тихо и не мешай вопросам. Антонина через неделю уезжает.

И инокиня продолжила прерванный рассказ о том, как ездила на богомолье в Саров, на Валаам, в Мурманск, называла местночтимых святых, рассказывала о послушаниях и еще многое другое, что так жаждала Елена, а для Варвары было занятой диковинкой.

-Неужели домой, в тепло не тянет? - не утерпела таки Варвара. - От одного снега там, у вас одуреть можно.

-Тянет, как нет! - простодушно отозвалась Антонина, перебирая четки. - Родина есть родина. Очень тоскую по фруктам и солнцу. Но я борюсь с унынием.

-Когда снова приедешь? - поинтересовалась Елена.

-У-у, нескоро. Я и сейчас неожиданно приехала. Меня после пострига позвала игуменья и сказала: » Езжай, повидай родню!» Это впервые за все годы. А может и вообще не вернуться.

Каникулы Бонифация пролетели у Антонины как один день.

Перед отъездом пошли Антонина с Варварой побродить по базару. Шли через толпу, и Варвара то и дело ловила удивленно-уважительные взгляды прохожих, провожающих глазами статную фигуру Антонины.

-Странно, - удивлялась Варвара, зная специфику базара, - час уже ходим, а никто не пристал.

-А, - отмахнулась инокиня, занятая своими мыслями. - Одежда на мне благословленная, вот и не цепляются.

Варвара с интересом оглядела ее простенькое платье, но так для себя ничего и не уяснила.

Не знали ни та, ни другая, что пройдет всего несколько часов и скромное платье в незаметную крапинку перевернет жизнь молодой инокини ровно на 180 градусов...

В воскресенье Варвара с Элисо, нагруженные, как два ишака, мешками с хлебом, поднялись на гору к Елене и застали такую картину.

Елена, бросив на столе неубранную посуду, коленопреклоненная плакала у красного угла и шептала.

-Вразуми их, Господи, настави на путь истины.

Обернувшись к вошедшим, она сказала несусветное.

-Девочки! Антонину украли!

-Как? Кто?

-...В день отъезда к ней пришли попрощаться ее одноклассники, а среди них Тенгиз - ее первая любовь. Поднялся шум, кутерьма. Подруги-неверующие заладили: «Да сними ты это убожество! Что ты как бабка старая!» Антонина поддалась на уговоры, сняла платок, переделалась в мирское и... все. Подступил к ней лукавый. Тенгизу, видно, вступили в голову давно забытые чувства. Он тут же где-то достал машину, посадил в нее Антонину и увез к себе. Потом ночью она позвонила своим домой сказать: «Сдавайте билет, я остаюсь!». Что же она наделала! - и Елена горько заплакала. - Ей же никак нельзя замуж выходить. Обеты даны.

Элисо так и осела на грубосколоченный табурет и захлопала глазами.

-Что ж теперь делать? Вот грех какой!

-Мне надо обязательно ее видеть! - Занервничала Елена, - и уговорить вернуться. Еще не поздно! Потом замолит. Игуменья уже знает, звонит в Тбилиси. Она в ужасе...

-Думает, небось, абрек на коне с кинжалом в зубах, - влезла Варвара не к месту, - увез ее монахиню в горы, да в сванскую башню на цепь заковал. Позвоните человеку, успокойте, что дело тут любовное. Это не «украл», а «укралась» называется.

Елена не слушала раздражающую трескотню Варвары и продолжала свое.

-Побудьте с моей мамой, пока я в город спущусь и увижу Антонину. Ее спасти надо! Я себе места не нахожу. Вон, за ночь как поседела!

И правда, с ее лба свисала седая прядь, которой еще на днях не было.

Кто бы тут отказался подменить человека около болящей.

Посеревшая Елена вернулась под вечер с невеселыми новостями. Нецерковная семья жениха, хоть и не в восторге от русской невесты, тем не менее, уважая выбор Тенгиза, вручила ей официальные подарки, причитающееся количество золотых колец и спешно готовится к свадьбе.

В церкви, узнав последние новости, все выражали единодушное осуждение.

-Как она могла?

-Это все равно, что Христа предать!

-Как посмел этот негодяй взять то, что принадлежит Богу?!

Что именно произошло в ту ночь с Антониной, реально сказать никто не мог. Может, ударила в голову старая любовь. Ведь Тенго за ней еще со школы ухаживал. Она столько лет была в монастыре, он знал это и почему-то не женился. И сама инокиня вовсе не была безответственным человеком, чтобы вот так вдруг разом перечеркнуть свои клятвы. Так и осталось это решение неразрешимой загадкой для наблюдателей со стороны. Но уж точно учудила она такое не из-за теплого климата или обилия фруктов. Это можно было сказать наверняка.

Зато Варвара протестовала, как могла. Вот уж полюшко для обличения и тренировки ораторских способностей. Прямо - таки бескрайние просторы.

-Ну не смогла она больше в монастыре! Там тяжело! Полюбил человек! Что же она - робот железобетонный, чтоб постоянно себе гайки завинчивать? Господь ведь само Милосердие!

И так далее очень эмоционально и не менее громко.

Естественно, трещотку никто всерьез не слушал. Все знают, какая из нее верующая. Так, соблазн ходячий и много шума из ничего. Варвара потому защищала беглую инокиню, с пеной у горла, что хорошо представляла себя на ее месте. Сама, не успев освоиться в церкви, подумывала: «А что, если мне рвануть в послушницы.» Но побывав в Ольгинском монастыре раз, поняла, что это место не для нее. Да, тихо, хорошо, воздух какой-то особенный, но она бы тут и неделю не продержалась. И хорошо, что идея усохла на корню, а то так бы и ее бы все также презирали.

И еще был настоящий шок у неумной Варвары. Даже любвеобильный о. Филарет отказался разговаривать с Антониной на исповеди, когда та к нему подходила спустя месяц после своего замужества.

Ну, а Варваре, конечно, больше всех надо, она и полезла за объяснениями.

- Как это так, О. Филарет, почему вы Антонину не принимаете? Ее же жалко. Что делать, ошибся человек. Типа того как неправильную специальность выбрал. С кем не бывает. У нее депрессия будет от такой дискриминации. Вы же сама Любовь. Вы даже убийц принимаете.

(Тут надо отметить, что про убийц Варвара не с потолка взяла. Был такой факт. Впрочем, то к повествованию не относится.)

- Ты пойми, - объяснял ей батюшка терпеливо, - ну не могу я ее принять. Я сам монах. Я ее когда вижу, мне очень плохо. Ты все равно этого не поймешь. Убийца – это совсем другое. Пусть идет к другому священнику, но только не ко мне. Не должна она была замуж выходить!

(Долго так о. Филарет этого мнения придерживался, потом все-таки оттаял. Допустил. Что причиной послужило, Варвара так и не выяснила, хотя и не очень то копала.)

Прошло 2-3 месяца.

Елена получила весточку от Антонины, где говорилось, что семейная жизнь не для нее, и она очень хочет вернуться в монастырь, несмотря на беременность.

Само собой, Елена тут же развернула бурную деятельность: не жалея денег, звонила в Россию, обговаривала как лучше доставить обратно заблудшую овцу.

Варвара скептически наблюдала всю эту суету, обильно одобренную молитвами, и посмеивалась.

-Давайте спорить, что Антонина здесь останется. Зря только энергию тратите!

Чем и довела Елену до белого каления.

Вскоре из Троице-Сергиевой Лавры с большими приключениями и пересадками приехал духовник Антонины о. Димитрий, чтобы забрать свое чадо в родные пенаты.

На решающей встрече перед отъездом собрались участники этой истории решить вопрос: быть или не быть.

Тенгиз, узнав причину приезда о.Димитрия, очень удивился, а потом сказал.

- Я не держу тебя, Антонина. Хочешь, вернись в монастырь. Любовь не возможно ни купить, ни удержать силой. Я и не знал, что ты не имела права выходить замуж.

Антонина долго думала и ... решила остаться. Увидев красноречивые лица потерпевшей стороны, Тенгиз церемонно обратился к несостоявшемуся похитителю его жены.

-О. Димитрий! Мы приглашаем вас к нам на обед! Не обижайте нас отказом!

И тут же, перейдя на грузинский, стал торопить Антонину домой - готовить для гостя сациви.

Антонина возразила, что монах не будет есть мясо.

Но Тенгиз, по прежнему избегая русский, поставил точку в обсуждении меню.

- Я не разбираюсь в обычаях монахов, но знаю законы гостеприимства. Нельзя человека, который проехал из-за тебя 2000 километров, отпустить на голом «до свиданья». Наше дело накрыть стол. Тем более что о. Димитрий в Грузии впервые...

Так что не вышло ничего с возвращением в монастырь.

Почему Антонина сама же намутила воду, а потом решила остаться, тоже никакой логике не поддается. Видно, была у нее какая-то особая причина оставаться с безработным мужем и знать наперед, что ничего хорошего ей не предвидится. Элементарно деньги на хлеб будут или нет – и то под вопросом.

Жизнь продолжалась.

На Антонину было жалко смотреть, когда она с большим животом проходила по церкви, пряча глаза от давнишних знакомых. Варвара видела это и обличала в своей типичной манере Элисо, Елену и еще близстоящих.

- Нет у вас никакой любви! Одни ваши косые взгляды чего стоят! Бедная девчонка так может и к иеговистам двинуть!

Но, как показало время, ни в какие иеговисты Антонина не двинула, а продолжала с завидным упорством по возможности ходить на службы и выстаивать в притворе.

У, какие страсти тогда кипели. Как такое забудешь....

На Пасху 1998 г. у Антонины родился сын. Через год второй.

Увидела ее как-то Варвара на автобусной остановке и не узнала. Вроде, те же голубые глаза, нос и улыбка. Но что-то неуловимо прекрасное исчезло. Не было больше той небесной красавицы. Перед Варварой стояла обыкновенная молодая симпатичная женщина, которых тысячи.

-Поздравляю тебя! - бросилась к ней Варвара. - Как здорово! Уже 2 сына!

-Эх, - безразлично отмахнулась молодая мама, - ты просто не знаешь, как мне тошно. У меня постоянная депрессия. Монастырь по ночам вижу... Настоящая жизнь была там, а здесь что... - и отвернулась.

-Тенгиз у тебя хороший, интеллигентный парень. - Лезла Варвара со своими успокоениями. - А дети! Это же такое счастье!

-Тенгиз, да, неплохой, - вяло согласилась Антонина, - любит меня и детей. С работой у него не ладится. Мы очень нуждаемся. Господь, видно, наказывает нас за мой грех. И от вторых родов все никак очухаться не могу. Очень тяжело было. Это мне так и надо.

-Да ладно тебе! - пихала ее в бок Варвара. – С родами это просто совпало так. И финансы тоже у всех поют романсы. Вся Грузия без работы ходит. Время такое. Ничего. Прорвемся!

Антонина только вздыхала.

-Не поймешь ты меня. Мне ничто не в радость. Туда тянет.- Потом слегка улыбнулась. - Тенгиз из-за меня стал посты держать... Венчались мы с ним недавно в грузинской церкви. Эх, не то это все, не то...

- ...Может, вы, ну того... не подходите друг к другу, - высказалась Варвара, напичканная Вериним СПИД-инфо.

Антонина только посмотрела на нее долгим тоскливым взглядом, каким обычно устаивают непроходимых тупиц и явственно выговорила, как точку поставила.

- Мне оно сто лет не нужно. Не до того. Э, все равно на разных языках говорим, тошно мне, очень тошно... Не могу описать.

Хотела Варвара ей для поднятия тонаса анекдот рассказать, да та и слушать не стала. По жизни, значит, человек без настроения. Но тут очередная блестящая идея пришла великой комбинаторше в светлую голову.

- Давай, я тебя с моей Верой познакомлю. Она прикольная типша. Посидим, поболтаем. Хотя немного развеселишься. А то тебе наверное и общаться не с кем. Верующие тяжелые люди.

Антонина, поколебавшись, согласилась на предложенное культурное мероприятие.

Вера, маявшаяся от скуки у телевизора, обрадовалась Антонине с детьми, как новой развлекухе. Она уже была в курсе от Варвары про аутсайдера и тут же, расставляя посуду на столе, стала метать искры справедливого гнева.

- ... С этими фанатиками не то что в разведку, на дискотеку в ТАУ⁽¹⁾ нельзя ходить. Ты, Антонина, не бери в голову их фортели. Если чего надо, я тут. Меня знаешь как здесь, в убане⁽²⁾ уважают, - Вера на секунду запнулась, но тут же нашла точное определение. – Ну почти как вора в законе.

Антонина, ободренная неожиданным высоким покровительством, смущаясь, попросила.

- Мне б 20 лар у кого-нибудь одолжить. За детский сад нечем платить в этом месяце.

И Вера царственным жестом тут же выдала просимое, отмахиваясь от лишних благодарностей.

Короче говоря, хорошо так посидели и расстались с приятным чувством открывающихся новых горизонтов дружбы и взаимопонимания.

Проводив Антонину с детьми, местный авторитет тут же перенес внимание на Варвару.

- Во, человек, не теряется в этой жизни! На сколько младше тебя, а уже двоих имеет. А ты сидишь тут, мух ловишь. Часики-то тикают!

- Отстань, мне нужен христианский брак, - отрезала Варвара, уже понимая куда подул знакомый ветер.

- Щас нарисуют тебе два сразу! – Веру всегда злило такое противостояние. Человеку от души добра хочешь, а он носом крутит. И начала с удвоенной энергией. – Мозги имела, давно бы от Нодара –гвардейца родила. Или от Алеко, моего соседа. Ничего бы от их жен бы не убыло. А я тебе хоть сейчас 1000 долларов на роды и все такое дам. И два года до сада содержать буду. Вон, экспериментируйте у меня, какие проблемы. Подруга я тебе или нет?

Но Варвара, продолжая крутить свою пластинку, уже возилась с собачкой замка. Надо было смываться.

- Ну и дура, - неся ей вслед давно поставленный диагноз. – Пожалеешь потом, да поздно будет.

Спор этот потомственные подруги вели давно и всегда он оставлял тошнотворный осадок. Слова «участия» как ржавые гвозди застревали у Варвары в мозгах. Потому и заявила горе-омбуцментша на другой день к Елене туча тучей, забыв сказать при входе «Отрицаюсь от тебя сатана».

Елена только глянула на нее, сразу за святой водой потянулась. Уточнила только.

- Опять в клоаку эту ходила?

- Я хотела Антонину развлечь, поддержку оказать, - неохотно пояснила Варвара, вытирая капли воды.

- «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых». Чего вас обоих туда понесло, а? – и Елена постучала легонько пальцем по лбу генератора идей. – Газеты эти развратные читать, грехи новые набирать. Поди, церковь все осуждали, две трещетки! – Потом пообещала. – Погодите, будут вам обоим за это шишки.

Варвара не стерпела подобного прогноза и разоралась, забыв о всяких возрастных приличиях.

- Это какой еще шишкопад вы мне пророчите? Моя Вера со СПИД-инфо, как вы говорите, Антонине уважение сделала, стол накрыла, деньги дала! А вы с понтом «сестры во Христе» даже и не знаете, как эта бедняга прожила этот год! Ах, жалость какая, вы не видели как ее мальчишки пережаренные пирожки наворачивали! Что так смотрите? Не знаете, что они голодают?! Ее муж в лучшем случае в день три лара делает – на базробе⁽³⁾ железяки какие-то продает.

- Я молюсь за нее, - Елена заговорила тихо, не реагируя на обидные слова. – Значит, такая у нее епитимья от Господа. Никто не гнал ее из монастыря. Я ее предупреждала, что ничего хорошего ее в этом замужестве не ждет. Пусть терпит и кается. Не бойся, не умрут ее дети голодной смертью...

(Как уж там Антонина каялась и какие искушения очистительные претепевала, Варвара сказать не могла. Покаяние – не картошка, на весы не положишь и пальцем не поковыряешь. Только со временем выводы можно делать.)

Шишки, обещанные Еленой, посыпались довольно скоро, причем перекрыли путь в Верины апартаменты нерушимой стеной.

Через месяц Варваре пришлось отвечать на риторический вопрос.

- Где мои 20 лар, что твоя верующая курица утянула?

- Ну в ауте она сейчас, - засуетилась поручительница. – Отдаст, куда денется. Ну хочешь, я тебе по кускам соберу и за нее отдам.

На Веру, видимо, в тот день темные силы психоатаку сделали, она и понесла на возрастающей ноте.

- Мне твои позорные копейки не нужны. Меня сам принцип бесит. За базар твоя монахиня не отвечает. А мужа зачем возле себя держит?

И пошла грязью поливать все, что было Варваре дорого и близко, от священников до икон.

В итоге так обе сцепились, расплевались, что надолго потом прервали все дипотношения.

Только через полгода Антонина с большим трудом вернула злосчастный долг. Но имидж был подпорчен навеки. А местная акула капитализма занесла ее в свой мысленный черный список.

Через какое-то время позвонила Антонина Варваре и со слезами в голосе попросила.

- Очень прошу, скажи своему Бил Гейтсу, нам позарез 500 лар нужны. На факте газовики поймали, мы счетчик откручивали. Штраф выписали. Зима! Они же трубу отрежут! Мы потом понемногу отдадим.

Варвара всей душой сочувствовала такому аховому положению и ругала газовиков вот, мол, моду взяли, с коррупцией таким образом бороться: в самый холод, не успеешь заплатить, трубу резать. И никому и дела нет, что у Антонины трое детей задубеют. Но звонить отказалась. Потому как бессмысленно.

Еще время прошло. Распространилась новость: Антонина четвертого родила. Патриарх крестил, как и обещал, что будет крестить каждого третьего и последующего ребенка в венчанной семье.

Потом следом опять звонок и плач в трубку:

- Умоляю, скажи Вере, деньги на операцию ребенку нужны, каждый день на счету. – Это как значит Антонину приперло, что на свою гордость наступила, помня старый отказ. Вера для нее была чем-то вроде последней двери, куда еще можно было постучаться. -... Взять неоткуда. Ходили в Аверс⁽⁴⁾, они что в рекламе трепятыся – многодетным помогают. Отказались: помощь, мол, только после пятого...

Звонить, просьбы передавать пустое дело. Тут не то, что Вера но и некоторое прихожанки высказывались нелестно: «Зачем рожала такую кучу, когда на хлеб денег нет? Сидела бы в своем монастыре на всем готовом и не было бы никаких проблем».

Если бы все-таки заикнулась Варвара вышеуказанному олигарху про Антонинино горе, ответ был парадоксальный.

- Я сама мать-одиночка. Сейчас каждый сам за себя. Отвалите от меня. Тебе понадобится – дам, а ей нет. Вот такой у меня кош. Мое дело.

Странно устроен человек. Тут с себя рубашку снимет, а за углом «не вижу» сделает. Никакой математической схеме не подчиняется. Хотя чему удивляться. Варвара точно такая же, комок противоречий.

Кое-как и дело с операцией уладилось. Бесплатный летописец не вникал, но по стилю тоже наверное, что-то чудесно- промыслительное. Тут надобно пояснить, что виделись они крайне редко, так как в совершенно в разных концах города живут. Главное, выжил ребенок.

Встретились однажды в церкви. У Антонины опять тоска неопиcуемая в глазах.

-... Дом пришлось за долги продать. Сейчас у родителей Тенго живем. Что-то неопиcуемое. Уборщицей работаю, но это все равно капля в море. Прости меня, если что. – И ходу от любопытной к аналою, приложиться к иконе.

Варвара по своему расшифровала недосказанное. У китайцев есть такой иероглиф, в виде двух женщин под одной крышей. «Большая неприятность» называется. А тут, видно, круче будет, кроме свекрови там еще две золовки незамужние в тесноте крутятся. Так это неприятность в энной степени вырисовывается, никак не меньше. Вопрос к читателю: где нервы купить.

Все искушения и страдания бывшей инокини как описать, Варвара лишь самую малость углядела. Но и то увиденное впечатляло.

Варвара смотрела в след Антонине с выводком и думала.

Вот человек, живет, кается, как может, с мужем не разводится, четверых растит (в Грузии без льгот и пособий – это особый подвиг). «Спаси ее Господи и меня ее святыми молитвами!»....

... ..

В 2013 году Варвара узнала хорошую новость. Елена записала на Антонину свою дачу на горе. А еще болтают, будто мэрия туда асфальтовую дорогу сделает и воду проведет. Не придется Антонининым детям дождевую воду с крыши пить, как когда-то Елене с козами. Чем вам не свет в конце туннеля.

02.02.2014

Примечание

1. Тбилисское артиллерийское училище, которое закрыли после 90-ых годов.
2. Район (гр.)
3. Базар (гр.)

4. Аптечная сеть.

Из благих побуждений.

«Так мы многие составляем

одно тело во Христе, а порознь

один для другого члены.»

Рим. Гл12, 5

«Посему, страдает ли один член,

страдают с ним все

члены; славится ли один член,

с ним радуются все члены.»

1 Кор., гл 12, 26

Познакомившись с Еленой в 1994 году, Варвара без устали рассказывала о своем новом приобретении своему окружению. Да и как, например, не растрезвонить про Еленины паранормальные способности, когда жизнь кругом просто серее серого. Вот хотя бы такой нюанс взять.

Перед прощанием помолится Елена у своих бумажных оброзочков (в ее крошечной хрущевке все восточные стены были как один большой иконостас) и вдруг выдаст неожиданное:

- На метро, Варюша, не ходи. Езжай автобусом.

Варвара, из духа противления, обязательно пойдет на метро, а оно хлоп – закрыто. Опять, выходит, в городе свет отключили. Приходилось тогда нагонять переполненный автобус и висеть всю дорогу на подножке, цыплясь за расшатанный поручень.

Пыталась Варвара потом докопаться до истины:

- В чем тут у вас фокус?

Елена только, сдержанно улыбаясь, отвечала:

- Мне Господь на молитве открывает, как поступить.

- А у меня почему так не выходит? – не унималась Варвара.

- Слушай, что я говорю, и со временем все придет.

Так что Варвара на совершенно законном основании уши прожужжала своим подругам:

- Какого я человека откопала!

Подруги постарше не клевали на ее эмоции, а состав помоложе, семнадцатилетние девчонки очень даже заинтересовались.

- А ну познакомь!

Варвара очень оперативно устроила нечто вроде брифинга после воскресной службы. По ходу выяснилось, что Катю, Нателу, Оксану и Нину не интересовали тонкости теософского характера. Елене они задали конкретный вопрос:

- Как удачно выйти замуж?

Елена не растерялась, тут же дала им брошюрку «Христианский брак» и длинную «Молитву девицы о супружестве».

Вот она.

«О, всеблагий Господи, я знаю, что великое счастье мое зависит от того, чтобы я Тебя любила всею душою и всем сердцем моим и чтобы исполняла во всем святую волю Твою. Управляй же Сам, о Боже Мой, душою моею и наполняй сердце мое. Я хочу угождать Тебе одному, ибо Ты

Создатель и Бог мой. Сохрани меня от гордости самолюбия: разум, скромность и целомудрие пусть укрощают меня. Праздность противна Тебе и порождает пороки, подай же мне охоту к трудолюбию и благослови труды мои. Поелику же закон Твой повелевает жить людям в честном супружестве, то приведи меня, Отче Святой, к сему освященному Тобой званию, не для угождения вожделению моему, но для исполнения предназначения Твоего, ибо Ты Сам сказал:»Нехорошо человеку быть одному» и, создав ему женщину в помощницу, благословил их расти, множиться и населять Землю (Быт 1,28 2, 18)

Услыши смиренную молитву мою из глубины девичьего сердца Тебе воссылаемую, дай мне супруга честного и благочестивого, чтобы мы в любви и согласии прославляли Тебя, милосердного Бога Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.»

На том и расстались. Девочки решили читать ее ежедневно.

Рассказывать про историю каждой в отдельности – многосерийный сериал выйдет. Стоит остановиться на Кате Джапаридзе, т.к в ее эпопее нашлось место всем героям повествования.

Начался рождественский пост 1994 г.

До Варвары дошли слухи, что Катя собралась замуж. И ее неумная подруга тут же поехала на другой конец города выяснять подробности. А подробности не вселяли оптимизма.

Катин избранник Дито имел 27 лет от роду, уже несколько раз был женат, хронический безработный и безквартирный. Следовательно, он теперь претендент наКатины апартаменты, анализировала Варвара по дороге имевшуюся информацию. На счет апартаментов, она, того, загнула лишнего ради по своему обыкновению. На самом-то деле это кособокий самострой у мусорной свалки размером 4 на 4, без окон, с земляным полом, санузел в форме скворечника во дворе, забора хоть какого-нибудь и того нет. Это, значит, в какой нужде Катина мать при коммунистах жила, раз ничего себе получше не соорудила. Так, дедукируя под тряску трамвая, добралась Варвара до знакомого оврага на Московском проспекте.

И вот, наконец, сидит Варвара при мерцании керосинки и слушает штрихи к портрету без пяти минут официального мужа:

- ... Он очень сложный человек.- Рассказывает Катя.- Он и пил, и кололся, и женщин у него было много. Но это мой крест. Я молилась и Бог мне его послал.

- С чего ты взяла?

- Мы познакомились в сентябре. Я стала за него ежедневно просить и он уже 4 месяца не пьет. Я смогу его спасти. У нас такая духовная связь, что мы чувствуем друг друга на расстоянии.

- А если он сорвется?

У Кати какая-то обреченность в голосе.

- Будь, что будет. Мы уже подали заявление. Уже и продукты для стола купили. Не выбрасывать же.

- Тебе еще нет 18. Подожди хоть до совершеннолетия. К тому же сейчас пост.

- Ничего, мы повенчаемся потом.

- Он же безработный, пусть хотя бы работу сперва найдет.- Не унималась Варвара, ощущая себя премудрым пескарем. - И как вы будете жить здесь все вместе: ты с Дито да еще и мать с отчимом? – Кивнула на Катины хоромы.- Кстати, а что мать говорит?

- Она согласна.

Спорить дальше не имело смысла. И Варвара поехала к Елене докладывать собранные новости.

Короче говоря, свадьба состоялась, Натела была свидетельницей.

19 декабря звонок Нателы и крик в трубку.

- У нас ЧП. Дито вдрызг напился и сильно избил Катю, настолько, что у нее синяки под глазами. Она пыталась перерезать себе вены, но не получилось. Сейчас мы с девочками бегаем туда, чтоб они что-то не натворили друг с другом. Мы не знаем, что делать!

«Что делать» Варвара тоже не имела понятия и поехала на к Елене на дачу, куда та уже перебралась, чтобы ухаживать за парализованной матерью и отцом.

- Бедная девочка! Помоги ей Господи.- перекрестилась Елена, услышав новости.- Я знала, что он сорвется. В пост враг особенно неистовствует.

Потом подошла к иконам, беззвучно помолившись какое-то время, сказала.

- Ей надо немедленно исповедаться и причаститься. И Господь подаст выход. ... Ведь это гордыня была с ее стороны: спасти его. Да разве мы, грешные, можем кого-то спасти? Спасает Господь. Потом этот нецерковный брак в пост, попытка к самоубийству. Объясни ей это все по подробнее. И пусть завтра же идет в церковь.

- Он ее из дома не выпускает.

- Ничего, вы с Нателой помолитесь по соглашению, я отсюда буду просить. И Господь умягчит его сердце. Утешь ее, скажи, чтоб не унывала. А сейчас поезжай прямо в церковь, к дежурному священнику, расскажи все и делай как он благословит. Мне-то Господь так на сердце положил, но я человек грешный...

О. Павел, выслушав всю историю, незадумываясь, сказал тоже самое:

- Пусть как можно скорее исповедуется, причастится и что-то изменится к лучшему. А с этим ее «супругом», - он возвысил голос, - я благославляю развестись. Наркомания так просто не проходит. Даже если бы они были венчаны, Церковь с наркоманов венец снимает. Он ведь и ее может заставить употреблять наркотики. Так и передай пусть побыстрее разводится...

Увидев Варвару, Катя зарыдала:

- Мне жить не хочется. Я боюсь с ним оставаться одна, - и, пользуясь случаем, что Дито во дворе рубил дрова, показала предплечье с красными точками - следами вилки.

Вскоре появился и сам виновник переполоха. Увидев гостью, заулыбался, достал водку и тарелку хамсы.

- Угощайтесь, девчата.

Дальше был спектакль под названием «Принимаем гостей» с участием всех присутствующих. Дито был тамадой, Варвара усердствовала с ответными тостами и сыпала анекдотами для усыпления бдительности, давясь солониной без хлеба. Но все же ухитрилась передать сказанное и назначить встречу на завтра, мало надеясь на успех предприятия.

На следующее утро Варвара к своему вящему удивлению наткнулась в притворе на Катю с Нателой. Даже заикаться стала.

- Умоляю, к-как это вышло?

- Сама не знаю, почему он меня отпустил. Я то наврала, что сегодня особый день для семейной жизни и прочее. - И Катя, поправила черные очки – маскировка для синяков под глазами. – Все равно фантастика. Еще вчера даже за хлебом не пускал, а тут не знаю, что на него нашло.

Что уж она там говорила священнику, Варвара не спрашивала, только с удивлением наблюдала, как Катя через какое-то время подошла к Причастию. Потом все разошлись переваривать впечатления.

Чудеса в этот день не кончились. Несется Варвара на Трикотажку, на смену опаздывает, глядь - на встречу Маквала Тетрадзе идет из ОТКа, издали улыбается.

- О чем ты так усиленно думаешь? – спрашивает. - У тебя лицо, как телевизор.

Варвара и вывалила в двух словах все последние приключения потому что Маквала в доску свой человек. Само понимание и сострадание ко всем окружающим. Маквала послушала, послушала и вдруг предложила гениально простое:

- Пусть твоя Катя идет ко мне жить. - И ключ Варваре протягивает. - Вот. Держи. Мне только веселее будет. Он ее здесь не найдет. А если даже найдет – ничего не сделает – в общежитии круглые сутки милиция сидит.... А я комендатше скажу, что ко мне двоюродная сестра из Гардабани приехала.

Сжимает Варвара ключ в руке и не верит такому везению. Опять, значит, благословение сработало. Вот оно: «После Причастия Господь подаст выход!»

Но, к сожалению, Катя этим не воспользовалась.

- Я все же потерплю, подожду. Может, он исправится.- Сказала она, узнав о ключе.

Напрасно Варвара ее уговаривала, описывала всю прелесть варианта с общежитием, обещала таскать еду и все необходимое.

Катя, что называется, рогами уперлась:

- Еще потерплю.

Чтобы как-то ускорить события, пошла Варвара заказывать молебен к о.Филарету, еще ничего не знавшему о всей истории.

Собралось их человек пять перед образом Нечаяной Радости. Вышел о.Филарет с крестом и Евангелием. Все передали ему свои записки с именами. Батюшка начал читать их, а дойдя до Кати, возвысил голос:

- ...Святые мученики Гурий, Самон и Авив, молитесь Бога о ней.

Дальше – больше. Дойдя до имени только мне известного алкоголика, он вновь возвысил голос:

- ...Святые мученики Бонифатий, Моисей Мурин и святой праведный Иоанн Кронштадтский молитесь Бога о нем.

Тоже самое повторилось и с другими именами в записках. По удивленным лицам остальных было видно, что он обращался именно к тем святым, в чьей помощи нуждались поминаемые.

Варвара только ахала, но с вопросами лезть не решалась. Статус не тот и ситуация не подходит.

Проходит 2 месяца. У Кати все без изменений; террор с его стороны и желание все терпеть с ее.

В начале декабря долгожданный звонок от Кати:

- Приезжай ко мне по такому-то адресу. Мне очень нужно повидаться. Я ушла от мужа и живу у двоюродной сестры...

Едет к ней Варвара и дорогой думает, умные слова подискивает, что сказать, как утешить человека после такой травмы.

А Катя ей с порога один –один сделала, оглоушила.

- Привези мне, пожалуйста, Новый Завет,- и невесело пояснила – мой собственный Дито, выпивший был и разорвал... Мне очень нужна духовная литература.

«Вот тебе на! - туго соображает Варвара, сразу же позабыв приготовленную умную речь. – Ничего себе, переключения! Она теперь сама кого хочешь утешит»

– Мне Господь такие чудеса показал, что просто нельзя так, незадумываясь, жить дальше.- Катя ей дальше захлеб рассказывает, будто боится не успеть. - Это ведь не жизнь была, а что-то такое, что я не могу словами выразить. Постоянный страх. Он, ведь, опять колотиться начал. А когда приходил выпивший или наколотый, вообще на человека не был похож. Все кругом крушил. Сколько раз я хотела самоубийством покончить. И всегда меня Господь от этого удерживал. Только соберусь с собой что-то сделать, в этот момент кто-то придет или невольно помешает. Раз даже я термометр сломала и ртуть выпила. Потом села Библию читать. Ждала, что отравлюсь, но ничего не произошло...И сны какие были потрясающие... Опять как-то уныние нахлынуло, ну,

думаю, не могу так больше жить и той же ночью увидела во сне, что меня будет ждать после смерти, если я решусь на этот шаг, Это был такой кошмар, что я не могла дожидаться утра, только мысленно просила: « Господи, продли мне жизнь, - она рассказывала очень сбивчиво, пытаясь объять необъятное, что было за последние месяцы.- ...Вообщем, я потом обет дала: « Господи, избавь меня от него, и я буду жить по другому.»

Дито сперва вообще и слышать не хотел слышать о разводе. Стоило мне завести разговор об этом. Он начинал вопить, что зарежет меня, чтоб я вообще никому не досталась.

А потом как-то в один день сам спокойно сказал:» Давай, разойдемся. Все равно жизни нет.» И вот я здесь, у сестры, в безопасности...

В конце своего рассказа Катя объяснила, почему ей нужна срочная встреча с Еленой:

- Я же обет дала. Я что конкретно делать – не знаю. Она сможет сказать с чего мне начать....

Через несколько дней подруги вместе поднялись к Елене на дачу.

Что же касается Кати, то побывав там, она стала регулярно бывать на службах и молиться о том, чтобы как можно скорее получить развод и найти работу. Оба желания ее вскоре исполнились. А, данный ею обет, о. Филарет конкретизировал как посильное ведение церковной жизни.

После устройства в кафе уборщицей (сутки 5 лар), жизнь Кати постепенно вошла в спокойное русло.

Прошло еще погода. К Кате,похорошевшей и внутренне и внешне, под тем или иным предлогом стал заглядывать Дито. Опять бездомный, безработный, голодный.

- Ну, что мне делать? – вздыхала Катя.- Как я его выгоню, если он хлеба просит? Собаку кормлю, а человеку не дам? На днях, например, стучит ко мне в дверь: « Вынеси, - говорит, - стакан кипятка.» Ясное дело, вынесла. Он туда брикетик супа «Галина Бланка» кинул, ножом размешал и выпил.По горячему человек соскучился.

- На что он живет? – лениво поинтересовалась злопамятная Варвара. У нее почему-то не было никакой жалости к Дито. Не прошел еще старый зуб за битье подруги.

- Ни на что. По карманам в нашем трамвае шарит или на базаре по мелочи ворует. Он ведь всем должен. Вечно от кого-то прячется. Мне его жалко.

- После всего, что было?

- Я же ему все простила. Он ведь духовно болящий... К тому же он о Боге спрашивает. Я ему отвечаю, как знаю. Вот, пожалуйста, письмо мне написал на 10 листах, - и вынимает листки с каракулями.- Тут вся его жизнь подробно. Прочтешь и не осудишь, почему он такой.

Варваре только и оставалось, что восхититься.

- Ну ты даешь, подруга. Мне до тебя далеко.

Несмотря на эту прелюдию, Варвара поразилась,встретив через неделю Дито в церкви. Зима, а он в одной рубашке. Подошел, культурно поздоровался. Вспомнил, видно, старые тосты.

- Не холодно?

- Я привык.

Молча отстоял всю службу и ушел.

Потом стал приходить в церковь вместе с Катей. Она, что называется, порхала: Дито, мол, решил начать новую жизнь. Естественно, всячески его опекала, стараясь познакомить его с тем, что нравилось ей самой.

Немного погодя, заручившись благословением о.Филарета и официальным приглашением Елены, все вместе отправились к ней на участок.

Это было первое воскресение Великого поста – Торжество Православия. По этому поводу был накрыт стол.

- Неслучайно нас Господь здесь собрал именно сегодня. – так начала хозяйка свой тост. – Вот что значит единоверие! В наше время – особая милость Божья – иметь единомышленников. Я скажу словами Пушкина: «Друзья, прекрасен наш союз.» Давайте же выпьем за наше единство. И пусть Господь сохранит нас в таком единомыслии и дальше.

После трапезы мужское меньшинство – Дито с Семеном – занялось дровами. А женское большинство – делами по хозяйству.

По инициативе Елены Дито остался жить на даче, чтобы «благополучно провести первый в жизни пост» и одновременно бросить курить и пить.

Первые две недели все шло прекрасно. Дито с воодушевлением пилил дрова, копал огород, а в перерывах каждые 3 часа читал Евангелие, по вечерам, когда все дневные труды были кончены, при свете керосинки изливал Елене свою израненную душу – о том, как его с 15 лет закрутила улица, потом она же, подлая, толкнула на воровство и наркотики.

Затем рвение его стало спадать и к окончанию поста совсем сошло на нет. Восторг сменился унынием. Дито лелеял надежду вновь сойтись с Катей, но это не выходило, т.к. она требовала сперва найти работу, которую Дито искать не спешил.

Напрасно Елена пыталась ему объяснить:

- ...Искренность и бескорыстие – залог нашего единства. Господь потому нас и сохраняет как одну семью, потому, что мы открыты друг другу. Мы открываем друг другу помыслы, чтобы не вкралось в наше общение что-то нечистое...

Но Дито продолжал свое.

В конце мая Дито одолжил у Елены 20 лар и был таков.

- Зачем вы ему дали? – разозлилась Варвара, узнав об его уходе. – Ежу понятно, что он вас, как фрэера развел.

Елена поморщилась на «фрэера», но спокойно ответила для Варвары совсем нелогичное.

- Мне заранее было ясно, что он мне их не вернет. Но нельзя было ему отказать. Иначе он бы осуждал всех верующих... эх, какой ему Бог дал шанс начать все с начала, а он все перечеркнул!

- Ну и пусть бы осуждал! – упорствовала Варвара. – А так, небось, радуется, что его дело проехало. И двадцать лар коту по хвост пропали.

Вскоре выяснилось, что у Дито опять запой.

На Троицу все собрались в церкви. Пришла подавленная Катя и сообщила новость:

- ...Дито психует, угрожает угнать коз. Хвастает, что у него есть какие-то знакомые и план действий.

- Ну, что ж, - не испугалась Елена, - давайте тогда читать молитву по соглашению «о вразумлении ненавидящих нас»...

Прошел еще один год. Катя поменяла несколько забегаловок в поисках более высоко оплачиваемой работы. Быт и среда брали свое и духовная жизнь отходила на второй план.

Иногда, на большие праздники, она доходила до церкви и, не стесняясь людей, плакала, говоря:

«Какое же я ничтожество! Ничего из меня не получится!»

Варваре это было яснее ясного, сама такая же, потому и успокаивала ее, тем, что в Елениных книжках вычитала, словами епископа Варнавы: «Я ничего от вас не требую, ни неядения, ни спанья на голых досках, ни длинных молитв, а только укоряйте себя за все, всегда, на всяком месте.»

В мае 1998 отошла к Господу мать Елены (1)

25 сентября 1998 г., Варваре позвонила Ликуша и ну кричать на психе.

- ... Ты там деньги делаешь. А на Елену напали, сильно избили! У нее и отца сотрясение мозга!

Варвара, передав по цепочке сенсацию дальше, тут же пулей помчалась на гору. Вбежала в открытую калитку и видит; в доме все верх дном, на стенах то тут, то там брызги крови. Навстречу ей привстал дядя Коля. Рана на голове у него была неглубокая, но впечатляющая.

- В 11 ночи мы прочитали вечернее правило и вышли окропить двор, как нас батюшка благословил. – рассказывал он, то и дело останавливаясь, чтоб откашляться – Слышу, собаки залаяли. Пошли мы к концу двора. Вдруг сзади и спереди через сетку перепрыгнули какие-то парни. Ножи к нам приставили: «Ведите, говорят, в дом, и собак уберите, а то хуже будет!» Что было делать? Загнали мы собак в будки, а Умка вырвалась и вцепилась в главного. Он ее р-раз и обрезком трубы саданул что было силы. Погибла моя Умочка, - тут старик заплакал.

Варвара слушала и не понимала: «Тут самих чуть не прибили, а он по собаке убивается. Вот блаженный состав!»

- ...Зашли мы в дом. – Дядя Коля постепенно успокоился и продолжал. - Я прошу: «Вы только дочку не трогайте!» Они говорят: «Не волнуйся, дед»... Стали у нас деньги требовать... «Нам, - говорят,- известно, что у вас есть 5000 долларов.» Дочка им говорит:» Таких денег я в жизни не видала. Мы живем на то, что молоко продаем.» Они не поверили, стали ее бить. Я пытался защищаться. Тут они мне по голове дали чем-то тяжелым. Я упал, они стали меня ногами топтать. Всю грудь отбили. Я им говорю: «Вы кого бьете? Вы фронтовика бьете?» А им плевать. Ох, как вспомню, так все в голове и крутится.... Потом перерыли весь дом. Ничего, конечно, не нашли и взяли, что было – 30 лар да продукты: бутылку постного масла да гречки два кило.

- Умоляю, что за позорные воры пошли! – фыркнула Варвара, несмотря на весь трагизм положения.

А главарь сел у стола, - продолжал дядя Коля, - голову на руки уронил и говорит: «Куда я попал?» Потом вышел, вскоре вернулся и сообщает: «Я пошел, набил того, кто нас сюда привел.»

Затем они нас связали и на полу лежать оставили. Старший говорит: - Мы у вас скотину возьмем.

- Что ж. Берите, - отвечаем.

Двое пошли выгонять стадо, а двое остались нас караулить.

Смотрим через окно, побежали наши козочки. Через какое-то время возвращаются те двое и говорят: - Нам какая-то сила мешает коз угнать. Мы их обратно в сарай завели.

Потом стали с нас кровь смывать и веревки развязывать. Потом мне руку на прощанье пожали: извиняемся, мол, что ошибка вышла.

Взяли барахло наше, даже носки мои новые ненадеванные, те, что Катя вязала, прихватили и ушли....

Вскоре пришла Елена. Под глазом ножевой порез, на лице синяки, обе руки обклеены лейкопластырем, чтоб прикрыть порезы.

- Это звери, а не люди,- вырвалось у Варвары. – Что они с вами сделали!

- Это несчастные люди, гонимые демоном.- Был ей тихий ответ.– Ты их не осуждай, Варюша. Просто их Господь на нашу гору привел, чтобы им дать еще один шанс к покаянию и спасти их души. В двух из них еще осталась искра Божия, а двое других уже полностью потеряли человеческий облик.

- Да ладно вам в каждой гадости духовный смысл искать! – окрысилась Варвара. - О каком спасении речь, когда они вот что наделали!

Тут прибежала запыханная Катя, и увидев весь разгром с порога, заплакала:

- Простите меня Елена Николаевна! Это все из-за меня. Не надо было сюда этого негодяя таскать. Я, дура, уши развесила: новую жизнь человек начать хочет.

Елена обняла ее еле сгибающимися руками.

- Ты все правильно сделала. Не вини себя, родная. Все это не случайно – и к Варваре повернулась свою мысль досказать. - ...Мы всегда торопимся, а Господь не торопится наказывать. Двое этот шанс использовали... Когда мы лежали связанные, один из них по моей просьбе подал мне воды, - тут она перекрестилась, глядя на иконы в углу. – Помяни его, Господи, во царствии Твоем за эту чашу воды. Этот парень стал мне свою жизнь рассказывать и убивался, что он уже конченный человек. А я его, лежа, успокаивала, что пока жив человек, все можно исправить. Разбойник на кресте покаялся и первым в рай вошел.

Он слушал – слушал. А потом мне руку поцеловал.

Когда они нас развязали и собрались уходить, я ему на память иконочку подарила...

Как ни странно, настроение у пострадавших (у обоих врач обнаружил сотрясение мозга) было оптимистичное: ничего, дескать, с Божьей помощью все управится. Тем более, что вторжение они объясняли не иначе, как:

- Это все по нашим грехам.

На вопрос, откуда эти ребята, ответили однозначно:

- Это Дито их привел. Бедный, бедный, как его враг запутал, что он на такое пошел, - говорила Елена. – Как, однако, было важно для его души здешнее пребывание и этот, первый в его жизни, пост. Потому враг так восстал.

Скоро стали собираться соседи и знакомые пастухи со всей округи. Охали, возмущались, а кое-кто, неискушенный в религиозных тонкостях, и проклинал. Все сходились на одном:

- Надо сообщить в полицию!

Елена, как могла, пыталась удержать всех от осуждения и наотрез отказалась писать заявление, объявив:

- Я предала все в руки Божьи, пусть Господь Сам рассудит.

Кто-то предлагал принести охотничье ружье, кто-то – достать лимонки без зарядов, если «гости» опять появятся. И то и другое было категорически отвергнуто:

- Как я занесу в дом оружие, когда там иконы?

Оставшись наедине, без гостей, Варвара еще раз попыталась повлиять на Елену в свойственной ей бесцеремонной манере, но услышала шокирующее признание.

- А ведь заранее знала, что у нас придут разбойники.

-Чего-о?

- Молилась, чтоб Господь дал мне какой-то знак, что Ему угодно наше здесь пребывание. И вот он освятил это место нашей кровью. – И, видя, как округлились у Варвары глаза, - добавила. – Только, прошу, не болтай никому, а то ты у нас как бесплатное радио на весь Тбилиси.

Постепенно весь ажиотаж спал и все вернулось на круги своя.

Событие это, конечно, имело свой отголосок и в церкви. Общий вывод после сочувствия и возмущения был такой:

- ... Надо им уходить из такого глухого места.

Лишь одна пожилая певчая отозвалась по другому:

- На все воля Божья. Может быть, они кого-то из своих предков вымолили оттуда, - она махнула рукой вниз. – Вот враг и ополчился на них через этих несчастных. У меня такое уже было. Ни с того, ни с сего меня один наркоман избил - я потом месяц встать не могла. Я в обыкновенном корпусе живу, не на горе, как они. И только потом Господь открыл причину. Слава Богу за все!

О. Филарет среагировал на нападение так:

- Никуда уходить не надо. Всех святых били. А со здоровьем все наладится.

Через месяц Дито, потерявший остатки страха и совести, трижды вламывался среди бела дня к Кате в хибарку и выносил, что попадалось под руку.

Катя была в отчаянии еще и от того, что в полиции даже не хотели принимать от нее заявление. О защите не могло быть и речи.

Узнав все это, о. Филарет, обычно очень воздержанный и кроткий, высказался:

- Его надо посадить. Это уж совсем никуда не годится.

Но каким образом это сделать, не объяснил.

По его молитвам возмездие появилось само собой через неделю в лице студента – юриста Гелы. Этот двухметровый парень поднялся на вершину горы к Елене и постучал в ворота:

- Правда ли, что на вас было нападение?

Ему рассказали подробности с новым продолжением, которое произошло с Катей. Гела тут же вооружился ее адресом, групповой карточкой, сделанной на Торжество Православия, где был и Дито, и поехал на другой конец города к Кате за дополнительной информацией.

Через три дня Гела схватил Дито прямо в метро и отвел к дежурному в отделение.

Через 2 месяца суд приговорил Дито к «лишению свободы сроком на 5 лет.» (Как тогда выяснилось, у Дито уже была судимость, о которой даже Катя не знала.)

Летом 1999 г., еще «сюрприз» - поднимается на гору, пытая и потя с непривычки, прокурор (его черная Волга не осилила крутой подъем и осталась у подножья горы) и просит Елену прийти на очную ставку:

- У нас есть информация, что год назад на вас было совершено нападения. Преступники задержаны. Вы должны помочь следствию.

Оказывается, когда их поймали на очередном грабеже и заставили писать показания, один из них сказал:

- Много чего было, но меня совесть больше всего мучает за Елену, - и подробно написал адрес и весь инцидент.

После долгих отказов в виде: «У меня нет к ним претензий. Я им все простила», Елене все же пришлось ехать в тюрьму на опознание.

Вернулась она оттуда в шоке.

- Это настоящий ад. Там стены в крови на уровне человеческого роста.

- Вы узнали кого-нибудь? – заинтересовалась Варвара, ценящая в любом детективе заслуженное возмездие.

- Одного да. Он очень изменился, похудел на 15 килограммов. Но я все же сказала, что не узнаю никого. Хватит с него и того, что он там находится.

- А остальные?

- Двое еще в розыске, а третьего, того, кто мне руки целовал, убили при разборке полгода назад. Недавно я молилась о нем и почувствовала, что его уже нет в живых. И легко так было на сердце, не ощущалось никакой тяжести. Видно, принял Господь его покаяние...

Варвара слушала это все и думала, что ей наверное, никогда не понять непредсказуемую Елену. И все-таки, как ей повезло, что такой человек живет рядом, всего в двух часах езды, но главное, в одном городе.

.....

28.06.2013

Примечания.

1. См., рассказ «Письмо из небесной канцелярии»

Про козла Василька и «русских оккупантов».

Дело было как раз через два дня после нападения бандитов. Дядя Коля еле ползал по хибарке с разбитой головой, обильно смазанной зеленкой, Елена тоже была в нелучшем виде. Изрезанные ножами руки и лицо в садинах заживали медленно.

Со двора из сараев доносилось неспокойное блеяние. Козам надоел их двухдневный затвор.

Варвара, стараясь обходить взглядом кровь на стенках, - память от незваных гостей, -предложила:

- Может, я их пойду пасти.

Дядя Коля вскинул на нее умоляющие глаза.

- Пойди, родненькая, застоялись козочки за эти дни.

Елена, колебась, медлила с ответом. Потом подошла к иконам, помолчала, перекрестила и дала нерешительное «добро»:

- Иди, только обязательно молись по дороге, - и подала книжку с полки. – Вот, возьми акафист Божьей Матери.

Варвара, еле выжимавшая из себя краткое утреннее правило, отбрыкнулась.

- Да ну, он же на три листа. Я лучше кратко,... как-нибудь.

Елена знала по опыту, что настаивать бесполезно. Робко добавила.

- Они хоть и бессловесные, а знаешь, как благодать чувствуют...

Но Варвара уже выскочила во двор, бросив на бегу.

- Обалдеть можно с этими реверансами. Прямо не козы, а внеземная цивилизация.

Дальше она промчалась по двору, р-раз – дверь в сарай нараспашку.

- Аба, давай, пошли гулять!

Козы хлынули за ней в проем радостной гурьбой.

Затем еще бросок в другой сарай, где находился Василек. Брах – палкой по загончику.

- Аба, Васька, let's go! (1)

И громадный козел затрусил следом на волю.

Видя, что Елена крестит их из окна, Варвара крикнула:

- Да не переживайте вы так! Все будет супер-пупер! – и погнала стадо вниз, в овраг, и дальше на поле, к Тбилисскому морю.

Поправочное дело – осознать себя в новом нужном людям амплуа. А любое амплуа, как известно, требует определенных действий. И пастушка начала действовать.

Брух – одну козу по рогам, бах – Василька по крутой спине. Экзотика для горожанки да и только.

Василек – безрогий вожак Елениного стада, внушительная громадина. Наверное, 150 кило будет. Когда на дыбы встает, выше дяди Коли делается, а по сравнению с Варварой и вовсе Голиаф.

Ему методика новой пастушки явно не по нраву пришлась. Сперва обижено мемекал, потом стал бодаться своим лобовым выступом.

Варвара, тут же став в позу фехтующего д"Артаньяна, разоралась.

- Ах ты, маимуно виришвило (2)! Забыл, что человек - царь природы?! – и залепила козлу палкой меж глаз.

Вместо того, чтоб «в разум истинный прийти», Василек издал какой-то военный клич, глаза у него налились кровью и он пошел на таран. «Царю природы» пришлось улепетывать от него зигзагами по полю и вопить дурным голосом на всю окрестность.

- Вай, вай, вай!!! Помогите-е! Убивают!!! – Это, чтоб Елена на своей горе услышала. Потом тот же SOS на грузинском. – Мишвелет! – Это, чтоб кто-то из пастухов на другом конце поля обратил внимание.

Вот уж не думала Варвара, что способна на такие спринтерские гонки, да и взбесившийся Василек явно шел на рекорд – не отставал на два метра. Еще хорошо, что удалось «венцу творения» заскочить в чью-то пустую дачу и запереться, а то собирали бы ее по косточкам. Выглянула в окно, в надежде, что погоня миновала, но куда там. Козел вокруг дома круги дает и утробно воет. Стоило Варваре высунуть из-за двери свой горбатый нос, тут же этот длинноухий монстр кидался на приступ. Прямо кошмар на улице Вязов в реале.

Тут на Варварины вопли Елена прибежала. Одной рукой за сердце держится, а в другой кружка со святой водой судорожно зажата. А в кружке четки в роли кропила.

- Ох, и напугала ты меня, - еле выговорила Елена, переводя дух. – Я уж думала, что тебя те разбойники пришли убивать.

Потом стала кропить святой водой Василька. Обрызганный козел тут же сменил гнев на милость, стал ласково тереться об хозяйку и что-то жалобно блеять, видно, жаловался на обидчицу.

Горе-пастушка с опаской вылезла из своего убежища и выдала кровожадное.

- Этого негодяя на мясо пусть пора.

Елена только засмеялась.

- Ну да, конечно, непременно так и сделаем. Говорила я тебе... – потом, видя, что здесь не до нотаций, переиграла. – Пошли лучше чай пить, а то на тебе, Каркуша, лица нет.

Потом похлопала козам 2 раза.

- Девочки мои золотые, давайте домой.

Козы послушно потянулись к оврагу обратно.

.....

На другой день Варваре снова удалось выбраться на гору. О пасьбе она больше не заикалась. Вчерашний страх еще не выветрился из головы.

Но вышло по-другому. Елена сама попросила.

- Сходи, Варюша, с папой на поле. Боюсь его одного отпускать. У него сегодня давление прыгает. А я сараями займусь.

Так Варвара снова оказалась на поле в козьем окружении.

Уселись они с дядей Колей под кустом, не зная, чем заняться. Тишина кругом. Только и слышно, как козы траву хрумкают.

Мимо проехал жигуль.

Дядя Коля, щуря голубые глаза на поднятую машиной пыль, задумчиво проговорил.

- Знаешь, я как машину на поле увижу, сразу сердце екает.

- Почему? – из вежливости спросила Варвара, отрываясь от своих генеральных планов.

- Когда Абхазская война шла, у нас гвардейцы чуть не каждую неделю приходили коз отбирать. Иногда мы с Раей выкручивались, а иногда нет. Рая хорошо по-грузински говорила, чисто, ей удавалось уговорить их не грабить а я здесь пол- жизни прожил, двух слов связать не могу. – И вернулся к начатой теме. - Да, так вот, их казармы во-он там были, - и старик махнул палкой в противоположную сторону Тбилисского моря.

- Мхедрионовцы, - уточнила Варвара, жуя травинку.

- А шут их знает. Я столько не понимаю. Рожи-то у всех бандитские, одеты кто как. У одних штаны военные, у других верх форменный, а внизу джинсы и ботасы.

Варвара легко представила себе описываемую картину. Тогда, в начале 90-х все солдаты были так одеты. Формы на всех не хватало. Но комментировать не стала. Ясно было, что дядя Коля ударился в воспоминания. Не хай себе рассказывает. Жалко, что ли?

- ...Подъехали они как-то ко мне вот так же на машине. А я один со стадом в поле. Направили на меня автоматы и говорят.

- Давай, дед, козу, - и очень похоже передразнил кого-то воображаемого. – Пака красывы.

Я им толкую.

- Ребята, вы у кого отнимаете? Я фронтовик. Имейте ж совесть.

А один особо наглый еще и очередь прямо у моих ног дал. Для страху. Только песком мне ботинки засыпало. Еще ругается. «Ты на нашей земле живешь. Не нравится – ежай в Россию!»

Меня затрясло. Сталина на них нету. Ишь, научились, чуть что «русский оккупант». Им не объяснишь, что я в России так, сбоку припеку. Мы ж поляки. Нас еще при каком-то царе в Казахстан переселили. Это я после фронта в Грузию попал. Здесь Раю встретил, женился. Э, да что говорить...

Дядя Коля вытер рукавом слезящиеся глаза.

Варвара слушала это все и думала о своем. На ум пришло странное совпадение.

В свое время, тоже в начале 90-х, когда на улицах старались не говорить по-русски, Варваре пришлось в спешном порядке учить грузинский. Дома она постоянно скандалила с матерью.

- Уедем отсюда. Продадим квартиру и уедем. Я не могу жить второсортным человеком. Все, кто может, уезжают в Россию. Мы что, рыжие?

Мать не менее упрямо твердила.

- Хорошо, где нас нет. Я русская, но умру в Грузии. Все, разговор окончен. В России тоже не медом намазано.

Это она к тому, что там свой национализм. Варваре тоже не раз в лицо швыряли известное: «Понаехали тут черномазые!». Вот и выходит, что Варвара – двойной оккупант, нигде не ко двору.

Короче, временно пришлось заткнуться. Потом вопрос о переезде отпал сам собой, т.к, надо было вести каждодневную борьбу за существование и мысли о невыносимости национализма отошли на третий план.

Когда она перестала заикливаться на проблеме, тогда в ее жизнь вошли Элисо, Нино и еще много других людей, показавших ей всю прелесть Грузии.

Попав к Елене, Варвара с удивлением для себя узнала, что еще в 80-х годах прозорливец схиархимандрит Виталий (Сидоренко), митрополит Зиновий, оба служившие в Александро-Невской церкви не благословляли своих прихожан на переезд в Россию, несмотря на предсказываемые войну и голод. Потому как:

- Это удел Божьей Матери.

В семье Елены четко придерживались этой установки, хотя ее единственный сын всячески звал их на переезд.

И сейчас, глядя на эти старческие слезы, Варваре нечем было его утешить. Оставалось только сопереживать. Потому и спросила.

- Ну, а дальше что было?

- ... Другой парень, чуть постарше, того, наглого, по автомату стукнул. Что, мол, ты делаешь. И потом мирно мне так говорит: «Отдай, дед, козу добром. Мы, видишь, голодные, на войну завтра едем».

Я махнул рукой. Что с ними говорить. Вон Важа – у него сорок овец – тоже, было, заартачился: «Не дам, мол, и все!». А они ему на зло, когда тот на поле был, противотанковую мину подкинули. И все – от дома одна воронка осталась. Это своему – представь! – Дядя Коля для значимости понизил голос.

Варвара как раз на это никак не среагировала. Бандитизм в паспорт не смотрит.

- ... Короче, пристрелили они у меня на глазах Розочку, - продолжал старик, - ту самую, что Рая из соски выкормила. И уехали восвояси.

Прошел год или два, не помню. Снова я на поле с козами. Вижу, машина ко мне едет. Я, само собой, струхнул. Опять, думаю, отнимать будут.

Смотрю, выходит из машины тот самый прошлогодний парень и идет ко мне.

- Не узнаешь, говорит, меня, дед? Помнишь, мы у тебя с ребятами козу отняли.

- Как не помнить, говорю.

- А я с войны вернулся. Ехал вот мимо, хотел прощенья у тебя попросить. Нехорошо тогда вышло. Прости, говорит, меня.

- Да, ладно, - говорю, - дело прошлое.

- Знаешь, дед, - и глаза в сторону отводит, - ребят тех всех на войне убило. Только я остался.... Жалко ребят, дед.

- Известное дело, - говорю, - конечно, жалко. Молодые совсем.

Потом мне руку пожал, сел в машину и газанул.

А я, веришь, так разволновался, что всю ночь не спал. Эти мальчишки у меня перед глазами стояли. И я молодой был, всякие глупости делал. Сейчас стыдно вспомнить. Слава Богу, до воровства не доходил. И все же....

- Я вот, что думаю. Наверно, не только меня они ограбили. На той войне, говорят, всякое безобразие было. Грехи, знаешь, они складываются. Ну, как навоз из-под козочек, - пояснил он для доходчивости. – А потом и человека задавить могут. Ведь не случайно этот самый совестливый, один в живых остался. Правильно я думаю? – обернулся он к слушательнице.

Варвара кивнула.

Тут дядя Коля неожиданно спохватился. – А ну, посмотри-ка родненькая, сколько часов на твоём будильнике.

- Почти 2.

- Ну, пора на обед гнать! – И он с трудом поднялся, стряхивая прилипшие травинки.

Варвара с двойным энтузиазмом пошла подгонять коз сзади. Потому что на воздухе аппетит приходит, не спросясь.

10.06.2013

Примечания.

1. Давай, пойдём. (англ.)
2. Обезьяна, сын осла (гр.)

Случай на похоронах.

5 мая 1998 г., у Елены умерла мать. Именно из-за нее 4 года назад Елене пришлось переселиться на дачу из городской квартиры и осваивать профессию бессменной сиделки при инсультнице и постигать премудрости козоводства вкупе. И все эти подвиги в стиле последнего героя на фоне дровянной печки и керосиновой лампы, заправленной сальяркой (уж вы поверьте на слово: чаду больше, чем света).

Во время похорон Варвара взяла на себя самое необременительное – роль Рыжего-помогая, а Элисо предпочла самую ответственную часть – готовить еду для келеха (1).

Отпевать новопреставленную Раису пришел о. Антоний, известный всем своей строгостью и принципиальностью. Варвара, в досталь наслушавшись о нем всяких ужасиков, давно для себя решила: «Ни за что не пойду к нему на исповедь!». И потому держалась от него как можно подальше.

Присутствующих было человек пятнадцать. В основном все свои, из церкви и несколько соседей по дачам.

Отпевание уже началось, когда в небольшую комнату ввалился 2-хметровый Гигла – непросыхающий алкаш и местная достопримечательность в одном лице.

Варвара и раньше не раз сталкивалась с ним по пути на гору. Брезгливо думала каждый раз: «У-у гоблин недоделанный», уворачиваясь от пьяных объятий и заезженной слезливой пластинки.

- Послушай меня, сестра. Я племянника на Абхазской войне потерял, 17-летнего мальчика. Он погиб за Грузию, как герой! А я, мерзость, по земле ползаю. Э-э, стой, куда? Послушай, что еще скажу....

Нечто подобное он начинал рассказывать каждому встречному-поперечному, если хоть на минуту удавалось завладеть чьим-то вниманием. Тем более, что Мухианская гора – не проспект Рустави, так просто от пьяных базаров не скроешься. Вот и приходилось выслушивать известный текст по сотовому кругу.

И вот сейчас этот Гигла, задевая стоящих со свечами и шатаясь, подошел к гробу и положил на него какой-то чахлый лиловый цветок.

«С чужого огорода, наверное, слимонил,» - дедуктировала машинально Варвара, морщась от распространяемого Гиглой амбре. – Приперся на нашу голову!»

Все окружающие, со страхом глядя на его нетвердые движения вокруг гроба, тоже напряглись в ожидании конфуза.

Один лишь о. Антоний, казалось, ничего не замечал, читая что-то из Деяний. Тут Гигла упал всей тушей на стул и замотал лохматлой головой, как агонизирующий динозавр, по ходу издавая какие-то горловые звуки.

О. Антоний начал читать Евангелие. Вдруг Гигла перестал рычать, встал и остался в относительно вертикальном положении до конца главы.

Потом вышел со всеми во время выноса и куда-то сгинул. Видно, сбился с курса.

О. Антоний, закончив обряд, обратился ко всем присутствующим с неожиданным предположением.

- Вы, наверное, осудили сейчас этого человека за его отталкивающий вид и неприятные действия.

Кто кивнул, а кто промолчал.

- Кстати, а как его зовут?

- Гигла, - вылезла вперед Варвара со своей осведомленностью.

- Вы заметили, - продолжал священник, - он сидел, а потом встал, когда я начал читать Евангелие. Разве его кто-то из вас предупредил?

- Нет, - слышались несмелые ответы.

- Гигла хороший человек, - последовал вывод, - Господь сказал ему в сердце: «Встань!» и он встал, хотя явно не знал никаких церковных правил. Это ведь не каждому дано - слушать сердцем слова Господа.

Все удивленно переглянулись. Такое никому не пришло в голову.

Варвара задумалась: «А может, стоит поближе познакомиться с о. Антонием. Не такой уж он и страшный.»...

6.05.2013.

Примечания.

1. Поминки.

ПИСЬМО ИЗ НЕБЕСНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ.

«Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам.»
Мф. 7;7.

Май 1998 г. Стол с нехитрой закуской, горящая свеча по середине. Пятеро за поминальной трапезой 9-го дня. После первых традиционных тостов кто-то из сидящих просит рассказать поподробней о жизни человека, уже перешедшего в вечность. В кои-то веки торопиться некуда.

-...Моя мама осиротела, когда ей было 2,5 года. - Уступила Елена просьбам присутствующих. - Дед мой, ее отец, хотел в приступе ярости порубить все иконы. Мама рассказывала, что у нас были большие старинные

иконы в серебрянных окладах. Несколько из них маме удалось спасти. Она, трехлетняя кроха, стала перетаскивать их на берег реки и опускать в воду. Потом стояла и смотрела, как их медленно уносило течение. Вскоре дед мой привел сожительницу. Мачеха стала требовать:

«Убери детей. Девай их куда хочешь.» И вот как-то ночью маму разбудила кошка, дико мяукнув и оцарапав ей руку. Проснувшись, она закричала брату: «Колька, бежим, папка нас зарубить хочет.» Дед мой от неожиданности выронил топор, который был уже занесен над ними спящими. Дети убежали. Вот почему мама так кошек любила. За спасение жизни.

Спустя какое-то время дед зарубил топором сожительницу за измену и сам пошел сдался властям. Его осудили на 12 лет и выслали. Мама с братом остались совсем одни.

Мне сейчас даже страшно представить, как она, 4-х летний ребенок, ходила босиком по снегу и собирала милостыню в Георгети. Видно, это тоже было нужно. Несмотря на суровое детство и юность, мама была редкий жизнелюб, никогда сама не унывала и нам этого не позволяла, говорила: «Ничего, Господь не оставит.»

Потом маму взяла на воспитание одна раба Божья, хотя и сама бедствовала...Затем маму удочерила одна грузинская семья. Я до сих пор поминаю этих людей, как дедушку и бабушку. Их, конечно, давно нет. Они дали ей свою фамилию. Отправили учиться в техникум.

Вскоре пришел с фронта брат отца и забрал ее в Тбилиси, в ФЗУ при Трикотажке. С теткой, дядиной женой, отношения сложились сложные и ей пришлось перейти в общежитие.

Господь, как и каждую сироту, ее незримо вел и оберегал. Как-то в минуту отчаяния, в 19 лет, она взмолилась: «Господи, если Ты есть, дай мне счастье!»

И в ту же ночь Он пришел к ней во сне и сказал «Исправь свои грехи, тогда получишь счастье.»

Проснувшись, первое, что она сделала, бросила в печку карты. (До того она прекрасно гадала). И пошла в церковь. Стала ходить молиться, исповедываться.

Есть в Александро-Невской церкви большая старинная икона «Смоленская». Мама молилась перед ней, чтобы Пресвятая Богородица устроила ее жизнь. Вскоре она познакомилась с моим отцом. Потом поженились. Папа, только демобилизовавшись, устроился на Трикотажку учеником мастера, туда, где мама уже работала прядильщицей. Она проработала на комбинате 40 лет. Кто знает эту профессию, поймет, что это за цифра. Это были послевоенные годы. Всем было трудно, а моим родителям тем более, т.к. им пришлось все начинать с нуля. По началу кушали на подоконнике, спали на полу. Тут возникла новая проблема. У них 3 года не было детей. Перед той же иконой мама вымаливала ребенка. И как-то увидела сон. Будто стучится к нам в общежитскую квартиру (там было 4 комнаты, в каждой жило по семье) старец в белом подряснике и зовет маму: «Вам письмо из небесной канцелярии»-и подает ей лист бумаги.

-Но я ничего не понимаю,- отвечает мама.

-Вам его прочтут на втором этаже-отвечает старец и исчезает.

А мама видит, как с неба опускается звезда и прямо к ней в руки.

Проснувшись, мама задумалась и вспомнила, что на втором этаже нашего общежития жила монахиня с дочерью, и пошла к ним за разъяснением. Монахиня выслушала все это и сказала:-Это значит, что молитва твоя услышана. И скоро у тебя будет ребенок. Скорее всего девочка.

И правда, вскоре родилась я, грешная-улыбается рассказчица-Кто был этот старец, мама узнала потом, когда меня Господь призвал к вере и мы всей семьей воцерковились, стали держать посты, исповедываться и причащаться. Как-то на иконе она узнала этого старца. Это был св. Серафим Саровский. Жили мы очень скудно. Даже хлеба не было вдоволь. Из своего детства я помню макароны и яблоки, которыми мы в основном питались. Но мама никогда не жаловалась. Как-то раз стучится к нам в общую дверь священник. Вышли все 4 хозяйки, у всех интерес: К кому пришли? А он смотрит на маму и говорит:-Я к вам.

Мама, конечно, пригласила его войти. Он говорит:- Дай мне кусочек хлеба и стакан воды.

Мама достала 200 грамм хлеба-однодневную норму, больше не было. Священник стал молиться, потом сказал:» Хлеб у тебя всегда будет». И поспешил уйти. Когда она выбежала следом, поблагодарить его, спросить, почему он зашел именно к нам, нашего гостя уже нигде не было. Оббегала 4 этажа, спрашивала у всех, но, выяснилось, что его никто не видел. Рассказывая этот случай, мама всегда плакала:» Кто это был? Почему исчез? Может это Господь посетил меня?» Вскоре после этого события папиных друзей-летчиков перевели в Вазиани и они стали часто бывать у нас. Настелят шинели на пол и ночуют. Часто отдавали нам свои военные пайки. Как-то постепенно материальная часть тоже наладилась. Когда мне исполнилось 12 лет, мои родители обвенчались. Все эти годы они по копейкам собирали деньги на кольца. Оба очень хотели принять это таинство. Мама была на редкость любвеобильным и мудрым человеком. За всю жизнь я не помню, чтоб она о ком-то отозвалась плохо. Я, наверное, никогда не дойду до ее уровня любви к людям и ко всему живому. Даже будучи парализованной, вы все видели, как она радовалась всем вам и как безропотно несла крест болезни. Ей было открыто, что болезнь ее-за грехи отца.

Царство ей Небесное, вечный покой.

Пусть мамочка, если имеет дерзновение перед Господом, помолится о всех нас, чтобы и у нас была бы та же любовь к людям и безропотность к несению своего креста.

-Аминь-перекрестились сидящие.

Проверка чувств.

А вступившим в брак на я

повелеваю, а Господь: жене не

разводиться с мужем,-

Если же разведется,то должна остаться

Безбрачною или примириться с мужем своим,-

И мужу не оставлять жены своей.

1 Кор.гл7;10,1

- ... Ты мне подруга или нет? – такой вот был задан вопросом ребром Варваре ее бывшей одноклассницей Риммой

в один прекрасный день.

Варвара хоть и нутром почуяла в этом прелюдию какой-то аферы, но все же бодро подтвердила свой почетный титул.

- Значит так, - Римма без лишней резины вводила ее в курс дела, по ходу заканчивая последний марафет. – Мы сейчас идем по одному делу. Я тебя познакомлю с моим будущим мужем.

- Это как? – не поняла Варвара. – А Тенго ты куда денешь?

Ответом был красноречивый жест по направлению глубин космоса за окном хрущевки.

- Я встретила настоящую любовь,- последовало словесное подтверждение, - мы с Рамазом просто созданы друг для друга. С Тенго я развожусь. Решеное дело.

Варвара молча переваривала новости. Симпатий к Тенго у нее не было с самого начала их знакомства. Деревенский пентюх украл Римму в 17 лет и на этом основании поселился у жены –горожанки. Родили двух детей. Вначале все было более или менее терпимо. Тенго шоферил на автобусе, Римма сидела с детьми дома. Потом Союз развалился и всех, кто был без прописки, впервую очередь выкинули с работы. И вот уже шесть лет Тенго гордо висит на шее у Риммы в качестве бесплатной эмблемы «Я замужем», но работать не хочет. Ему, мол, его шоферская гордость не позволяет торговать хлебом у метро или пойти в грузики на базар. В итоге подруга - страдальца вынуждена подыхать на чужих паркетах, размазывая по ним ненавистную мастику 6 раз в неделю, лишь бы прокормить 5 ртов (еще бабка Риммына денно и ночью отравляет жизнь жужжанием: «Нынче все не так, как раньше.»)

-...Это у нас уже полгода и очень серьезно,-продолжала Римма, собирая сумку.- Уже все решено.Мы оба разводимся, потом венчаемся в церкви и начинаем жизнь с чистого листа. Это ведь так Бог захотел, чтоб мы встретились.

-Еще вопрос, кто захотел. – буркнула Варвара. - А его жена как на это среагирует?

- Это не мои проблемы.Надо было лучше за мужем смотреть!

-И все-таки, Тенго что скажет? Как-то все это не то.

- Что хочет, пусть то и скажет. Квартира моя, Это он на улице останется. Моим детям он до лампочки. Для них главное- я. Сама знаешь, толку от него никакого. А Рамаз и работающий, и с деньгами, и общительный. Плюс, своя машина у него. Никогда без дела сидеть не будет. Вообще, я уже все выяснила. Раз мы со своими половинами не венчались, значит с церковью проблем не будет. Ты мне только устрой дело со священником. Будешь у меня меджваре (1). Ближе тебя у меня никого нет. И не вздумай отказываться.

Так, мирно беседуя, обе подруги оказались на улице. Подъехала машина, а в ней Рамаз собственной персоной. Наскоро представились и поехали делать великие дела.

- Поедем к о. Павлу, - заявила Варвара, найдя для себя соломоново решение. Думалось так. О. Павел сто процентов даст им от ворот поворот и тем самым избавит ее, Варвару, от участия в скользком деле. А вслух стала расхваливать облюбованного священника, как тонкого специалиста в семейных делах.

О. Павел, и правда, с первых минут визита показал себя с лучшей стороны.

- Вот, батюшка, - начала Варвара, кивая на Римму, стоявшую рядом. – Это моя

-...подруга, - закончил о. Павел, еле скользнув по кумушкам усталым больным взглядом.

- У нее большая проблема, - затарахтела Варвара, ободренная таким хорошим началом. – она замужем, у нее 2 детей, но она встретила...

- новую сильную любовь. – о. Павел и тут попал в точку. – И теперь она хочет венчаться, так? Потому что раньше не венчалась. Так?

- Так, - кивнула Римма, оттесняя Варвару плечом, очень довольная таким неожиданным пониманием.

О. Павел задал всего один вопрос:

-А твой будущий муж сможет заботиться о ваших общих детях? Это ведь очень сложно: содержать две семьи одновременно.

-Конечно,- подтвердила Римма.

- Тогда приходите венчаться хоть в эту субботу. Канонически этот брак возможен....

Подруги не поверили своими ушам. Так просто и быстро. Римма на радостях пихнула Варвару локтем на выходе из церкви.

- А он ничего, это отец Павел. Понятливый мужик. Я бы с ним еще пообщалась.

Суббота настала, но ничего не произошло. Рамаз забыл кольцо дома.

- Ничего. Это не страшно,- сказал священник, узнав о причине задержки.- Пусть медные кольца купит, благослаблю. Или, если и на это денег нет, пусть гвозди свернутые принесет. Это ведь не главное, это просто символ. А потом деньги заведутся, золотые кольца купите, я их освящу. Так можно.

- Нет, мы уж лучше по-настоящему. В другую субботу,- извинялась Римма.

- Ну, как хотите,- был ответ. Но Варваре поставил на вид.

- Что скажешь, раба Божья? Твои клиенты. А я из-за вас езжу откуда куда, бензин трачу.

Варвара искренне извинялась, пытаясь объяснить, что она хотела как лучше.

Настала и «другая суббота», а потом и еще. У Рамаза постоянно находилась какая-то весомая причина.

- Тут явно нас кто-то сглазил, - скумекала Римма. – Будто кто-то мешает. К гадалке что-ли сходить?

- Давайте лучше к Елене на гору съездим, - загорелась Варвара гениальной идеей. – Она вам все по полкам разложит.

- Это кто? – поинтересовался Рамаз, включая магнитофон в машине. Ему вроде, было по барабану куда ехать, лишь бы замять казус с венчанием.

- Духовно грамотный человек! – веско сказала Варвара, имея в уме бизнес –план: все из ее друзей, кто побывал на горе, рано или поздно что-то изменяли в своей жизни. Интересно, какой колор выйдет с этой влюбленной парочкой прелюбодеев. Тем более, что Елена уже была наслышана от Варвары о всех субботних попытках начать жизнь с нового листа.

Доехали они быстро. Оно и понятно, это не пешком полтара часа тащиться по ухабам. По дороге слушали восторженные рассказы Варвары про житье-бытье в первобытных условиях на горе и мешок чудес, который был у рассказчицы всегда наготове на подобные случаи. Римма только веселилась: « Во дают эти боговерующие! Вы все слегка гоните, я смотрю!».

Елена их приняла с рапростертыми объятиями. Выслушала про последнюю неудачную попытку. Потом сказала без обиняков.

-Ребята, а ведь все это не случайно. Нет воли Божьей, чтоб вам венчаться.

(Варвара внимательно следила за реакцией гостей. Хотя Римма еще та атеистка, а вот слушает Елену без фырканья и глаза не закатывает в своей обычной манере, мол, достали вы меня своими бреднями. Рамаз тоже сидит с умным вникающим лицом. А что там внутри творится – не поймешь.)

Дело тут не в кольцах, - продолжала Елена свою мысль. - Вы, наверное, даже не знаете, какая это ответственность – христианский брак. Перед венчанием раньше люди всегда исповедывались, чтобы бремя грехов не перекладывать на новую жизнь, которая может скоро возникнуть. А вы хоть раз в жизни были на исповеди?

Несостоявшиеся молодожены удивленно переглянулись. Такого никто не ожидал.

- Прежде, чем новую жизнь начинать, надо сначала фундамент подготовить. Духовный...Надо хотя бы внутренне у Бога прощение за старое попросить,- и на вопрос, что именно, - уточнила.- Наверно, и в том и в другом браке были аборты.

Они подумали и кивнули.

- Бог – это сама любовь и чистота. Этих качеств он требует и от каждого из нас. А вы пока в Его глазах незаконный союз двух человекоубийц...- продолжала хозяйка.- Вы говорите, что ваше чувство от Него. Это легко проверить. Откажитесь от физической близости и посмотрите, как долго это продлится. Увидите, любовь это или просто наваждение, что люди очень часто принимают за нечто серьезное.

Короче говоря, уходили Рамаз и Риммой совсем в другом настроении. Как говорится, нагруженные с пищей для ума. Елене оба пообещали сделать рекомендуемый эксперимент.

Проводив гостей, Варвара полезла тут же к своей духовной матери с вопросами.

- Как думаете, Елена Николаевна, они поженятся?

- Не думаю,- Елена стала выгребать золу из потухшей печки. –Такая связь скоро распадется.Это все временное, пока они не надоели друг другу. Господь пошлет им обоим серьезные скорби, чтобы напомнить, что люди на земле живут не для плотских утех, а чтобы заработать себе Царство Небесное. У нее могут болеть дети...У него возникнут проблемы, которые заставят его что-то пересмотреть...

... Как люди не видят какое сейчас время натупает! Последнее! «И женатый должен быть как неженатый.» Рассказывали мне такой случай. В 70-х годах племянница одной монахини праздновала свадьбу.

- Разве ты не рада? – спрашивают у ее грустной тети за столом.

- Врата брачные уже закрыты,- ответила со вздохом монахиня,- открыты только врата покаяния... Поэтому мало кто сейчас семейной жизнью живет...Не дано...

Варваре этого мало. Давай дальше копать, допытываться.

- А как вам моя подруга? Правда же, классная типша?!

Елена только слабо улыбнулась на надоевшие словечки.

- Хорошая она. Жертвенный человек. Видно, что любит этого Рамаза. Говоришь, сирота она. Ее Господь к себе призывает, но она пока не слышит. И атеизм ее – это все наносное. Значит, как и я, через большие скорби потом к Богу придет.

- А откуда это вы все знаете? – Варвару так просто не уймешь.

- Просто я много подобных историй видела. Считай, что-то вроде статистики. Это, чтоб тебе понятнее было.Ты же любишь конкретные объяснения. А так, это неудачное сравнение. Статистика самая нелогичная наука. – И на скотин своих по обыкновению свернула. – Вот, например, у меня десять козочек, а у тебя, Каркуша, ни одной. Так согласно статистике выходит, что у нас поровну. Обман один.

.....

...Прошло около месяца. Звонит Варваре Римма вся на нервах:

-...Я чуть с ума не сошла. Заболел мой мальчик. Да так, что я думала все,- конец. У него же хронический бронхит. Вдруг стал задыхаться, три дня ничего не ел. Даже уже разговаривать не мог. Потом я взмолилась: «Господи, помоги!» Я не знаю, что Ему обещают в таких случаях, потому что ребенок вскоре поправился.А вот что сделать? Барана резать, сама знаешь, у меня денег нет.

- Не надо барана. Лучше отказаться от чего-то другого, то, что Ему не нравится.

Она задумалась, а потом говорит:

- А с моим вторым номером (условное обозначение несостоявшегося мужа) что произошло! Ему тоже надо что-то делать, а что конкретно, он тоже не знает.

Он два раза в один и тот же день чуть не погиб. Представляешь, едет он по трассе, а перед ним грузовик. И видит он, как у того из бака бензин струйкой вытекает. Вдруг из проезжей машины кто-то спичку бросил. Вся дорожка миглом вспыхнула и огонь ветром несет к его машине. Дорога такая, что ни свернуть, ни ход

замедлить нельзя, сзади кто-то впритык едет. Он-то понял, что сейчас будет и попросил:»Только не сейчас, Господи!»

В это время направление ветра изменилось и огневую дорожку задуло, будто ее и не было.

Еле-еле он пришел в себя от этого кошмара, едет дальше. Тут из-за поворота какая-то иномарка выскочила, еле увернулся. Его всего затрясло и он поехал к ближайшей церкви свечки ставить....И чего это нам обоим такое как по заказу?

Варвара не любитель давить на психику, только сказала фразой Елены.

- Наверное, надо что-то пересмотреть....

С тех пор «любовь» у Риммы пошла на убыль, а потом и вообще все заглохло...

Произошло в 1996 г.

.....

После 96-ого много воды утекло. Эта история забылась, как и все забывается в каждодневной суете. Варвара с Риммой по-прежнему виделись иногда при случае и болтали о том о сем. Причем Римма все норовила свернуть на высокие материи, так просто, для своеобразного прикола. Разговор обычно бывал типичный, такой, если заспорят атеист с верующим. Откуда, мол, известно, что на том свете делается, когда оттуда никто не возвращался и к чему много религий люди навывдумывали, а несправедливости от того меньше не становится и прочее прочее. Варвара, как могла держала оборону, с красноречием у нее большая напряженка, потому и закругляла эти споры обещанием:

- Лучшие я тебе книжки принесу. Сама разбирайся.

Любительница поспорить поглощала духовное чтиво с определенным сарказмом с единственной целью, чтоб почерпнуть оттуда новые каверзные вопросы.

Длилось такое теософское общение довольно долго. До одного печального дня, пока сын Риммы не погиб в аварии. Римма как-то мгновенно оказалась в церкви. Стала заказывать понихиды, сорокоусты и делать все остальное, что незримо поддерживает связь между двумя мирами. Вопрос, есть ли жизнь после смерти для нее отпал сам собой.

Сегодня, хотите верить хотите нет, Римма знает многие постулаты лучше и ходит в церковь чаще, чем Варвара. Только книжек у нее пока нет в таком количестве, как у ее любопытной подруги. Но, думается, со временем и это приложится.

А Варваре только и остается, как наблюдать эту метаморфозу и думать: «Это про Римму что ли сказано «И будут первые последними, а последние первыми»?».

27.11.2013

Примечания

1. Свидетель(ница) на венчании (гр.)

Благоразумный разбойник

Однажды у Елены на даче появился новый человек — Гоча. И была с ним такая история.

У Гочи было уже две дочери-школьницы, когда Мерико снова забеременела. На эхоскопии узнали, что будет девочка. «Зачем нам третья дочь, вот если бы сын, тогда другое дело», — решил Гоча, давая «добро» на аборт. И вдруг кто-то сказал Мерико, что у неё родится богоизбранный ребёнок, и нельзя его убивать. Так это было или иначе, но родилась у Мерико и Гочи удивительная дочь.

— Кого ты больше любишь, маму или папу? — приставали к ней взрослые.

— Бога, — отвечала двухлетняя кроха, выросшая в неверующей семье.

Это сейчас, когда Гоча уверовал в Бога, он уже не удивляется, что его младшенькая любит молиться и бегом в церковь бежит. А тогда ему было странно — почему эта кроха к иконам тянется и откуда ей ведом Бог?

— А Гоча-то сам чем дышит? — приставала к Елене с вопросами любопытная Варвара, как всегда жадная до всего нового.

— Гоча раньше был бандитом, долго сидел, — неохотно отвечала Елена, избегая осуждения ближнего. — Было у него всякое.

— Ну и?.. — давила на неё прилипала-Варвара.

— Потом Господь ему послал отца Лаврентия, и человек начал новую жизнь.

— Вот бы расспросить его подробно! — загорелась Варвара новой идеей.

— Не вздумай приставать к человеку, — встрепенулась Елена, зная, чем обычно кончается такой азарт. — Неисповедимы пути Господни. А любопытство — грех. Всё никак твой зуд журналистский не выветрится! Ты молилась бы лучше, а?

Прошло какое-то время, и на горе начался сенокос. Явился и Гоча — высокий черноволосый мужчина лет пятидесяти — запастись сено для своей коровы. Варвара, улучив подходящий момент, поспешила к Гоче утолить своё любопытство:

— Как вы, батона Гоча, к Богу пришли?

— А так и пришёл, — не удивляясь беспардонному вопросу, с ходу ответил Гоча. — Мне Бог до сорока пяти лет всю земную мерзость показал. Когда я этим во так объелся, — полоснул он рукой по горлу, — тошно стало. Захотелось другого.

— А какие конкретно мерзости вы наблюдали?

— Вот сидел я как-то в Минске за грабёж, — начал, было, Гоча, опёршись на косу.

Варвара уже приготовилась услышать нечто супердетективное, но тут подоспела Елена в сбившейся косынке, с тяжелой охапкой сена на спине и бросилась извиняться за сестру во Христе.

— Прости ты её, Гоча, и не обращай внимания. Она ко всем вот так, со своими вопросами... Никак не отучится.

Гоча только засмеялся и рукой Варваре махнул:

— Потом как-нибудь расскажу. Меня хлебом не корми — дай потрепаться. Я же лентяй неисправимый, не люблю работать! — и пошёл косить.

Не вышло, в общем, в этот день интервью с покаявшимся разбойником.

В осаде

Осень сменила лето и принесла новые проблемы. На соседней горе появились экологические беженцы — хевсуры — с огромной отарой овец, которую пригнали сюда со своих снежных вершин на зимовку. Овцы, как саранча, сжирали остатки жухлой травы, не оставляя ничего для Елениных коз. Но это было ещё полбеды. Вокруг овец носились огромные кавказские овчарки. Приходить к Елене стало невозможно. Медведеподобные монстры кидались на каждого прохожего, норовя порвать на куски. Все просьбы привязывать их хотя бы ненадолго в течение дня оставались без отклика.

Елена с огромным трудом и, призывая на помощь всех святых, теперь редко спускалась в город, чтобы причаститься и закупить продукты. Все, кто был в курсе этой истории, смотрели на её измученное лицо, жалостливо охали и качали головами:

— Ну, как вы там? Вот искушение-то!

— Помоги тебе Господи!

— Может, в полицию заявить?

Елена терпеливо выслушивала бесполезные советы и только смиренно отвечала:

— Господь выше сил креста не даёт. Иду с молитвой «Да воскреснет Бог» и двумя палками от собак отбиваюсь. Кое-как прохожу.

Поохав и поругав хозяев овчарок, прихожане мирно расходились, дескать, «что тут поделаешь, каждому своё». А те, кто не уходил, предлагали разное. Элисо, как и подобало верующей со стажем, говорила:

— Надо усилить молитву. Давайте Псалтирь читать все вместе.

Семен, и в хорошее время немногословный, теперь просто убито молчал. Тамара, как человек здравомыслящий, робко заикнулась:

— А может, коз продать и в город спуститься? Хевсуры там надолго.

Но Елена грустно вздыхала:

— На что мы жить будем? У меня на это нет благословения.

— Нет, потому что не умеете настоять на своём, — влезла бесцеремонно Варвара. — Надо Гочу к этой разборке привлечь! Куда он, кстати, делся?

— Гоча очень серьёзно постится. На хлебе и воде сидит. — Елена осенила себя крестом. — Грехи замаливает. Его беспокоить сейчас никак нельзя. Первый пост в его жизни. Он очень ослаб и дома лежит.

— Нашёл время лоб расшибать?! — разозлилась Варвара. — Лучше бы вам помог на гору хлеб таскать и хевсуров на место поставил. Фанатизм какой-то!

Тут ещё Лика — одного ума с Варварой — свой вариант вывалила:

— Давайте, Елена Николаевна, я своих ребят-гвардейцев приведу. Они им живо рога обломают! А чё? Чем плохо?

Елена замахала на них руками:

— Да что с вами, девочки? В Рождественский пост и столько грехов набирать? Я уж как-нибудь сама, с Божьей помощью.

А тут ещё Элисо подлила невзначай масла в огонь, шепнув кому-то: «У Гочи от старой жизни где-то пистолет припрятан». Варвара неумная это запеленговала и давай вперёд с новой идеей:

— Вот и шикарно! Пусть меня стрелять научат. Я всех собак перебью, раз хозяева без понятия. А Гоча, нехай себе, пусть дальше постится.

Елена чуть не заплакала с досады:

— Да что ты несёшь сегодня? При чём здесь бедные животные? Всё! Кончено! Пусть всё будет, как было. От своего креста не побегу, — взвалила она на спину набитый хлебом рюкзак, перекрестилась на алтарь и пошла к выходу.

Состав болельщиков долго, так и сяк рядил, пока не пришёл к консенсусу: ждать Рождества, когда Гоча окрепнет. А потом собраться кучей, закупить продуктов, сколько можно на себе унести, вооружиться палками и идти на прорыв через собак.

Так всё и вышло.

После Рождества пошли сначала в полном боевом порядке к Гоче на его гору. Варвара, мало надеясь на свои кособокие молитвы, прихватила кухонный нож подлиннее. Элисо и Нино запаслись дубинками. Только Лика была без оружия, но угрожающе-нервно сжимала кулаки.

Для Элисо, которая панически боялась тараканов, петухов, а уж собак тем более, такая экспедиция была верхом героизма. Вот уж, воистину, любовь сильнее страха. А для Нино, привыкшей в своей деревне с собаками воевать, наоборот, плёвое дело.

Гоча, как увидел их у ворот своей фазенды, расцвёл майской розой:

— Ва-а! Мои сестрички пришли! Давайте заходите.

Зашли. Небольшая комната, железная печка в углу, дощатые крашенные полы, у окна грубо сколоченный стол и вокруг него табуретки. Мериго-молчунья быстро выставила на стол самодельный сыр, только **что испеченное мчади**(кукурузные лепешки), домашнее вино и зелень.

И пошло-поехало. Гоча дорвался до тостов:

— За Рождество!

— За Грузию — удел Божьей Матери!

— За всех хороших людей, где бы они ни были!

Чем дальше, тем цветистее:

— Хочу этим маленьким стаканом выпить за то, чтобы Господь дал нам такую большую веру, как у Марка Афонского. Помните, как он объяснял одному монаху силу молитв: «Если скажу горе: «Двинься к морю». Тут оба видят — гора стала двигаться. — «Э-э, остановись, — говорит святой Марк, — я не с тобой, а с братом разговариваю». И гора послушно застыла.

Для Варвары это было последней. (Грузинское застолье — это вам не русское, на скорую руку «Будем здоровы», хлобыстнул и пошёл. Люди тут часами сидят. За каждый тост надо в отдельности выпить да ещё что-то своё красивое сказать). А торопливой Варваре уже было невтерпёж. Вот и ляпнула она, прервав Гочу:

— Пока мы здесь время теряем, лучше бы у Елены лишнее бревно распилили.

Тут уже взвились Нино с Элисо:

— Тамаду перебивать — последнее дело! Совсем в тебе веры нет. Конечно, где твоим армянским мозгам оценить наши грузинские обычаи и вино, которое человек от души выставил. Постыдилась бы!

Варвара на это окрысилась:

— Предпочитаю еврейскую деловитость с немецкой пунктуальностью! — и **Лике-немке по-свойски подмигнула.**

Сёстры во Христе недобрым словом помянули хриstopродавцев и масонов. Чуть было склока не началась, да хорошо, Гоча со смехом разнял:

— Я сам наполовину армянин. Вы меня, **сёстры, тормозите**, если начну много болтать. Никак не могу своё многословие преодолеть. От многого Господь меня избавил, а от сигарет и «ля-ля-фа» — пока нет.

В общем, с канителью, но всё же вышли из дома, и через час, миновав собачий кордон, были у Елены. У отшельницы при виде каравана с «большой земли» радостно засияли голубые глаза. Толстушка Элисо — бессменный казначей — с порога стала рапортовать о закупках и тратах. Елена отмахивалась от дотошной Элисо: «Потом, потом» — и жадно выспрашивала:

— Что нового в храме? Как наши батюшки? — и, поворачиваясь к Гоче, — Как отец Лаврентий в Сиони?

Ей отвечали вразнобой. Много чего при «встрече на Эльбе» было рассказано, обсуждено и осуждено в горячем, до хрипоты споре. Причём Лика с Варварой за свой экстремизм неизменно оказывались в греховном меньшинстве...

Позже было ещё несколько таких экспедиций во всеоружии. **Словом, общими усилиями дождались весны, а там — самоликвидации пришельцев** с овчарками, ушли они восвояси.

Неверующий верующий.

"Если не обратитесь и не будете как дети,

не войдете в

Царство Небесное.

Мат. гл 18,

Если Варвару можно смело назвать верующей неверующей, то Бичико тем же выражением только наоборот.

Бичико – это пожилой сосед Елены по даче и по корпусу. Участок у него совсем запущенный, во дворе трава по колено и шаткое сооружение типа голубятни - хозяину в тени посидеть. Среди высокой травы то тут, то там виднеются 10 ульев – главное состояние Бичико, оно же его головная боль по совместительству (цветы на горе быстро отцветают и приходится пчел пичкать сахаром. Накладно и клиенты неохотно мед берут). Еще для полноты картины стоит сказать, что у проволочной калитки стоит музейный запарожец с ржавыми боками.

Бичико при случае возил Елену с горы и назад, если наскребал на бензин. Он же привозил священника причащать парализованную т.Раю и категорически отказывался от денег, говоря.

- Раз вы верите, что это ей чем-то поможет, как я с вас что-то возьму? Нехорошо выйдет.

Елена при случае рассказывал ему интересные моменты из житий святых, современных чудес, но Бичико слушал это из вежливости, отвечал общими фразами:

- Все бывает.... Занимательно, конечно...

Само собой, ему не приходило в голову молиться за едой дома у Елены или каким-то образом проявлять свои религиозные чувства. Тем более, что всегда отказывался от каких-либо приглашений в гости. Обычно он подходил к воротам Елены, еле слышно стучал в железную калитку и предлагал:

- Я еду в город к 5 часам. Не нужно ли кого подвезти?

Как-то на этот пятичасовой рейс напросилась Варвара.

Ехать в драндулете Бичико был еще тот экстрим. На полном ходу сами собой открывались и закрывались двери то справа, то слева.

Несколько минут они ехали молча, то и дело подпрыгивая на валунах горной дороги. Потом Варвара попыталась разговорить молчаливого попутчика. На свои первые общие вопросы услышала неожиданное признание.

- Мне вообще трудно общаться с людьми.

- Почему?

- Я... я стесняюсь звуков собственного голоса...

«Во тип!» - поразила Варвара и тут же принялась его с жаром уверять, что голос у него «очень даже хороший, не тихий и не громкий, вполне то, что надо».

Постепенно Бичико разговорился. Тихо-тихо выяснилось следующее.

- ...Я из-за своих комплексов и друзей растерял... Точнее не только из-за этого... У них семьи, а я один... У меня всю жизнь болели родители. Как-то неудобно было к себе звать в гости, когда дома то одному плохо, то другому. И жениться я не смог. Кому нужны чужие больные старики. Так всю жизнь и возился со стиркой и готовкой один.

Недавно родители друг за другом скончались. Я почувствовал такую пустоту, будто на всей земле один остался. Особенно невыносимо было когда мама умерла. Началась у меня истерика. Плачу - остановиться не могу.

В этот момент меня моя курочка утешила. (Дома у меня жила и как собачонка за мной бегала. Необыкновенно умная курица была.) Взлетела она на диван и начала меня за ухо тащить. Сама попискивает и ухо мое тербит. Волей - неволей я успокоился. Такое утешение она мне дала - человек так не успокоит.

Варвара слушала это и поражалась: « Ну, откуда вы такие небожители один к одному подобрались? Елена с козами беседует, этот – с курочкой. Конец двадцатого века на дворе. А тут...».

Бичико тем временем продолжал свои мысли вслух.

Я с ней разговаривал, а она, вы не поверите, все понимала.... Умерла она недавно.

Вам, наверное, смешно? - Бичико искоса взглянул на Варвару впервые за всю дорогу и, убедившись, что подозрение напрасно, продолжал. - Что поделаешь? Мне с ней легче было общаться, чем с людьми...

За немытыми окнами скрипучего драндулета мелькали домики - развалюшки, которые местная публика еще не успела растаскать на дрова. Бичико продолжал крутить забинтованный изоляцией руль. Мысли вслух неторопливо текли дальше.

- ...Я уже постарел, а так и не научился разбираться в людях. Легко обманываюсь.

Вот, думал, решу свои проблемы - пушу квартирантов. Пустил. Вроде семья как семья. А выяснилось: он, съёмщик мой, - шулер. Когда выигрывает -еще ничего, а когда в проигрыше - семья голодает. Жена с ним ругается, ребенок плачет. Не могу я этого видеть - даю, что могу. А у меня и самого-то не густо. Целый месяц на одном рисе и меде сижу, что от продажи остается. Вот, все мне говорят:"Выгони их!". Да я не могу. Ребенок у них такой смешной мальчишка. - Бичико улыбается беззубым ртом своим мыслям. - В доме у меня детский смех, как колокольчик, звенит. Ну, как их выгнать? Опять, значит, с тоской в квартиру заходить и в тишине скрип полов слушать? Уж лучше я их всех потерплю. Мне так спокойнее. Ведь, вся наша жизнь - это постоянное терпение.

Тем временем подъехали к метро. Бичико вопросительно поглядел на Варвару с надеждой.

- Давайте, я вам мороженое куплю и мы просто так посидим в машине, если вы не торопитесь.

Тут же его голубые глаза блеснули от новой идеи.

- А может зайдете ко мне в гости? Мы бы в карты сыграли? - и тут же что-то вспомнив, сник и отвернулся. - Да-да, я знаю, верующие не играют в карты. К сожалению, мне больше нечем вас развлечь....

Варвара распрощалась и пошла себе дальше переваривать, как это человеку удалось дожить таким наивным до шестого десятка.

Прошло какое-то время и Варвара случайно наткнулась на Бичико на улице. Дело было как раз перед выборами 2003 года. Бичико шел весь в своих мыслях, глядя вперед невидящим взглядом.

- О чем думаете, Бичико? – Варвара тронула его за рукав.

Он, как от спячки проснулся.

- Ах, это вы! Вот иду и думаю о будущем Грузии. За кого проголосовать, чтоб не ошибиться. Это же так важно.

- Что важно? – хмыкнула Варвара самым невежливым образом, думая «С ума можно сойти от этих блаженных. Елена и та не в такой отключке по жизни». – За нас давно все решили. Ежу понятно, что будет Шеварднадзе. Чего еще таскаться голосовать – ноги сбивать.

- Вы так думаете? – Бичико несказано удивился такому прогнозу.

- Я не думаю, я знаю. – отпартовала Варвара и добавила. – Вот что мне непонятно. Как вы, инженер, так далеки от политики? Не знаете в какой стране живете?

- У меня телевизор давно не работает, а на газеты денег нет. – Просто объяснил Бичико и пошел дальше.

.....

Как-то Варвара столкнулась с ним в церкви. Бичико стал еще хуже, чем был и чуть согнулся. 7 лет никого не красят, а уж по нему, тем более, жизнь прошла катком. Появилась еще новая черта в его облике - на носу косо сидели черные женские очки.

- ...Как я рад вас видеть! - обрадовался мне Бичико.- Помните, как мы общались в машине? - и грустно прибавил. - У меня теперь ее нет - племянник добил. И на дачу уже не хожу. С глазами у меня плохо. Все раздваивается. Вот, в церковь пришел. Елена говорит "Надо молиться". Только я не умею. Вот, свечку поставил, -и кивнул на догорающий огарок.- Может быть...- Бичико запнулся и взглянул на Варвару, ища поддержки своим мыслям.

- Надо надеяться. - выдавила из себя Варвара. Надо же что-то сказать человеку, путающему свечку с волшебной палочкой.

Немного погодя выяснилась причина его катастрофы с глазами.

Одной лежачей больной понадобилась перга (1) и Бичико долгое время выковыривал ее из сот до 3-х ночи, надев чужие очки. Купить подходящий номер не было возможности. Свой ювелирный труд он делал совершенно бесплатно, жалея, брошенную дочкой, больную женщину.

Возился с кропотливой работой до тех пор, пока не стало больно глядеть на солнечный свет.

...Бичико, на что же вы живете? – спросила Варвара.

Он только махнул рукой и отвернулся, пробормотав.

- Перебиваюсь кое-как. Мечтаю дожить до пенсии. Целых 33 лара буду получать.

- Это, ведь, не деньги. Может, вы в бесплатную столовую пойдете? В Катарзис?

- Нет, нет, - Бичико испуганно замотал головой. - Н-не могу. Мне... стыдно. Я уж лучше так... Может, мне племянник как-нибудь поможет. Я ему квартиру оставляю.

- Ох, чувствую, обдурит он вас.

- Все равно. Это мой долг перед Богом. Да, он нехорошо себя ведет. Но я не могу иначе. Будь, что будет...

Переубедить его было невозможно...

Варвара смотрела на его сутулую спину, видя как он идет причащаться, и думала, что никогда ей ее прагматическими мозгами не осилить логику Бичико, отписавшему квартиру на проглота-племянника и в то же время осознавала, что было у Бичико что-то такое, что ей, суемудрой не дано.

Лучше, чем сказал о. А. Ельчанинов, не скажешь.

"Есть люди чудесного, райского типа, с душой до грехопадения, детски простые и непосредственные, чуждые всякой лжи и злобы. И это не как результат какой-нибудь борьбы с собой - такими они рождаются - людьми без греха. И странно, что постоянно эти люди стоят вне Церкви, даже иногда совсем обходятся без религии. Они слишком просты и цельны, чтобы богословствовать, и слишком стыдливы и целомудренны, чтобы выражать свои чувства какими-нибудь словами или знаками (обряд). В религии самое важное не вера, а любовь к Богу. Бога они любят, потому что любят Красоту, Добро, Истину - а это все стихии Божества. Сколько есть людей, утверждающих, что они верующие, и не имеющих этого чувства Красоты, Добра, со злобой и грехом в душе, с полным безразличием к Истине, так как ее вполне заменяют полторы дюжины маленьких истин, за которые они самолюбиво держаться. А те - простые и верные души, живущие и на земле в радости, - после смерти, я уверен, прямо идут в Царство Света и Радости, как "подобное всегда стремится к подобному," и в обществе святых - простых и блаженных душ - они чувствуют себя, как в своей родной стихии. Мы, так называемые "верующие", говорим: "пойду", а не идем, а они ведь и не говорят "не пойду", а просто исполняют волю Отца."

Тут неслышно к ней подошла Елена, и указывая на Бичико, сказала.

- Помолись, родная, Бичико в крещении Владимир. Он сегодня первый раз причащается. Пусть это ему запомнится....

.....

Забегая вперед, стоит сказать, что Варвара как в воду глядела. В 2009 Бичико скончался от полного физического истощения, несмотря на то, что Елена пыталась подбрасывать ему крохи, которые давали ей то соседи, то в монастыре. У Бичико был на все эти приношения один ответ: «Вам самой тяжело. Не могу у вас ничего брать. Мне легче так, как я есть.»

....Бичико некому поминать. Хорошо, что в Грузии во время любого застолья тамада поднимет один обязательный тост:

- Давайте, выпьем за всех усопших, не имущих поминовения!

И Бичико там икнется.

13.09.06.

Примечание. (1) Перга -вещество, добываемое из сот, которое обладает лекарственными свойствами.

Безгрешных на свете нет.

Вышло так, что Варвара стихийно стала крестной троих детей: Гурандухт, Текле и Вахтанга.

Сама не набивалась, ее попросили. Отказываться, как известно, не принято.

Елена по этому поводу битый час втолковывала Варваре какая на ней теперь лежит страшная ответственность с обязанностями в комплексе. По сему надлежит ей, Варваре, теперь за крестников молиться каждый день, водить их к Причастию и всячески являть собой образец веры и благочестия

(подразумевалось, что крестная приложит максимальные усилия и наконец-то избавится от вьевшегося жаргона).

Варвара с первыми двумя пунктами согласилась, а на счет третьего рассудила по своему. Ну, какой из нее может быть «образец веры»? Надо ж было Елене такое сморозить. Но с другой стороны без положительного примера детям никак нельзя.

Для начала Варвара сводила крестников к Причастию и прочитала за них благодарственные молитвы на церковно-славянском (дети стояли культурно рядом, ничего не понимая). Потом крестная приступила к наглядной агитации.

- Вот смотрите, ребята, - комментировала Варвара на грузинском тоне экскурсовода. – Видите вон там отец Филарет с крестом стоит. Он за веру в тюрьме 7 лет сидел при Сталине.

Крестники молча таращили глазенки на указанную фигуру. Причем самый младший Вахо сделал зрелый не по годам вывод.

- Ва-а! В тюрьме сидел, а все время улыбается.

Варвара без слов поняла недосказанное, что малой постеснялся сказать вслух. Дед Вахо тоже отсидел немало (не за религиозные убеждения), но кротостью нрава в быту не отличался. Поэтому, стараясь отвлечь юные умы от нежелательных параллелей и одновременно усилить впечатления, рассказала пару-тройку удивительных случаев про о. Филарета, чему сама была свидетельницей.

Первый успех воцерковления надо было закрепить и Варвара на следующее воскресенье, заручившись согласием кумовьев, пообещала новообращенным.

- Поход в православную семью. Там вы увидите как молятся за столом и все такое. Можно даже яйцо с прошлой Пасхи разрезать и оно будет, как будто вчера сваренное. Там несколько таких освященных яиц у икон лежит.

Что и говорить, последняя реклама вызвала особый ажиотаж и шквал вопросов.

По плану предприимчивой крестной Елена, дядя Коля и вышеуказанные крашенные яички должны были играть роль дидактического пособия. Предусматривалось так же, что в свободное от восприятия нового мировоззрения время дети побегают на свежем воздухе и пообщаются с окружающей флорой и фауной. По любому такое времяпровождение лучше, чем давиться семерым

в одной комнате в коммуналке. Словом, воображение уверено рисовало шикарный уикенд с духовным уклоном.

Почему-то все блестящие идеи Варвары заканчивались слегка чадящим пшиком, но эта комбинация удалась на славу.

Елена расцеловала ребят, подарила каждому по иконочке и по быстрому сварила манную кашу. За столом все вместе читали «Отче наш» на двух языках и «Богородицу». Хозяйка даже спела «Мравалжамиер», да так проникновенно, что у Варвары мороз по коже пошел. За обедом Елена очень к месту рассказала житие святого того дня. Дети слушали, затаив дыхание.

Потом дядя Коля повел всю компанию смотреть курочек, кроликов и коз, как и предусматривалось программой. Затем было еще внеплановое знакомство с Умкой и лазанье к ней в будку под абрикосовым деревом.

Естественно, дети были в восторге и строили планы похода на следующее воскресенье всю дорогу домой.

Через 2 дня Варвара с хлебным рюкзаком поднялась на гору, лаская в душе приятные впечатления от православного уикенда.

Встретила ее Елена с печально-строгим, официальным лицом и, перекрестившись, огласила выношенное решение.

- Я вынуждена тебя попросить больше этих детей сюда не приводить.

Чувствовалось, что ей нелегко это говорить.

Варвара так и села на кучу дров у порога. Только и выдохнула.

- Почему? - Я очень люблю детей, - Елена явно хотела сгладить щекотливую ситуацию. – Но тут есть одно

обстоятельство.

- ?

- За ними идет какой-то греховный шлейф. Видно мать их несколько абортот сделала. После вашего ухода у меня несколько цыплят подошло. Нет ничего случайного. Это знак.

Варвара напрягла свои извилины.

- Какой шлейф? Какой знак? Мало ли что бывает. Всех троих о. Филарет неделю назад крестил.

При крещении все грехи прощаются.

- Знаю, знаю, - закивала защитница невинных цыплячьих жизней. — дети хорошие, воспитанные, но на этом ставим точку. Так мне на молитве было открыто.

Варвара погрузилась в напряженные теологические выкладки. Кума ее и не скрывала про аборты. Тоже недавно впервые исповедывалась, плакала сильно. Вроде ей епитимью какую-то дали как раз по этому вопросу. А все от нищеты проклятой. Ну, не может ее муж Бидзина прокормить эту ораву, а ее саму на работу не пускает. «Люди скажут, что я не мужчина, раз жена будет целый день где-то пропадать». Тоже мировоззрение у человека, которое не нуждается в комментариях. У всех свои тараканы в голове. Эти-то трое случайно родились, т.к в свое время денег на аборты не наскребли. В итоге в семье аховая ситуация. Иногда, чтобы хлеб купить, Вахо бутылки по подъездам собирает. Девчонок по такому делу не пошлешь, опять по той же логике «что соседи скажут»...

Варвара попыталась все это культурно разъяснить своей духовной матери, но Елена стояла на своем «Нет воли Божьей!». Пришлось крестной- новатору свернуть дискуссию и вариться в червивой каше сомнений.

А сомнений накопилось, хоть отбавляй. Елена, бесспорно, «образец веры и благочестия». С разбойниками вела себя геройски, черного дога, который на Варвару несся, крестным знаменем остановила и на молитве ей прошлое и будущее открывается (конкретные случаи вспоминать пальцев не хватит). Про красноречие и эрудированность церковную и говорить излишне. Сколько тропарей наизусть знает. Память какая-то лошадиная.

Но иногда и странности бывают. Вот как с цыплятами этими. Еще считает, что никто не должен семью завалить. Времена, мол, последние. Не до того.

Год назад присватался к Элисо один человек, ее сосед. Прямо проходу не давал: «Выходи за меня замуж. Давно за тобой наблюдаю». Пришла Элисо к Елене посоветоваться, чтоб священников попусту не беспокоить. Самой-то, видимо, тоже замуж хотелось. Ну и что, что возраст не юный.

Елена прямо успокоиться не могла, пока напроць не отговорила.

- Гони, говорит, этого смутителя в шею. Это тебя темные силы искушают. Сохрани свое девство до конца. Нету воли Божьей тебе брачный венец принять.

Элисо, смиренница, на Елену всегда, как солдат на генерала смотрела. Послушно дала единственному претенденту отворот поворот.

Аналогично с Семеном - трудоголиком вышло. И ему отсоветовала Елена, хотя а-ля невеста уже на его территории находилась.

Решила Варвара с Элисо поговорить на счет этих завихов. Но только на выговор напоролась.

- Ты в ком сомневаешься?! В Елене? Забыла, что она нас обоих к Богу привела и все, что мы знаем - это ее заслуга.... Ты грессишь на каждом шагу, раз в год причащаешься, а она святой жизнью живет, каждое воскресение со списком исповедуется. Раз говорит «На молитве открыто». Значит, так и есть. У нее прямой контакт с Богом, а у тебя что?...

Крыть было нечем. Как ни крути, Элисо кругом права и про грехи и про «контакт».

Забегая вперед стоит сказать, что дальнейшие события покажут сестрам во Христе простую истину : безгрешных на свете нет, а сомнения иногда не такая плохая штука.

Но до этого еще надо было дожить.

22.12. 2013

Вверх по лестнице, ведущей вниз

«Искание с ожиданием высоких Божиих даров
отвергнуто Церковью Божиею. Это — не признак
любви к Богу, это — недуг души»

(Преп. Исаак Сирин).

— Смотри, умом не рехнись, как эти, в церкви, — переживает за Варвару ее одноклассница. —

Раз в год захожу свечку поставить, и то слов нет. Ну, и состав там у вас!..

Нецерковные люди как-то сразу делят всех прихожан на три группы: воистину верующие, модники и фанатики с приветом.

Для Варвары это тоже вопрос вопросов, почему же так получается, что иногда люди, всей душой стремящиеся к высокой духовной

жизни, в конечном итоге оказываются, мягко говоря, ещё в худшем положении, чем они были до начала духовных поисков?

История первая. Дмитрий

В 1999 году, как всегда, собрались у Елены на даче отметить Пасху. Позже всех, когда Елена уже делила на всех освящённое ещё в прошлую Пасху и будто вчера сваренное яйцо, пришёл Семен в поломанных очках. Посыпались вопросы.

— Почему так поздно?

— Что случилось?

— Я только что из полиции, — начал объяснять Сема. — Это там мне очки поломали. После службы мы, человек двенадцать мужчин, пошли разговеться на колокольню, где Дмитрий живёт. Говорит, что он обитает там по благословению Патриарха, потому что так легче спастись. Ему лет тридцать. До этого он был послушником в монастыре во Мцхета, но вскоре ушёл оттуда, что-то его там не устраивало. Теперь он у нас после служб ремонтирует храм своими силами. — На что он живёт? — спрашиваю.

— Не знаю. Он нигде не работает. Мама ему носит обеды из дома в кастрюльках.

— В его возрасте надо самому маму обедами кормить, — встревает Варвара.

— Вечно ты со своим осуждением! — зашикали все на Варвару. — Семен, а дальше что было?

— Сели мы за стол, разговляемся, — продолжал обладатель побитых очков. — А Дмитрий вскоре стал нас

обличать: «Как вы можете терпеть рекламу проституции в городе?! Везде отвратительные эротические плакаты! Вы просто не мужчины после этого!» И предложил всем, кто не боится, идти закрашивать обнажённых девиц на рекламах в метро. Люди постарше его и слушать не стали.

Глупости, мол, всё. А я пошёл, чтоб доказать, что не боюсь. В общем, купили мы краску, спустились в метро и приступили к работе. В третьем вагоне нас с красками поймали полицейские и потащили в отделение. Дмитрий с ними ругался, кричал, что они не мужчины, раз спокойно смотрят на развратную рекламу. Одним словом, ему больше попало, а мне сгоряча только очки поломали, — смущённо закончил горе-красильщик.

Слушатели невольно засмеялись.

— Неужели вы, взрослые люди, не могли ему объяснить, что он заблуждается, — не

унималась Варвара, стараясь держаться в рамках. — Чтобы спастись, не обязательно жить на колокольне и закрашивать рекламу.

— Его сам Патриарх благословил! — сказала Елена, правда, с долей сомнения. — Наверное, в этом есть какой-то свой глубинный смысл.

«Глубинный смысл» этой истории открылся через полгода, когда от замыкания электроплитки Дмитрия сгорел купол колокольни. Когда колокольню отстроили заново, настоятель его больше туда не пустил. Сам небожитель куда-то исчез. А обрёл ли он другую колокольню — осталось неизвестным.

Что же касается благословения Патриарха или иного духовного лица, то опытным священникам хорошо известен такой казус — бывает, что, благословляя народ в церкви, лицо высокого сана благословит на ходу кого-то и лично, отнюдь не имея при этом в виду житие на колокольне или беготню с ведром краски в метро. Разумному человеку это понятно. Но кто, бывает, начинается превозноситься: «Да у меня личное благословение Патриарха!»

Впрочем, превозношение — это отнюдь не привилегия церковных людей, и ещё гоголевский Хлестаков утверждал, что губернатор ему присылает самолично сорок тысяч курьеров в день.

История вторая. Лариса

Достаточно взглянуть в её голубые глаза, чтобы понять: Лариса бесхитростный, глубоко верующий человек.

Варвара иногда виделась с ней по праздникам в церкви, и постепенно узнавалось: Лариса преподаватель французского языка, перебивается частными уроками, не замужем, живёт в семье сестры.

Встречает ее Варвара как-то и спрашивает о новостях:

— Я теперь работаю в Патриархии,— отвечает она, — учеников бросила. Суета одна, отвлекает от духовной жизни.

— А зарплата какая? — Деньги для меня не важны.

Через некоторое время Варвара увидела её на бесплатном обеде среди бомжей в Александро-Невской церкви.

— Меня мой духовник благословил здесь кушать, — пояснила она. — Я безработная.

— А Патриархия?

— Ушла я оттуда. Там своя суета, отвлекает от главного.

— Может, учеников возьмёшь?

— Мне сейчас не до них.

Через встретились они у Елены на даче. Лариса за это время стала ещё более отстранённой от жизни. Идёт по дороге и всем встречным с блаженной улыбкой кланяется:

— Спаси вас, Господи!

Прохожие провожали её удивлёнными взглядами.

В ответ на вопросы, как она жила это время, Лариса рассказала:

— Мой духовник переехал в Москву, а я попыталась стать послушницей. Поехала в одну греческую деревню, где живёт монах отец Мефодий. Он восстанавливает церковь, и сам в ней служит. Я предложила ему свою помощь. Он сначала согласился. Тогда я собрала жителей и сказала, что буду помогать при церкви, читать молитвы, а они пусть мне в месяц платят 70 лари, чтоб мне было на что жить. Я так удивилась, когда они отказались мне платить.

— Чего удивляться? — хмыкнула Варвара. — Деревня не город. У них денег вообще не бывает.

— Потом меня приютила одна деревенская женщина. Но ненадолго.

— Ты ей хоть как-нибудь помогала?

— Да, я пол подметала.

— И всё? А коров доить или дрова пилить?

— Во-первых, я не умею. А во-вторых, для монаха главное — молитва. Я целый день читала акафисты, потом мы вместе кушали. Затем я этой рабе Божьей объясняла Евангелие. Но она почему-то сказала: «Уезжай в Тбилиси». Видно, восстали против меня тёмные силы, и мне пришлось вернуться. Сейчас я снова живу у сестры. Но мне с ней трудно. Она всё о деньгах думает, абсолютно мирской человек, меня не понимает. Вот недавно мне сумку купила, и деньги на дорогу дала. Никак не могу её в церковь повести.

У Елены Лариса продержалась дня два. В деревне работы — не продохнуть, а тут ещё Ларису

надо обслуживать. Неприспособленность этой сорокалетней женщины была парадоксальной: она не умела даже газовую плитку разжечь. Что уж говорить об уходе за козами или готовке еды.

Через пять лет я встретила её на улице. Тридцатиградусная жара, Лариса идёт по улице в шерстяном толстом пиджаке, наглухо застёгнутой рубашке, на шее сумочка-кармашек, из которой торчат молитвослов и Евангелие. Взгляд невидящий, направленный внутрь себя. Узнав меня, она заговорила скороговоркой: — Как спасаешься милостью Божьей Господа нашего Иисуса Христа? — Потихоньку, а ты как?

— Я в гонениях и скорбях пребываю во все дни жития моего, — зачастила она заученно. — Патриарх за мной наёмных убийц посылает, и поэтому я дома не ночую, всё в странствиях пребываю, но за все благодарю Господа нашего Иисуса Христа.

Попыталась Варвара ей втолковать, что у Патриарха есть дела поважнее, чем наёмных убийц нанимать. Но до Ларисы уже было не достучаться.

История третья. Дато

Приход в Богословской церкви обновляется быстро. Сейчас уже мало кто помнит, что ещё десять лет назад Дато был цветущим, видным высоким мужчиной. Он тогда работал на телевидении и часто ходил на службы. Метаморфоза в Дато сегодняшнего — беззубого, опустившегося, плохо осознающего, где он и что творится вокруг, — происходила по этапам.

Сначала уволился с телевидения. Причина: «Много искушений. Всё сатанинское вокруг».

У него был хороший голос. И он стал петь в церковном хоре. Но вскоре ушёл и оттуда. Якобы «те, кто рядом со мной, не с той душой поют, в перерывах свои дела обсуждают».

Какое-то время продавал свечки в одной из церквей. Немного погодя бросил и это: «Деньги считать — это отвратительно».

Круг замкнулся. Дато всё глубже и глубже уходил в себя. Когда его пытались переубедить, отвечал:

— Ничего, меня Господь и одной просфоркой пропитает.

Увы, одной просфорки ему, двухметровому мужику, явно не хватало.

Прихожане, кто как мог, пытались помочь. Кто-то приносил ему в банках еду, кто-то совал ему

деньги в карман. Но постоянный голод делал своё дело. Часто Дато, находясь в полной отключке, оставлял тут же, в притворе, принесённые ему банки и деньги, и уходил, куда глаза глядят.

Теперь он появляется в церкви всё реже и реже. Постоит, уставившись в пол, потом уходит.

Большинство прихожан уже не обращает на него внимания (кто занят своими детьми, другие стоят, уткнувшись в молитвословы, — у всех свои дела) — мало ли бомжей вокруг.

Мы все больны.

А вступившим в брак на я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, -если же разведется, то должна остаться безбрачною или примирится с мужем своим, -и мужу не оставлять жены своей.

1 Кор. гл7;10,11

- Каждый человек, сотворённый Богом, является решением чьей-то проблемы, — сказала как-то моя мудрая бабушка.

Я очень удивилась ее словам.

- Ты – решение чьей-то проблемы, — повторила она.

И пояснила:

- Дар, который дал тебе Бог, может быть не нужен всем, но он, безусловно, необходим кому-то – твоя улыбка, твоя любовь, твоя сила.

«Слова жизни». Фейсбук.

-...Ты можешь встретить разных людей в церкви. Не смущайся и не осуждай никого, - объясняла Елена Варваре на заре их знакомства. – Запомни хорошенько, мы все больны разными страстями. Только хорошо это осознав, можно общаться с теми, кто тебя окружает.

И зачитала ей вслух следующее:

Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все мы – в прелести ⁽¹⁾. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть – признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиною. Истина есть Господь наш Иисус Христос.

И так дальше из св. Игнатия Кавказского.

Варвара слушала это по своему обыкновению в пол уха. Перспектива осознать себя болящей ей положительно никак не нравилась.

- И что прям, все подряд болящие? – переспросила она презрительно недоверчивым тоном.

Елена аккуратно сложила книжку и подытожила назидание.

- Мое дело предупредить. А дальше сама смотри. Потом не жалуйся.

Вокруг- то было столько интересного и нового, просто дух захватывало. А тут такая кислятина от Елены «болящие, прелесть, осторожность».И еще, как венец всему, «трезвенность». Скуотища.

Вот хоть эту парочку божьих одуванчиков взять, с кем Елена на службах раскланивалась. Сто про, тут какая-то романтическая история зарыта.

Варвара не одна глазела на странную пару. Время от времени в церкви Иоанна Богослова можно было видеть пожилую женщину, которая с трудом передвигалась на 2 палках. Ее всегда сопровождал невысокий седой мужчина в очках. Он неизменно нес за ней складной стул и сопровождал ее к Причастию. Сразу было видно, что жена тут первая скрипка, а муж так, на подхвате. Маленький, щупленький, седой хохолок в такт шагам ветром колеблется. И еще момент, она говорливая, он, наоборот, молчун, говорит только по необходимости.

Варвара очень быстро познакомилась с Аллой Михайловной и Алексеем Карапетовичем. Елена к тому времени уже перебралась из города на дачу и Варвара взяла на себя роль связной – звонки, передачи просьб. Оказалась в ее родной стихии.

- Как вы познакомились с Еленой Николаевной? – любопытствовала Варвара в стиле заправского журналиста, почти сразу после представления «болящей Алле».

Та тут же разразилась феноменальной историей.

- ... Мне Господь двух дочерей даровал:одну кровную, другую духовную. И по возрасту они почти ровесницы, только вторая, Елена помладше. Так интересно получается, в житейских вопросах она моего совета спрашивает, а духовно я перед ней как малое дитя бываю, во всем ее наставлений слушаюсь. Встреча наша была удивительная и , конечно, по воле Божьей. Мы с супругом каждый свой отпуск ездили на богомолье по монастырям. Всю Россию объездили. Были и в Пюхтицком монастыре, жили там. Я как-то заметила, что многие читают, друг другу передавая, какую-то книжку. Оказалось летопись обители. Пришла я к матушке Клавдии попросить благословения ее почитать. А она как раз почту разбирала. И я совершенно случайно увидела среди писем открытку, подписанную именем"Елена". У меня что-то вспыхнуло в голове и я подумала:" Пройдет время и я с ней обязательно познакомлюсь и мы будем очень нужны друг другу.» Прошло два года. Нахожусь я дома. И вдруг почувствовала, что на почте для меня что-то есть. Говорю своему мужу:" Сходи, посмотри, для нас что-то есть". А он:" Нет там ничего, мы ведь все журналы уже получили." Потом все-таки сходил и принес открытку от Елены. Я тут же перезвонила и мы встретились. Оказалось, что мы и внешне похожи как сестры, только возраст сказывается. И я ей сразу сказала:" Мы будем дружить и будем очень нужны друг другу." Так и получилось. У меня в то время была глубокая депрессия. И Елена после первых дней знакомства стала всячески помогать мне выходить из этого состояния. Елена давала мне читать духовные книги и молитвы, именно те, которые соответствовали моему душевному настрою. Каждый день звонила мне, выслушивала и подбадривала и так тихо-тихо, шаг за шагом помогала мне бороться с унынием. Я же со своей стороны пыталась помочь ей тем, что было в моих силах, например, достать редкое лекарство и т. д. Сейчас мы настолько близки духовно, что чувствуем когда кому из нас плохо. Даже заболевания у нас одинаковые.

Как-то я лежала и не могла даже пошевелинуться и вдруг ощутила прилив энергии, встала, начала убирать, готовить. А потом выяснилось, что Елена в этот момент почувствовала мое состояние и помолилась в храме вместе с одной девочкой обо мне, грешной. Получилась молитва по соглашению, как обещал наш Спаситель:" Если двое на земле согласятся просить о всяком деле, дано будет Отцом Моим Небесным, ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них." Кому-то наше знакомство может показаться неправдоподобным. Но" невозможное человеку, возможно Богу".

Сразу видна была привычка к монологам.

Алла Михайловна могла часами говорить по телефону, что еще делать лежащей больной, а Варвара, когда частенько сидела без вызовов на уборки, с удовольствием развешивала уши. Выяснилась и история любви, которая благополучно закончилась христианским браком. Тем самым наглядным пособием, которой так редко встречается в жизни.

- Наш брак благословил Господь Бог.- рассказывала Алла Михайловна с большим воодушевлением, как будто участвовала в радио постановке. -Хоть мы с Алексеем очень разные и по воспитанию, и по увлечениям и по характеру, а мы друг без друга не можем.

Наша встреча была глубоко промыслительна... Когда мне было 11 лет, я встретила на улице женщину, внешне похожую на цыганку.

- Давай,- говорит,- я тебе погадаю.

А у меня с детства предубежденное отношение к таким вещам, и я от нее стала отходить.

А она продолжает: - Не бойся меня!Я не цыганка, я сербиянка.

Я побежала , а она кричит мне вдогонку:»Ты выйдешь замуж за Алексея и будешь очень счастлива.»

Когда мне было 16 лет, то за полгода до нашего знакомства я увидела во сне будущего мужа, его брата и свекровь. Причем его брат сказал мне, указывая на Алексея:»Это твоя судьба»

Мы познакомились на вступительных экзаменах в институт.(Специальность наша – инженеры-связисты).

Немного погодя Алексей познакомил меня со своей мамой и я сразу узнала ее, вспомнив свой сон.

Мы поженились через 4 года, в 49 году.

Перед свадьбой я его предупредила:»Я всю жизнь буду болеть, а с годами все тяжелее и тяжелее.»А он ответил:» Для меня это не имеет значения. Лишь бы быть с тобой рядом.»

Так и получилось.

Я на протяжении многих лет болела. Трудно сказать, чего у меня только не было.И все в тяжелых формах. У меня опухали колени и я не могла ходить. Из-за спаяк головного мозга и внутреннего давления не могла разговаривать.

Мой муж возил меня по лучшим врачам союзного масштаба. Но они мало чем смогли помочь. Только поставили диагноз:»полное физическое и нервное истощение.»

В 1950 году у нас родилась дочка. И хотя врачи запретили мне рожать, я пошла на это т.к. очень хотела обрадовать мужа.

В любой семье бывают сложности во взаимоотношениях с ближайшими родственниками. Так было и у меня со свекровью. Возможно, непонимание было от разности культур. Мой муж из патриархальной армянской семьи.

Временами мне было очень сложно. Дома, оставаясь одна, я часто плакала. Но внешне, когда мы шли к свекрови в гости, я всячески старалась быть вежливой, приветливой и многое не замечать. У меня по милости Божьей большое терпение. Много лет спустя мой муж сказал мне:»как я тебе благодарен. Что у тебя с моей мамой всегда были хорошие взаимоотношения.»

Я всегда молюсь за нее и часто вижу ее во сне. Она предупреждает меня о возможных неприятностях, которые можно избежать.

Жизнь шла своим чередом. Я продолжала болеть. Как-то один из врачей, к кому я обратилась за консультацией, спросил:»Как вы относитесь к своему положению, что вы постоянно болеете?»-«Так, обыкновенно, терплю,-ответила я ,- Значит, так Богу угодно.» Бог дает крест, дает и силы его нести. Он мне послал такого самоотверженного человека, как мой муж.

И хотя на нем огромная нагрузка (он всегда работал в нескольких местах одновременно),он всегда старается облегчить мое положение.

Я очень часто бываю совершенно беспомощна. Даже хлеб не могу себе нарезать-рука не держит нож. Все это делает мой муж. Алексей всегда ровный и ласковый. Я не помню его раздражительным. Просто иногда, когда у него какие-то проблемы на работе, в глазах появляется грусть.

Я чувствую его на расстоянии, чувствую, как он молится обо мне,если опаздывает и не может позвонить, чтобы успокоить меня. Вот недавно, на днях я кричу внучке:»Не занимай телефон, сейчас дедушка будет звонить.» И через 5 минут он действительно позвонил.

Таких случаев было очень много и мои домашние давно перестали удивляться.

Временами я могу предчувствовать будущее. Происходит это как-то само собой.

Однажды разговорила с соседкой на духовные темы. И вдруг я ей неожиданно для самой себя говорю: «Вы поедете в Иерусалим и привезете мне оттуда крестик.»

Она остолбенела, посмотрела на меня:- Да что вы! Мне денег на питание не хватает! О каком Иерусалиме речь!

- Вас пригласят, да еще и деньги заплатят.

- Этого не может быть, - уверенно заявляет она мне.

Я не стала с ней спорить.

Через год мою соседку совершенно неожиданно как специалиста по почвоведению пригласили в Иерусалим на конференцию и , естественно, оплатили дорогу и гостиницу. Она побывала у Гроба Господня и привезла мне оттуда крестик.

Подобных случаев было несколько. Это Дар Божий мне, грешной, но не знаю, за что. Отвечать на конкретные вопросы о будущем я не могу. По заказу не бывает.

Вернусь к нашему браку. Недавно мы отметили 55 лет нашей совместной жизни. Мы специально отслужили благодарственный молебен Господу Богу за ту хорошую жизнь, прожитую нами, за те чудеса, которым мы были свидетелями. Кстати, об этом я по благословению священника сейчас пишу книгу.

Лет 10-12 назад мы с мужем объездили много российских монастырей. Во время путешествий происходило много такого, о чем я хочу написать книгу. Вот, в настоящее время, печатаю из последних сил.

Что же касается секрета нашего брака, скажу только, что между нами всегда было полное доверие. Там, где настоящая любовь, для ревности нет места.

У Варвары аж ухо взмокло от такого монолога, но впечатления того стоили.

Примерно 2-3 месяца они общались в таком режиме. Потом обилие чудес и математических выкладок в стиле пифагорейцев («такого-то числа произошло вот это, а на другой год именно в это же число я увидела удивительный сон») стало казаться Варваре перевыполнением плана по мистике. Такого обилия сверхъестественного не было ни у кого из окружающих. Все было бы ничего, если бы не явные проколы со стороны духовно грамотной прихожанки – сиделицы.

Так каждое откровение сдабривалось заверением:

- Я никогда не лгу!

Варваре на ее скептический ум пришла неприличная параллель.

- Знаете, где-то читала, что Лев Толстой говорил, что самый правдивый человек врет, самое меньшее, вынужденно 10 раз в день.

«Зеркало русской революции» было подвергнуто резкой критике с указанием православных источников. Причем, вскоре сама жизнь показала правоту всемирного классика.

Попросила как-то болящая Алла принести Варвару аспирин со списком ЦУ, где, в какой именно аптеке, по минимальной цене, потому как вся надежда на доброго человека, (который по идее заработает тем самым Царство небесное), а то бедный Алексей «аки пчела» работает на двух работах, а попросить некого.

После такой прелюдии Варвара ровно через час на другом конце города торжественно вручала просимое страждущей душе и тут боковым зрением обнаружила 15 летнюю внучку хозяйки дома, глубокомысленно смотревшую телевизор.

- Почему вы внучку не попросили за лекарством сходить? – не утерпела самовывдвинутая посыльная.

- А ей некогда, она в школе учится. – был простой ответ, преисполненный невыразимым умилением. - Уроков много задают. Как бы я ее побеспокоила. Она ко мне ненадолго с пятого этажа спустилась. Видимся мы редко. – бляла любвеобильная бабушка.

Можете себе представить, какая у Варвары поднялась буря в голове. Не буря, а прям-таки торнадо.

- Это меня что тут за лоха держат? А! – ораторствовала она у Елены на другой день. - Я тут ей молоко ношу на другой конец города, а трое внуков под боком шибко занятые прохлаждаются. Побеспокоить их, видите ли, никак нельзя. А еще с понтом верующие!

Напрасно Елена пыталась потушить пожар осуждения, говоря, что «все делаем для Господа, а не для людей», Варвара упорствовала на своем.

По ходу дискуссии выяснились отягчающие подробности. Живут старички одни, в полной самоизоляции, максимально не желая беспокоить дочку с мужем и внуками, чтоб те «Не дай Бог не перетрудились». Да плюс ко всему т.к в Грузии с официальной работой плохо, маленький неказистый на вид дедушка ухитряется работать на трех работах благодаря старым связям и содержать всю ораву. Мало того, он еще смотрит за болящей женой, которая с трудом передвигается по квартире. Голубая мечта у раба Божьего Алексея хоть иногда поесть горячий суп.

- ...Поэтому не осуждай их. – Елена суммировала всю эту жуткую картину. – Да, Алла больной человек со своими внутренними проблемами. Но поставь себя на ее место. 50 лет болеть и не роптать, принимать все смиренно. Да, где-то человек не оказывается на должной высоте. Ничего страшного.

Варваре такое и представить было не по силам и она продолжила развивать свои кровожадные планы.

- Надо им найти кого-нибудь, чтоб посмотрели за ними по человечески. На квартиру дарственную написать. Я бы зараз им порядочного человека нашла бы! А дочке по голове бы сковородкой дала.

Елена только печально покачала головой.

- Они святые родители. Никогда на это не согласятся. Они как могут скрывают свое бедственное положение, не хотят, чтоб кто-то осуждал дочку и внуков. Им легче терпеть грязь, голод и тд. Раньше я, как могла, им помогала, обеды носила. Но теперь меня саму Господь здесь, на горе, запер. Только вот молоко через тебя посылала.

- Ну и очень глупо! Вы не солнце, чтоб всех согреть. Люди сами должны чесаться.

Одним словом, интерес к старикам у Варвары моментально улетучился.

Прошло несколько лет. Алла с Алексеем появлялись в церкви все реже и реже. Потом пошел слух. Алексея парализовало и дочка вынуждена иногда к ним заходить – приносить еду.

Елена направила Варвару выяснить подробности, напутствовав: «Имей совесть!», а потом обязала Семена – молчуна носить молоко .т.к. ему это было ближе всех по месту жительства.

Что там Варвара увидела - неделю под впечатлением ходила и молилась «Избавь меня, Господи, от такой старости!».

Специфический запах сразу ударил в нос, потом зрительная ассоциация «Дети подземелья» (из когда-то хорошо обставленной квартиры были вывезены все ценные вещи, которые еще можно было как-то продать), два старика, плохо отвечающих на вопросы и полное отсутствие постельного белья на кроватях. Дальше фантазируйте сами.

- И что надо делать в такой ситуации? – спросила Варвару у Елены после подробного доклада.

- Молиться, - назвала духовная руководительница свое безотказное средство.

Варвара только фыркнула, даже не стала тратить энергию на бессмысленный спор.

Тем не менее, вскоре геройский дедушка с парализованной рукой стал выходить из дома и с ходунками доползать до бесплатной столовой, которые по открывал Саакашвили в каждом районе, и приносить в бидончиках суп для себя и супруги.

Варвара как-то столкнулась с ним на улице. Видела, как раб Божий Алексей (хотя она против подобных формулировок, но к этому человеку это выражение было как нельзя более к месту) пытался взобраться с железными поручнями в автобус. Несколько мужиков подхватили его, не скрывая возмущения.

- Кто тебя такого из дома выпустил?!

Старик пропустил это мимо ушей, только благодарил.

-...Мы должны умереть в один день.... – вспомнилось Варваре тогда слова из «интервью» с болящей Аллы. – Друг без друга нам нельзя.....

Но жизнь распорядилась по своему. Сперва скончался верный Санчо Панса, а потом через несколько лет, его супруга Алла.

Для Варвары навсегда осталось загадкой, как же жили эти два человека без ропота, без скандалов, без малейшего желания навести справедливости на своем месте под солнцем. Вспоминает их Варвара иногда, от случая к случаю и вздыхает: «Царство небесное! Вы его заслужили.»..

19.02.2014

Примечания.

1. св. Игнатий Кавказский

Маляр Вова

После Пасхи Елена затеяла делать в своей хибарке ремонт, чтоб хоть как-то удалить кровь на стенках — недобрую память, оставшуюся от нападения грабителей в 1998 году, когда лишь чудом не убили всю их семью. Гоча привёл мастера — хронического безработного Вову, щуплого маляра тридцати лет. Варвара с Ликой поглядели на его неторопливые пируэты с кистями, вывели Елену во двор и загалдели в унисон:

— Гоча что, зря в тюрьме сидел? Не научился в людях разбираться? Для чего вам этот алкаш?

— Да он у вас деньги выманит, и всё — ку-ку, Джузеппе! — ярилась Лика. — Какой из него маляр? Как Айвазовский задумчиво краску кладёт!

— Девочки, перекреститесь, опять вы с осуждением! — возмутилась хозяйка. — Господь никого на мою гору просто так не приводит. Либо для моей духовной пользы, либо для пользы людей. А деньги не мои. Это Господь мне их на время даёт. И если Вове они нужнее, значит, так надо. Дело ведь не в ремонте. Вдруг гонения на православных будут? Время-то тревожное. Может, мы гонение будем здесь пережидать? Заберём сюда, на гору нашего дорогого батюшку, а священнику в келье чистота нужна. Здесь будет женская келья, там, подальше — мужская: для Семёна, Гочи, Вовы и ещё кого Бог пошлёт. Нет, какие же вы маловерные!

Время, непредвзятый судья, доказало относительную правоту обеих сторон. Ремонт одной комнаты затянулся на год и обошёлся хозяйке весьма кучеряво, а из-за «высокого качества», как утверждал Вова, не продержался и двух лет. Зато Вова за это время дошёл до церкви, с интересом прослушал службу, допытываясь у Елены:

— Это что там играет за воротами (в алтаре)? Магнитофон?

Елена пояснила, что это «живой эфир».

— Круто! — восхитился Вова.

На том его хождение в церковь и закончилось. Вскоре он благополучно запил и исчез с горы в неизвестном направлении. Елена продолжала упорно поминать его на утреннем правиле, поясняя скептикам:

— Авось одумается. У него душа добрая. Сына он мне чем-то напомнил.

Метод воздействия.

«Возмездие за прощение обид больше возмездия за всякую добродетель.»

Иеромонах Никон (Беляев)

-... Надо зайти к Марине Сергеевне! — объявила Елена по дороге, поправляя лямки тяжеленного рюкзака. — Оставим ей молоко и яйца.

- Это еще кто? — насторожилась Варвара, не одобрявшая лишнюю благотворительность. По ее мнению духовная мать часто раздавала с таким трудом добытое козье молоко «не тем» людям.

- Моя бывшая свекровь....

Нелогичное словосочетание заставило Варвару на какое-то время замолчать. Внутри нее уже закипала волна неприязни, а мозги искали достойного обоснования.

Вскоре обе путешественницы сидели на диване у вышеуказанной особы, отдыхая от маршброска с гор в город. Варваре она с порога резко не понравилась. Этакая говорливая громадина с необъемными телесами, глазки маленькие и далеко не пышущие человеколюбием. Продукты Елены взяла, как будто ей так и причиталось. Зато тут же стала читать нравоучения на темы давно минувших дней.

- ...Говорила я твоей матери: нечего лезть на эту гору и коз заводить. Вот Бог наказал и последний разум отнял. Хорошо теперь в параличе валяться, как ярмо у всех на шее. Вы же никого не слушаете, когда вам умные люди говорят.

- На все воля Божья, - слегка дрожащим голосом отвечала мученица дочка, перекрестившись. Ее лицо начинало краснеть — явный признак начинающихся головных болей. Но все же вежливо поддерживала «светскую беседу». Варвара сидела сбоку и стреляла глазами на участников поединка. «Умный человек» и не думал тормозить. Наоборот, в ход пошли пласты старых не востребованных советов и повышенный тон. Только трибуны не хватало.

Елена уже стала малинового цвета и сидела, бессильно прислонившись к спинке дивана.

Варвара ринулась спасать ситуацию. Она вскочила, подхватила свой мешок и бесцеремонно заявила.

- Я дико извиняюсь. У нас срочное дело. Время — деньги!

Елена, раскланиваясь и извиняясь, последовала за ней к дверям.

Вдогонку несло.

- ...Еще хамку какую-то с собой приперла!

- Спасибо тебе, Варюша! – благодарила Елена уже на улице, немного придя в себя. – От Марины Сергеевны всегда очень трудно уходить. Ей надо дать выговориться.

- Ага, за счет ваших нервов! – съехидничала спасительница. – Что, делать нечего, выслушивать всякий бред?! Это же энергетический вампир – сразу видно. Я про таких читала.

- Она мой благодетель!

- С какого боку?! – распалялась Варвара все больше и больше. Ежу понятно, что на такой почетный титул это скопище жировых отложений никак не тянет.

-...Когда на Страшном Суде меня спросят: «Благотворила ли ты ненавидящим тебя?», я отвечу: «Старалась, Господи!».

Само собой, Варвара тут же потребовала детальных разъяснений и вот что она услышала.

-... Марина Сергеевна очень хотела, чтобы я вышла за ее сына Виктора. Мои родители тоже были «за». Они и уговорили меня, о чем потом очень жалели. А я всегда была очень послушной дочерью...

Жили мы у свекрови, в этой однокомнатной, где мы только что с тобой были. Такое совместное существование было нелегким делом. Все, что я делала или готовила, подвергалось детальному разбору и постоянной критике. Свекровь с мужем абсолютно все решали за меня. Выходить ли мне куда-то, что одевать, с кем разговаривать по телефону, рожать ли второго ребенка и т.д.

Сперва я терпела. Потом попыталась протестовать против такого диктата, но вышло еще хуже.

- Надо было налупить этих обоих птеродактилей сковородкой и развестись, отыдлив площадь из принципа! - полезла Варвара со своим универсальным «ноу-хау».

- Я думала, раз мы венчались, надо терпеть до гробовой доски. Хотя от веры я тогда была еще далека.

- И где логика? Средневековье какое-то...

- Я не хотела ломать семью и все ждала, что может, что-нибудь изменится.

Потом мне Господь послал болезнь. Со мной в 30 лет случился инсульт. Мама буквально выплакала меня у Бога.

Потом, оклемавшись, я случайно обнаружила в своей подушке всякие гадости. Эта сделала моя свекровь, чтобы полностью парализовать мою волю...

- И после этого вы еще ей яйца таскаете?! – Варвара сжала кулаки. – Я бы на вашем месте...

И пошла перечислять египетские казни в пост-модернистском стиле.

Елена закрыла уши.

- Умоляю тебя, замолчи! Не осуждай Марину Сергеевну. Это духовный закон такой: «Кого в чем осудишь, именно в это потом впадешь!» . Я ведь потом благодаря ей к Богу пришла.

В наше время много людей в церковь приходят, испытав на себе действие темных сил. Это Господь за высокоумие нашим современникам попускает. Слава Богу за все! – она перекрестилась. – Зато потом передо мной вся красота Православия открылась. Новый смысл жизни! Во скольких монастырях России я побывала! Каких людей интересных встретила! Все мне Господь даровал.

Брак мой распался сам собой. Кому нужна insultница в 30 лет?

И тогда я Богу клятву дала, что буду принадлежать только Ему одному, а не какому-то конкретному мужчине, который будет решать посылать меня на аборт или нет...

Варвара слушала эти откровения с внутренним клокотанием, точь-в-точь как выкипающий чайник.

- Я бы на вашем месте...

- Ой, стоп, не надо, лучше оставайся на своем, - замахала на нее контуженная супружеским фронтом и продолжила прерванную тему. – Знала бы ты как на первых порах меня Господь смирял через моего мужа. Как он меня поносил и оскорблял. Гордыни много было, а как же иначе.

«Ты, мол, и сына в попы готовишь. Чего он у тебя с крестом ходит. Наверняка любовника в церкви найти хочешь». И прочие гадости... Я терпела, молчала, только молилась про себя.

Елена сделала паузу, а потом заговорила с новым воодушевлением. Потому, как все, что она рассказывала, должно было служить на духовную пользу бестолковой ученице.

- Запомни, родная, ни одно наше воздыхание не пропадает напрасно. Все господь слышит, просто не спешит исполнить, чтобы научить нас терпению.

Варвара только хмыкнула на это воззвание. По натуре нетерпеливой, ей и слушать-то это было в облом, а уж в жизнь претворять – тем более. Если не выходило по принципу «попросил – получил», тут же впадала в уныние.

Елена дальше вела свою печальную повесть хождения по мукам.

-...Враг ведь, он на самое больное давит, на детей. Вот и стали муж и свекровь моего сына против меня настраивать, наговаривать напраслину. Я старалась не реагировать. Читала где-то у святых отцов такую мысль, - она на минуточку задумалась, потом процитировала. – «Кто оправдывается и старается показать свою правоту (невиновность), тот, может быть и наведет справедливость, но этим разрушит план Божий об исцелении души».

Отравили они ему душу своими помоями. А у него как раз переходный возраст. Максимализм через край. И мой Володенька перестал меня слушаться, учебу забросил. В какую-то нехорошую компанию залез.

- Так надо было не молчать в тряпочку, - Варвару прямо затрясло от такого беспредела, - а пресечь ему все контакты с отцом. Я бы так и сделала.

- Как это «пресечь»? – возмутилась Елена. – Грех какой.

Варвара только глаза закатила к небу в стиле умирающего динозавра. «Ох, уж это бессмысленное смирение». Но все же потребовала продолжения.

- К чему вы в итоге клоните? Смысл этого средневекового терпения какой? Никак не въеду.

- Все эти годы я подавала на просфоры и мужа и свекровь. И они стали меняться. Марина Сергеевна, например, была ярая атеистка. А сейчас она к Богу пришла.

- Кто? Этот радиофицированный жиртрест?

- Представляешь, - у Елены вспыхнули глаза. – Она сейчас утреннее и вечернее правило читает. Иногда причащается. Богу ведь всех жалко. Он всем хочет спастись.

За разговорами они не заметили как поравнялись с какой-то женщиной.

- Мы от Марины Сергеевны идем, - пояснила ей Елена после обмена любезностями.

Соседка по корпусу вдруг как по заказу свернула на только что обсуждаемую тему.

- Помнишь, какая она была раньше? Никого за людей не считала. А сейчас хоть здороваться со всеми начала. Что ни говори, поумнела на старости лет.

- Вот, видишь, Варюша, мнение постороннего наблюдателя, - улыбнулась Елена. – Господь слышит нас. Вот что значит соборная молитва.

Соседка пошла своей дорогой, а Варвара полезла уточнять.

- В итоге сколько времени вы за них подавали?

- 20 лет. – Скромно потупилась Елена.

Варвару повергла в шок цифра и она побежала домой – осмысливать. Об изменениях все-таки ей было трудно судить, но 20 лет систематического воздействия – это, да, редкое постоянство. Мало кто такое потянет.

2.03.14

Про чудеса по заказу и временами верующую атеистку.

Перед Варварой с шумом распахнулась высоченная дверь, покрытая резьбой XIX века. И сразу с порога на нее обрушился водопад обличений.

- ... Заходи, заходи, аферистка! – Вера с раскрасневшимся лицом стояла у порога, уперев руки в бока. – С утра тебя жду, от злости лопаюсь.

Варвара, хоть и знала по опыту, что эта поза у потомственной подружки (еще бабушки их дружили) – признак наивысшей точки гнева, все-таки поинтересовалась.

- Да что такого страшного случилось?

- Кто наврал, что твоя соседка видела открытые небеса на Крещение?! А? – и на той же волне совсем прозаическое требование. – Чего встала в дверях? Зайди в дом.

- Она, правда, видела, -оправдывалась Варвара, идя длинным деревянным балконом. – Могу телефон дать.

- Не надо ляля! – грохотала Вера в спину гостье, топая следом по скрипучим неровным доскам. –

Вчера было как раз 19-ое. Я специально заранее огромный список желаний приготовила, чтоб ничего не упустить. Вот, посмотри, 20 пунктов! – и ткнула Варваре под нос лист, убористо исписанный каллиграфическим почерком золотой медалистки. – Внеплановую уборку в доме сделала, полдня театральный бинокль искала. Села вчера с 7 –ми утра на балконе лицом к Куре. И сижу, в бинокль

вцепившись, аж шея затекла до десяти то часов. Соседи еще лазют по балкону взад-вперед,

издеваются: « Что, генацвале, кого высматриваешь?». А оно не раскрылось!!! –Выкрикнула Вера со слезами свою главную обиду и боль. Потом, наскоро осушив руками непрошенную влагу, вернулась к Варвариной личности.

- А все ты, негодяйка, со своими сплетнями! Носишься в эту церковь, только балбесничаешь там, дезинформацию распространяешь!

Варвара пыталась было привести точные факты по этой теме, но разъяренная подружка ничего и слушать не хотела.

А зря. Судите сами. Многим людям Варвара в стиле беспроводного радио рассказывала про чудесное явление на Крещение. Кто верил на слово, кто скептически хмыкал. Но нашлись и невольные свидетели.

Пенсионерка, Маквала Гагнидзе 62 года:

- Я нисколько в этом не сомневаюсь. Мне моя мама рассказывала, что когда ей было 12 лет, она тоже увидела раскрытые небеса. Красота, говорит, была необыкновенная. Но все очень быстро кончилось. Когда она рассказала все это своей матери, моей бабушке, та спросила: «А ты загадала

что-нибудь?» Но моя мама даже не знала, что, глядя на эту красоту надо что-то загадывать...

15-летняя школьница Натия:

- Я про твой случай на Крещение однокласснице рассказывала. Она вспомнила, что ее дед в детстве тоже видел раскрытые небеса и загадал: «Чтобы мне в кругу друзей за столом умереть!»

- И что?

- И, правда, прожил долгую жизнь и во время застолья умер. Как раз все пели «Шен хар венахи». (1)

Светлана Шалвовна Сухиташвили, 65 лет:

- Я сама видела. Случайно на 19-ое посмотрела на небо и увидела эту красоту. Ничего не стала загадывать, только благодарила за все. Жалко, быстро все кончилось....

Но Вера на все эти перечисления только еще больше разозлилась и переключилась с удвоенной силой на выявление подлой сущности самозванной летописицы.

- Да ты на себя посмотри! Какая из тебя верующая?! Позорище!...

Варвара, вместо того, как подобало случаю, «пить поругание как воду жизни», в ответ съехидничала.

- Ты везде кричишь, что атеистка. А чего у тебя Казанская на серванте стоит? Где логика?

Вера сразу же сбавила обороты обличений.

- Не твоего ума дело! Эта Казанская меня бережет. Мне за нее Серго-антикварщик 1000 долларов предлагал, я не клюнула. Икона бабкина, венчальная. Она ее из Сибири в Грузию после революции привезла. Я этой иконе, может быть, каждый день свечки зажигаю! – выкрикнула Вера с

непонятым вызовом. Варварины уши только вращаться не стали от удивления. Ничего себе, какие тут поразительные факты выявляются. Казалось бы, знаешь человека с пеленок, даже дни рожденья в один день и на тебе.

Веру же потянуло на воспоминания.

- ...Я, когда рожать собиралась (меня тут все затерроризировали: «Поздние роды! Поздние роды! Кесарево надо!»), пошла в церковь Александра Невского к о. Вячеславу (2). Он меня благословил и, прикинь, точно такую же икону Божьей Матери, только маленькую, мне из алтаря вынес.

Пошла я в роддом, завели меня в приемную палату, смотрю, а там тоже Казанская на стене висит.

Ну, все, думаю, дело в шляпе. И через полчаса я дочку родила без всяких болей, как семечку

выплюнула. Так что это я тебе говорю, - Вера сделала тут особое ударение на значимости собственной персоны. – Эта Казанская моя покровительница.

Варвара слушала это и пыталась подобрать этой ситуации соответствующее определение. Вот интересно, можно ли назвать эти все исповеданием веры или пока нет. Как часто бывает трудно провести четкую границу, вот он, верующий, а вот атеист.

Но тут цепь размышлений была прервана на самом хрупком месте щелканьем пальцев.

- Ау-у. Мы тут. Вон три мешка сухарей я Елене насобираю по соседям. Давай забирай, хватит рассиживать. Тебя на горе ждут!

Варвара дико посмотрела на наследственную подругу, сгребла легкие, но объемистые целлофан и вышла, не прощаясь.

Слишком резкие переключения для одного дня. Сплошной клубок противоречий, а не человек.

Не далее, как на прошлой неделе Вера была «слегка не в духе» и сильно гнала на всю компанию помощников, ходивших к Елене, хотя знала о них только понаслышке.

- ...Тоже мне тимуровцы нашлись! Делать нечего туда носиться! Эта фанатичка Елена только потому и сидит на этой верхотуре, что вы ей костыли подставляете – дрова, хлеб, полный базар с доставкой на дом. Перестаньте ей это таскать, она завтра же в городе окажется....

А в итоге этих психов – мешки сухарей....

Для объективности стоит добавить, что Елена и Элисо, так же знавшие Веру тоже заочно, не питали к ней теплых чувств, а наоборот, не раз пеняли Варваре за «не богоугодное знакомство».

- Я, когда к вере пришла, - объясняла Елена свое кредо, - от старых друзей постепенно отошла. Мирские, даже неплохие люди, это всегда большой соблазн помимо их воли. А тем более, если человек – атеист, постоянно сквернословит и, тем самым, оскорбляет Матерь Божию.

Элисо по своему обыкновению поддакивала, т.к, всегда соглашалась с Еленой, признавая ее неоспоримый авторитет в духовных вопросах.

Варвара, естественно, перепиралась.

- Друзей кидать – последнее дело. Ну и что, что она атеистка. Это дискриминация...

Споры спорами, но тогда никто не мог представить, что через несколько лет Вера будет рыдать около умирающей Елены и станет ездить на другой конец города, делать уколы и носить супы в банках, лишь бы «Божий человек не сыграл в ящик».

Чем не живая иллюстрация к известной фразе «Не судите по наружности!».

21.12. 2013.

Примечания:

1. Грузинская херувимская.

хар шен хар венахи, ахлад агхквавебули; морчи кетили, эдемс шина нергули; да тавит твисит мзе

ганбрцкинвебули. (Ты - Виноградная лоза, свежераспустившаяся; Ветвь нежная, в Эдеме посаженная; и Сама Собою Ты – Солнце Сияющее).

Текст песни был написан грузинским царем Деметре I (1097-1156), когда он был монахом в монастыре св. Давида Гареджийского. Музыка народная. Ее исполнение можно видеть в фильме

Г.Данелия «Не горюй». <http://muzofon.com/search/%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%B0%D1%85%D0%B8>

2. В последствии архимандрит Варсонофий (Величко)

Просто священник.

Просто священник.

«Если хочешь узнать человека, не слушай, что о нем говорят другие, послушай, что он говорит о других».

Слова, неподвластные времени.

Фейсбук.

....1995 г.

- Короче так, - уже будучи на взводе, Варвара начала выставлять свои очередные претензии Елене.

Та вздохнула полной грудью и приготовилась достойно выдержать удар.

– ...Мне нужен прозорливый священник. А то меня это все не устраивает. Вечно тут у вас какие-то ляпсусы с благословениями. То не так поняли, то не так услышали. А мне нужно все точно, как в аптеке, чтоб знать, что меня ждет.

- О.Филарет тебя уже не устраивает? – У Елены от обиды за своего духовника слегка задрожал голос.

- Он не отвечает на на прямо поставленный вопрос.

- Значит, бесполезное спрашиваешь. Я ж тебе объясняла, надо помолиться и так подходить к батюшке, чтоб Господь через него открыл Свою волю.

- Ну и не получается чего-то. И вообще мне нужна гарантия...

- Что это тебе, стиральная машина в рассрочку на три года вперед? Какая еще гарантия? Тут храм Божий, а не сервис-центр. Надо верить и все получится.

Поспорили они так минут десять. В итоге Елена сдалась и предложила другую кандидатуру.

- Тогда тебе к о. Павлу.

Варвара окатила ее красноречиво- уничижительным взглядом. Ей про дело толкуют, а она к о г о предлагает...

О. Павел вполне бы сгодился как натурщик для плакатов ОКНА РОСТА. Маяковский именно так изображал служителей культа: толстый, необъятный и медленно и важно ходящий. Любой сразу диагноз поставит: «Ну и обжора!». Еще и транспортное средство имеет – жигуль с поржавевшими колесами. Типичный поп- трутень.

И слухи о нем, «словно мухи по углам» соответствующие.

-.. Интрижки....безобразные богослужения.... продажа просфор по два раза.... сон в алтаре.... охота за панихидной едой....анекдоты...

- Он роскошь любит, - говорила как-то Варваре одна прихожанка. – И вот это вот, - зашелестела тремя пальцами,изображая дензнаки. - И с настоятелем у него контры!

Несмотря на это Варвара рискнула исповедаться у вышекритикуемого священника.

Вышла пораженная. Поняла одно. О. Павел, который на скамейке сидит и певчей анекдот рассказывает – это одно, а тот, который на исповеди - совсем другое. И добил Варвару окончательно, тем, когда давал крест целовать, попросил:

- Прости меня грешного!

Да таким тоном, что артистизм начисто исключался.

Вскорости как раз еще случай вышел, прибавил пищу для анализа психотипа. У Варвариной подруги Иветы сложная ситуация возникла. Ее отец, живущий в Тбилиси, стал давить на психику: «Возьми да возьми меня к себе в Минск. Я один, за мной уход нужен. Вот я повешусь от безисходности и не будет у тебя в жизни счастья».

Ивета, конечно, в панике. Нецерковная, но кому приятно такие прогнозы слушать. А Варвара тут как раз с встречной идеей.

- Давай к о Павлу сходим посоветоваться.

Сходили, Ивета для такого случая запаслась косынкой и стерла помаду. Зачем человека искушать. Разговор не занял и пятнадцати минут.

- Вот, батюшка,- начала Варвара пересказывать горестную повесть подруги. – Ее отец, который давно в разводе, на старости лет...

- ...Вспомнил, что у него есть где-то дочь? Так?

- ... Ну в принципе, он и не забывал о ее существовании. Алименты платил. Зачем плохо сказать.

- Алименты алиментами, а основное мать делала. Так?

- Так. Теперь он болеет и..

-... Просит, чтоб она взяла его к себе? Точно?

- Точно, - восхитилась Варвара, - а Ивета не может т.к замужем в Минске, и мать с ней и...

- Все вместе не поместятся и мать не будет в восторге. – О. Павел скользнул взглядом по Ивете, молча стоящей рядом.

- Вот- вот. Еще говорит, повешусь.

- Так вот. Ехать ему смысла нету. Во-первых, возникнут проблемы с гражданством. Если его квартиру здесь продать, то там все равно равноценное не купит. Деньги уйдут меж пальцев как вода. Плюс климат другой. На новом месте быстрее умрет. – И перечислил как по писанному разницу в ценах на квартиры в Тбилиси и в Минске, будто к докладу заранее подготовился. И в добавок курс доллара к местной валюте привел. В конце резюмировал. – Здесь ему Господь кого-нибудь в помощь пошлет. Квартира, говоришь, трехкомнатная. Все уладится. А на счет самоубийства – это пустое. Кто вешается, тот заранее не объявляет. Идите с Богом!

Ивета вышла потрясенная.

- Вот это священник! Жалко, что скоро уезжаю. А то я бы только к нему и ходила!

Для истории надо отметить, что слова о. Павла исполнились в точности. Умер отец Иветы досмотренный другим человеком в своей квартире, не испытав потрясений на новом месте.

Еще случай подвернулся.

Позвонила другая подруга и прерывающимся голосом, будто стометровку только что бежала, еле выговорила:

- Я тебе из больницы звоню. У мамы бутулизм. Бадриджанами отравилась. ...На аппаратах...Все в отключке... Не видит, не слышит, только знаками кое-как показывает. Сегодня написала вслепую: «Молебен закажите». Ты займись этим делом. Мне не до того....

Отслужил о Павел заказанный Варварой молебен и очень уверенно заявил: «Она встанет. Все будет хорошо!».

На 40-ой день после молебна больная встала....

....Привела как-то Варвара к бабушке очередную страдающую подружку с семилетним сыном. Кошмарные сны мать замучили. Мать какая-то, сумятица про церковь и сына. И хотя обычно на сновидения о Павел плохо реагировал, а тут отнесся серьезно:

- Ничего тут страшного нет. Просто сын твой слуга Божий будет...

Забылась бы и эта мелочь, как вдруг тот самый мальчик через 10 лет решил окончательно и бесповоротно поступать в семинарию. Потом благополучно ее закончил.

Потом Варвара еще не раз притаскивала своих подруг на «консультации» и все уходили очень довольными. Жизненные рецепты по-быстрому, и без малейших нравоучений. Милое дело. И реакция у нецерковных вопрошателей одинаковая:

- Наш человек!

- Как это у него так четко получается? – допытывалась Варвара у Елены. – Он, ведь, просто священник. Точно не прозорливый.

- На нем благодать священства, - тихо отвечала Елена. – Потому и берегись осудить любого священника. Я тебе свое расскажу. Пришла я к нему как-то на исповедь. Он мне ни с того ни с сего говорит: «Почему ты, раба Божья, за меня не молишься? Мне ведь, грешному, так нужны ваши молитвы!» (Я и правда, не поминала его никак). Вот, скажи, откуда он узнал? С тех пор, конечно, я его в свой помянник записала.

Одно время он очень халтурил – сокращал службы. Многим это не нравилось. Потом как-то нашел в себе силы и все наладилось. Он ведь очень больной. Кто не знает, думает: «Вот, живот какой наел!» Он диабетик и в легких вода скапливается. Служит из последних сил.

Недавно он со мной своей радостью поделился: «Знаешь, я курить бросил! Милость Божья!».

Еще могу сказать. Я привела крестить Андрия, сына моей сотрудницы по НИИ. У него было редкое кожное заболевание типа аллергии. Ребенок буквально расчесывал в кровь свое тело. О. Павел крестил и плакал. И исцелился мальчик. Благодать Божия и через недостойных священников изливается. Хотя это не нам решать, кто достоин кто нет. Мы, как в оптической физике. Говорится, очень малый спектр цветов видим....

... Со временем у Варвары собралась целая коллекция подарков от о. Павла. Причем происходило это примерно так.

Идет Варвара по церковному двору, а в голове – очередная червивая каша из помыслов и всякой ненужной дряни. Подзывает ее бабушка со своей скамейки и подает иконку:

- На, держи, благословляю!

- Да не надо, - смущается духом противления по жизни гонимая. – Это ж дорогая штука. Может, кому другому нужнее.

- Бери, говорю, тебе точно необходимо! Ты ей наверняка не молишься. – И показывает образок пр.Марии Египетской.

Причем, каждый раз эти подарки оказывались как нельзя более в тему, типа ответа на помыслы. Хотя можно такое и чистому совпадению приписать.

Не мудрено, что Варвару после всего этого распирало любопытство. Откуда у человека такое соцветие: и житейский ум, и юмор к месту, и проповеди краткие, но всегда прямо в цель.

Случай как-то представился. Поехала она с о. Павлом на его дребежащем «мерседесе» за гуманитаркой. Обидно такой случай упускать. И давай спрашивать, причем старательно подбирая культурные обороты.

- Расскажите, пожалуйста, как Ваша семья оказалась в Грузии?

О. Павел не растерялся и ответил, будто только того и ждал.

- Мой отец был кадровым военным и его вместе с семьей переводили с места на место... Ахалкалаки, Батуми (где я родился), Тбилиси. В начале войны отца призвали на фронт. Он ушел, успокаивая мать и жену: "Война долго не продлится. Максимум 2-3 месяца". И погиб, защищая Северный Кавказ.

- Как вы стали священником? — задавая этот вопрос, Варвара настроилась на нечто таинственное из области голосов и видений. Оказалось все намного примитивней.

- Наверное, в этом был Промысел Божий. В 50-ом году зашел я как-то после школы в церковь св. Александра Невского. Меня кто-то чем-то сильно обидел. Я стоял у иконы Матери Божьей и плакал. — рассказывал водитель, временами отвлекаясь на обгонявшие его машины. - Тогда там служил архимандрит Зиновий (в последствии ставший митрополитом). Он подошел ко мне и стал расспрашивать о причине. Узнал, что мой отец погиб на фронте, мать сутками работает в больнице. Стал утешать меня по отечески. Потом как-то поговорил с моей матерью и предложил мне служить в церкви, быть его келейником.

"Ну как его такого представить в роли келейника? - напряглась Варвара. - "Невозможное дело". И стала слушать дальше, чтоб ничего не упустить.

-...Потом у меня появилось желание поступать в семинарию. О. Зиновий был против такого решения и советовал мне поступать в университет. Время тогда было неспокойное и путь священника заранее гарантировал большие проблемы. У меня итак много товарищей прошли тюрьмы, у многих была исковеркана жизнь

И все-таки после десятилетки я поступил в Ставропольскую семинарию. Потом, когда ее закрыли, меня перевели в Одессу.

Началась хрущевская оттепель, а с ней новые гонения на верующих.

С 4-ого курса меня забрали в ВСО - военный строй отряд - валить лес на Крайнем Севере. Когда вернулся оттуда, моя мать меня не узнала. Похудел на 40 килограмм, хотя раньше был пончиком.

Устроился я работать на инструментальный завод в Сабуртало. После лесоповала работа там мне казалась игрушкой. На заводе было правило. Если выполняешь план на 100%, то тебе полагается 25% премии. Так я им выдал 700% и тем самым остановил работу на заводе.

Премии такого размера мне, конечно, отказались выдать. Я тогда стал говорить рабочим: "Люди, вас обманывают!" Вскоре пришли ко мне люди из органов... Вообще, пришлось мне уйти с завода.

Варвара покосилась на аккуратную бородку и «непролетарские» ухоженные руки, уверенно державшие руль. «Лесоповал», «инструментальный завод». Кто бы мог подумать

-.... В 1973 г. Патриарх Давид посвятил меня в священники. До 1985 г. я служил в церкви св. Александра Невского....

(«Болтали, что там какой-то конфликт был», припомнила Варвара, но не стала углубляться. Конфликты есть везде.)

-...Потом меня перевели сюда, в церковь Иоанна Богослова. Жена у меня - регент в церкви Александра Невского. Ты, наверное, о детях хочешь спросить? – предвосхитил интервьюруемый неродившийся вопрос. - Старшая дочь у меня - регент в церкви в Вологде, младшая - регент в церкви в Нью-Йорке.

«Ну да, все сходится», думала Варвара, силясь вспомнить очередного обвинителя. – «И кто это мне рассказывал: «В Америку, раз в год, как к себе домой, ездит, а там на каждом углу масоны и сатанисты»»... Впрочем, ну их, этих масонов. Очень уж далеко и непонятно. Тут, под носом своих сложностей хватает». А вслух запустила другой пробный шар.

- О. Павел, какие на ваш взгляд особенности грузинской религиозности и общины в целом.

- Думаю, что это выражается в особой сплоченности прихожан вокруг своего духовника. Понятие "мревли" - "приход" не проформа, а особенно близкие отношения прихожан друг с другом и частое общение со своим пастырем, который находится в курсе всех дел своих духовных чад, помогает решить какие-то проблемы не только духовного, но и материального характера или устройства на работу.

- Какие черты грузинского характера играют значимую роль в приверженности к Христу? - сказала и сама поразилась, что это она такое заумное выдала.

- Я бы назвал горячность веры. Если уж верят, то всей душой. Видишь иной раз как тот или иной прихожанин припадает к иконе, отойти не хочет. Может, кому-то это покажется показухой, но именно в этом эмоциональном восприятии и проявляется характер народа. Люди-то все горячие, любвеобильные...

... «Надо же, не раскололся –таки,» - отметила про себя Варвара, мысленно погружаясь в ту смутительную историю с «незванными гостями».

.... В Богословскую нежданно-негаданно явился мама(1) Арчил со своей огромной паствой, слаженным мужским хором и «своими» клиросными впридачу. Точнее, не сам от себя явился, а его из Патриархии перевели по каким-то своим высшим соображениям. На лицах клерикалов и клира точно не было заметно духовного подъема по такому случаю. Даже совсем наоборот.

У о. Павла был прямо убитый вид. Варвара нашла этому простое объяснение. В деньгах собака зарыта. Теперь его дежурства уменьшатся, а с ними и требы соответственно, которые итак проводятся по принципу «сколько дашь». Тарифов определенных нету. Да и как они могут быть, когда большинство прихожан безработные. Варвара по неумности своей даже полезла с успокоениями:

- Да вы не переживайте, батюшка. Если вас сократят, или еще чего, мы к вам на дом будем обращаться.

Но священник только отмахнулся от непрошенных утешений. Видно, там были какие-то другие резоны...

У «русскоязычных» овец была своя головная боль, но чисто «духовного» плана. Они сбились кучками и возмущенно поглядывали на массу «пришельцев». Те, хоть и ловили на себе косые взгляды, но вымуштрованно хранили молчание, уткнувшись в молитвословы. Причем стояли они четко по гендерному признаку, будто кто ровную линию провел: мужчины по одну сторону, женщины по другую. По окончании службы так же организованно, без толкотни подходили к кресту. «Ну и мама Арчил! Серьезный мужчина!» - восхитилась Варвара такой гвардейской дисциплине.

Еле отстояв длинющую, как показалось многим, службу, «свои» стали яростно обсуждать «стихийное бедствие».

- Ну все, захватят теперь нашу церковь! Как Михаила Тверского присвоили, так и здесь будет.

- Теперь служба на грузинском будет идти!

- А я не понимаю – ю –ю!

- Мы не обязаны!...

- Надо Патриарху жаловаться...

- Нет, лучше Путину! Лично!

- В Москве и Питере есть грузинские церкви и никто к ним не лезет...

Тут еще Варвара по злобе подлила масла в огонь.

- Зря пыхтите! Лучше учите «Мамао чвено» (2)! Не растаете. И где, ваша хваленая христианская любовь? Может, их Господь специально сюда привел – с них пример брать! Они вон какие сплоченные. А вы ходите годами и здороваться друг с другом не умеете!

Читатель может легко представить себе какие разноцветные молнии полетели на голову скудоумного аутсайдера за инакомыслие.

«Свой состав» потом долго бурлил и клекотал, собирал еще какие-то подписи. Ходили к Патриарху с жалобой – просьбой. Словом, была большая волокита. В итоге два патриарха созвонились, обсудили ситуацию и в Тбилиси был направлен о. Роман (Лукин) служить на русском для «особо невосприимчивых к языкам».

Словом, навели «смирненные овечки» шорох на всю Евразию....

Варвара дальше выдумывала свои вопросы, вспомнив о популярности о. Павла среди малоцерковной публики.

-К вам обращаются представители разных слоев населения. Были ли случаи, когда к вам обращались уголовники?

- Редко кто из уголовников признает себя тем, кем он есть. Если это и бывает, то только, боясь Божьего гнева.

Помнишь, как один грабитель постоянно молился св. Николаю об удаче в своих делах. И вот как-то гонятся за ним преследователи. Он бежит и видит перед собой гниющий труп лошади. Залез он внутрь, а сам молится: "Господи, пронеси!" Погоня прошла мимо. Вылез вор из нутра лошади и видит стоит перед ним сам Николай Чудотворец. И спрашивает его: "Ну, каково там?" Вор с отвращением отвечает: "Погано". Святитель ему на это отвечает: "Такой смрад Богу и от твоей свечи!"

- Какие типичные искушения для священника в повседневной жизни? - выдала Варвара очередной подвох.

- Одно из самых сильных - это исповедь. Столько чего приходится слышать и пропускать через себя, что невозможно остаться равнодушным. После нее ходишь, как пьяный. Хорошо, если придет на исповедь человек духовно-подготовленный. А если нет? Бывает, подходит ко мне женщина, мнетя, мучается, а сказать не может. Много есть такого, о чем сказал апостол Павел: "Срамно и глаголати". Мучаюсь и я ее молчанием. Тянешь из нее клещами по слову, а враг в это время внушает ложный стыд. И уходит она неудовлетворенная, и у меня на душе тяжесть. И наоборот, как легко бывает на сердце, когда человек, преодолевая себя, вырвет из себя то, что его гнетет.

Богу ведь всех жалко. Иногда даже человеческая мнительность тоже как средство идет.

- Как-то после окончания службы, я как всегда сказал проповедь. После выноса креста подходит ко мне одна женщина, (да ты ее знаешь) которая, видно, случайно зашла в церковь, и говорит:

- Вы почему так подозрительно на меня смотрели во время своей речи?

- Как это "так"?

- Так, вот таким взглядом - пытается показать. - вы, что обо мне что-то знаете?

- Я Вас впервые вижу. – говорю.

- Нет - упорствует - вы на меня как-то не так смотрели, как на остальных.

Еле-еле я ее убедил, что никак особенно я на нее не смотрел и вообще не заметил в толпе.

Она пришла в следующий раз, чтобы, наверное, сравнить, на кого как я буду смотреть во время проповеди.

Потом стала ходить все чаще и чаще, затем стала исповедываться и причащаться. Сейчас не пропускает ни одной службы. А жизнь у нее, как выяснилось, была очень не простая. Что здесь скажешь. Хоть в конце жизни, но приводит таких Господь в церковь, на покаяние.

- Как вам удается сохранять душевный покой?

- Мы живем в очень сложное время. Поэтому душевное спокойствие теряется очень легко. Лично для меня огромная духовная поддержка, когда я служу, открыты царские врата и много людей за моей спиной "едиными усты и единым сердцем" вздыхают "Господи помилуй".

- Какое у Вас самое любимое место в Евангелии?

- Конечно слова апостола Иоанна Богослова "Дети, любите друг друга".

Как тут не согласиться? Это и Варварино любимое место. На этом ее вопросы иссякли.

.....

О. Павел перешел в вечность в 2010 г. У всех, кто его знал, было одинаковое чувство : «Какого человека мы потеряли!».

Время от времени по разному о нем вспоминают. Сколько людей, столько мнений.

Инна:

- С о. Павлом служить было легко. Хотя иногда неожиданно... Прихожу заранее к службе, чтобы книги открыть, посмотреть все, а с клироса уже читают предначинательный псалом... и как хочешь готовься за 20 секунд плюс ектинья. А тайные молитвы, даже евхаристические он читал, наверное в технике быстрого чтения, всю литургию пели в темпе венского вальса.

Георгий:

-.....О.Павел шутил про себя: «А ну расступись море! Щепка плывет!.. Он дочку мою тоже крестил. Все время шутил со мной. Устав церковный хорошо знал...

Тамара:

- После рождения дочери у меня произошло воспаление костного мозга, я перенесла раковые боли. Умирала, но Господь чудом вернул с того света. Много еще чего было. После болезни заново училась ходить. Я очень обрадовалась, когда узнала что беременна, потому что хотела, чтоб у уже родившейся дочери был в жизни родной человек. Но вскоре мне сказали на консультации, что ребенок родится уродом с раком мозга. Я зашла в ближайшую церковь и горько плакала. Подошел ко мне о. Павел и, узнав в чем дело, сказал: "Постоянно читай «Богородицу», хоть тысячу раз в день."

И у меня родился здоровый мальчик.. Однажды на исповеди о. Павел мне руки поцеловал, сказал «За все твои страдания». Может, кто и не поймет такое. Просто он был очень чутким духовником. Всем сердцем сострадал мне тогда. Всегда его поминаю....

Лена- певчая:

- Батюшка с чувством юмора был. Я ему говорю как-то: «Вас женщина ждет!" В смысле на счет панихиды . А он мне: «Я уже женат.» С ним всякое было... — и понизила голос до шепота, - Его как-то другой священник душить стал. Поссорились из-за чего-то. Потом на коленях прощения просил.

Варвара никак не среагировала на рифму «душил – на коленях прощенья просил».(В житиях святых и не такое описано. Ее, например, в свое время св. Иаков Постник очень впечатлил, который некую девицу соблазнил и убил, зато потом 10 лет траву ел и каялася (3).) Но съязвила по всегдашнему окаянству своему.

- А почему шепотом? Что, в Сибирь сошлют или в церкви демократия еще не ночевала?

Но ответа вразумительного не получила.

Надежда:

- Помните, как о Павел выходил во время службы и в полный голос начинал петь «Верую», заставляя нас всех, стоящих подхватывать. Какое было незабываемое чувство! Благодатный был батюшка. Многие сущались о нем, - слишком легкие епитимьи дает. А в этом была своя мудрость. Сейчас время такое, даже малого иногда понести не можем...

Встретила Варвара как-то на улице Ларису.

- Чего вас так давно не видно?

- О. Павел умер. Я только из-за него и ходила. Он в свое время мне помог семью сохранить. Меня мой муж буквально из дома выкидывал. Молитвами о. Павла все управилось. Где такого второго найти? Нету...

Варвара ее поняла. Как не понять. Ей самой «просто священник» предсказал сына....

Потому и кажется ей иногда. Вот-вот откроется боковая дверь в алтаре и выйдет оттуда необъятный о. Павел к очереди исповедников. Причем все ждущие знают, да он не святой, со своими слабостями. Но это и к лучшему. Ему легче простых людей понять, а им – исповедываться.

Что ж до слухов разных, так тоже дело житейское. Чем человек заметнее, тем их больше. Главное, душевное спокойствие не терять. Так что «Пусть говорят!».

10.06.2014

Примечание.

1. Обращение к священнику. (гр.)
2. Отче наш (гр.)
3. 1 См. Житие преподобного отца нашего Иакова Постника

4 марта по ст.ст. / 17 марта по н.ст.

Елена в больнице

Однажды Варвара в споре так перегнула палку, что долготерпению Елены пришёл конец. И в один прекрасный день Элисо поставила Лику с Варварой перед фактом:

— Нет вам благословения ходить к Елене. Но она просит, чтобы вы почаще ходили в церковь и исповедовались.

Для обеих, что называется, «треснул мир напополам». Кинулись с расспросами, но Элисо отвечала загадками:

— Раз вы сами не понимаете, тем хуже для вас. Никакого желания исправиться у вас нет, только искушаете всех.

Пошли со своими недоумениями к духовнику, но выяснилось, что он никому подобных благословений не давал. Бес гордыни был тут как тут и давай нащёптывать: «Вы для Елены тельняшки рвали, а она вас взяла и кинула!» Само собой, обе кукушки смертельно обиделись. Лика стала утешать Варвару, доставая трясущейся рукой сигарету:

— Да наплюй ты. Они же фанатики!

— Как наплевать? — растерянно спрашивала Варвара. — Елена мне как духовная мать. Кому тогда верить?

В общем, переживали они так сильно, что Нино, не выдержав, отправилась к Елене восстанавливать мир:

— Да как же так? Разве можно в людях любовь убивать? Ну, не святые они, конечно. Такие же грешные, как и мы. Но мы должны быть все вместе!

Мир кое-как был восстановлен. Попросили друг у друга прощения, но прежняя радость общения куда-то исчезла. Что-то сломалось. Осталась только дипломатическая вежливость при встречах.

Прошло время...

Широко распахнутые глаза Нино смотрят с испугом на Варвару:

— Елена в больнице! Элисо только что звонила! Совсем плоха!

— ?!

— Несколько дней ничего не ела, постоянная тошнота. Глаз вылез из орбиты. Гоча, как узнал, помчался за отцом Лаврентием. Взял его из церкви, быстро в машину и — к Елене домой. Потом прямо в больницу повезли.

— Да что с ней?

— Опухоль в мозге. Нужна срочная операция. Это всё от неподъёмных тяжестей. Доконала себя, несчастная.

На больничной замызганной койке безо всякого намёка на бельё лежала исхудавшая Елена с багрово-красным лицом. Неестественно огромный левый глаз был закрыт. Правый с трудом раскрылся — взглянуть, кто пришёл. К Варваре потянулась слабая рука, которая тут же упала:

— Умираю я, родная. Прости меня Христа ради... Сообщите всем нашим. Попрощаться хочу.

Рядом всхлипывала Элисо. Снаружи, у дверей палаты собрались все остальные, потрясённые случившимся. Рассматривали томографический снимок, на котором было видно небольшое, 3 на 4 сантиметра, затемнение — опухоль, давящая на глаз. Обсуждали вытекающий отсюда расклад. Срочная трепанация стоит около двух тысяч долларов. Каждый день пребывания в больнице обходится больше ста долларов. Для всех, стоявших у дверей, это были нереально огромные деньги. Выяснилось также, что пока Елена лежит здесь как бы нелегально, из уважения к отцу Лаврентию. Платить не надо, но и лечить её, пока не появятся реальные деньги, тоже никто не кинется.

Вот и плакали от бессилия матушка Лали и Элисо:

— Господи, Ты Сам управь! Не отнимай её от нас!

— Давайте акафист Божьей Матери читать! — предложили Нана, Гочина дочка.

А Варвара по своему греховному обыкновению злилась:

— Не молиться тут надо, а действовать! Почему эти козлы, врачи, ей даже болеутоляющего не дают?!

На неё привычно фыркали:

— Помалкивай. Ты как неверующая себя ведёшь! Раз отец Лаврентий её сюда привёз, значит, врачи верующие. Надо просто ждать.

Но Варвара уже помчалась к эскулапам — права качать:

— Почему вы её не лечите? Она от боли уже говорить не может!

Зелёные халаты отфутболили её с умным видом:

— Мы делаем, что можем.

Как после этого не озвереть? И Варвара понеслась за «тяжёлой артиллерией» — Верой. Уж она-то наведёт здесь гвардейский порядок. Человек пятнадцать лет в уличной торговле провёл, всякое обращение знает. Где надо, и гавкнуть может, плюс в медицине разбирается.

— Ах, скотобаза какая! — разразилась «тяжёлая артиллерия» первым залпом, сразу вникнув в суть дела. — Они её точно в гроб загонят!

И вскоре железные ступеньки старинной больницы,гнулись под её поступью. Вера рванула дверь в палату, оставив за собой удивлённо-испуганных посетителей, упала на обгрызенный стул у койки и заголосила:

— А-ва-ва, это что за беспредел такой! Что с тобой случилось?! И куда Бог смотрит? А? Сколько тварей по земле ползает, и никакая холера их не берёт! А-ва-ва, а ты, такой Божий человек, и...

За дверью сёстры возмущённо зашипели на Варвару:

— Зачем нам здесь неверующая? Да ещё и такая? — намекая на моральные устои Веры.

А Вера вышла, утёрла слёзы и, оглядев заплаканных сестёр, изложила свой стратегический план:

— Значит, так. Я буду сама уколы делать. Буду еду готовить, а эта (кивок на Варвару) таскать. На большее она всё равно не способна. Буду раньше всех с утра приходить и врачей за глотку брать. Тут без контроля нельзя!

В общем, кое-как всё утряслось. Вера приходила первая, сменяла бессменную ночную дежурную Нану. Дальше приходили по уговору, кто когда мог. Элисо вела переговоры с сыном Елены в Москве на предмет денег. Гоча с Семёном по очереди пасли коз. Дважды в день приходил отец Лаврентий проведать и причастить Елену.

Ко всем приходящим у Елены была одна просьба — постоянно читать акафист, а из съестного приносить виноград. Вот и читали навещавшие, почти не переставая, акафист Божье Матери. Вера в этом благом деле по неверию не участвовала, шушукалась с Варварой:

— Состав ещё тот, я тебе скажу! Я для неё всё, что хочешь, сделаю, но вот эти «ижи еси на небеси» выше моих мозгов! А Гоча ничего из себя, видный клиент. Жалко, верующий, а то бы пообщались.

В день операции произошло неожиданное. Варвара была на работе, когда её выловила Нана и, с перепугу путая грузинские и русские слова, сообщила:

— Елену воруют с операции! Срочно звони её сыну в Москву!

Варвара набрала номер Элисо и узнала от неё, задыхающейся от слёз и обиды, подробности «воровства»:

— Пришла Капитолина с Александро-Невской церкви и переубедила Елену делать операцию. Святые отцы, дескать, не благословляют вскрывать черепную коробку. И Елена отказалась. Мы попытались спорить, и отец Лаврентий как священник пытался воздействовать. Но Капитолина подняла крик: «Вам лишь бы человека под нож положить. Вы убийцы! Зачем привели сюда

грузинского священника? Пусть русский батюшка этим делом займётся!» Мы стояли, как оплётанные. Это мы-то убийцы? Мы ли ночей не спали из-за Елены? И нас ещё в национализме обвинять?

Из трубки доносился долгий тихий плач, потом Элисо продолжила:

— Откуда нам взять русского священника, если их раз-два и обчёлся? Кроме того, отец Лаврентий специально к отцу Филарету ходил советоваться. Ты же сама видела, как отец Лаврентий свою паству оставлял и к Елене спешил.

— Что же вы ей морду не набили за поклёп на батюшку? — разъярилась экстремистка Варвара. — С Елены спрос не велик. У кого крыша не поедет перед лицом смерти?

— Что ты, — убито отвечала Элисо. — Мы просто онемели от обиды. Капитолина тут же забрала Елену к себе домой. «Я, — говорит, — буду её мазями лечить». Но это не поможет. Опухоль огромная. Сама не рассосётся. Теперь не знаем, что делать. А Вера сказала, что будет ездить к Капитолине домой и делать Елене болеутоляющие уколы. Сама-то, самоучка с мазями, не умеет.

Через две недели из Москвы приехал сын Елены и, поговорив с врачами, повёз мать на операцию в ту же больницу. Несмотря на обиду, у дверей операционной собрались все участники этой истории. Варвара с удивлением узрела рядом с отцом Лаврентием «пропавшего» маляра Вову. Он, как ни в чём не бывало, рассказывал:

— Я, как тогда с горы ушёл, набухался где-то и попал в аварию. Меня Елена ещё до этого предупреждала: «Бросай пить, а то пошлёт тебе Господь испытание, чтобы отвести от греха». В общем, попал я в больницу без сознания. Там как узнали, что у меня никого нет и платить за меня некому, — так не то, что врачи, даже санитарки ко мне не подходили. Елена и Гоча каким-то макаром узнали про меня и пришли. Елена каждый день меня кормила и обмывала, а Гоча с врачами разбирался, чтоб они меня хоть как-нибудь да лечили. Одним словом, собрали меня по кускам. А теперь во какое дело: ей самой плохо, а я ничем помочь не могу.

Варвара, слушая маляра, напряжённо пыталась вспомнить, кто это так точно и будто про Вову сказал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется».

Как только Елена отошла от наркоза, к койке хлынула куча народа. Открылся один глаз, и слабая улыбка появилась на бескровных губах.

— Дорогие мои! — голос то и дело прерывался. — Я молилась перед операцией: «Господи, молитвами Богородицы и всех любящих меня людей продли мне жизнь!» И вот я с вами.

* * *

Часть вторая.

Знатоки благодати

Из алтаря уже вынесли записки и выгрузили их шуршащей кучей на стол в притворе. Варвара пыталась сосредоточиться на словах, которые пел хор. Но куда там. Тверди не тверди себе: «Любопытство — грех», а против природы не пойдёшь. Борется Варвара с грехом, повторяя Иисусову молитву, а уши, как локаторы, ловят каждое слово из разговоров в храме.

За спиной Варвары шло тем временем живейшее обсуждение.

— Вчера на вечерне такая благодать была — слов нет! — говорит одна прихожанка и от избытка чувств закатывает глаза к потолку.

— Когда отец Павел служит, всегда такое испытываешь, — поддакивает другая.

— А вот когда отец Георгий служит, пустота какая-то. Как мёртвая домой ползёшь, — жалуется третья.

— Нет, это вы зря на отца Георгия наговариваете, — вмешивается дама с хорошо поставленным голосом, видимо, учительница или бывший партработник. — Я от его служб **наполненная благодатью** выхожу.

Всё. Это было последней каплей. Природное желание всюду совать свой нос взяло вверх над насильно прививаемым смирением, и Варвара нарушила эту идиллию:

— Объясните подробней, что в вашем понимании «благодатная служба»? Я, например, ничего не чувствую.

У обсуждавших на лицах — весь спектр эмоций: удивление, недоумение, подозрительность и желание отойти от греха подальше.

— Как? Ты не чувствуешь благодати?

— Не чувствую, — подтвердила Варвара, получив тут ворох объяснений.

— Благодатная служба — это когда ты в хорошем настроении выходишь из церкви.

— И усталости не чувствуешь!

— Благодать, например, есть у отца Филарета. Он идёт, и от него как тёплый шар отходит.

Варваре эти объяснения про «тёплый шар» ясности не прибавили. Наоборот, только смущение усилилось, тем более что со знатоками благодати ей приходилось сталкиваться и раньше.

* * *

Однажды случилось вот что. Звонит Варваре подружка Катя (было время, когда Катя за ней, как телёнок на верёвочке, в церковь пришла, правда, не надолго). Позвонила, и оглушила новостью:

— У меня дом сгорел!

— Шутки шутишь?

— Да нет, — сказал в трубке убитый голос. — Керосинку зажжённую заправляла. Она возьми и полыхни до потолка. Еле выскочить успели, в чём были, — тяжёлый вздох. — Ты же знаешь моё цыганское счастье. Чтоб на святую Нину у человека дом сгорел?!

Цыганское счастье было налицо. Месяц назад Катя, выкладываясь из последних сил, отремонтировала свою хибару — самострой у мусорной свалки. Земляной пол застелила досками, стены заштукатурила, а крышу новой жёстью обили соседские ребята «из уважение». И на тебе — вместо дома куча углей.

— Где ты сейчас?

— У девочек с нашей улицы. Они тут же примчались и забрали к себе меня, мать и Бэлу. Шмотки дали — у кого что нашлось.

— Молодцы девчонки! Они как теперь — всё в том же амплуа? (Амплуа было той самой древнейшей профессией)

Трубка невесело хмыкает.

— Да, без изменений. Работы-то нет. Не всем же, как тебе, в уборщицы идти.

— Скажи там нашим в церкви, что у меня беда, — Катя поспешила закруглиться. — Ладно, пока. С чужого телефона звоню, а тут другим надо звонить.

Сёстры во Христе, узнав про Катину беду, естественно, ужаснулись, поохали и вскоре успокоились. На всё, дескать, воля Божья.

Через месяц Катя появилась в церкви — и напрямик к одной из наших прихожанок с просьбой:

— Пустите нас к себе на один месяц. У вас ведь всё равно квартира закрытая стоит. Вы не бойтесь, мы ничего не испортим. Я ручаюсь. Потом через месяц мы снова к моим подругам перейдём. У них сейчас временные проблемы.

Просьба застала врасплох.

— Ты не обижайся, — последовал ответ. — Не могу я вас пустить. У меня квартира освящённая, а твоя мама курит, Бэла вообще не церковный человек. Вся благодать из-за вас отойдёт!

Ясное дело, продолжать просить было бессмысленно. Катя извинилась и отошла. Но потом с удивлением спросила Варвару:

— Это правда, что благодать из-за нас отойдет?

Нашла, у кого спрашивать! У Варвары и так голова гудит от вопросов: почему «девочки с улицы» пришли на помощь погорельцам, а благодатные люди — нет? «Помоги, Господи, не осуждать никого», — молится Варвара. И опять срывается в осуждение: где же наше церковное братство? Меморандум, что ли, опять написать?

Конфессий острые углы.

«Ибо нет лицепрятия

у Бога".

Рим. Гл. 2,11

«Итак во всем, как хотите,

чтобы с вами поступали

люди, так поступайте и

Сказ первый. Про иудея.

Еще у Варвары неразумной много вопросов появляется, когда с представителями разных конфессий общается. Вот, судите сами.

1993 г. У Варвары, несмотря на тяжелые 90-ые годы, было веселое студенчество и своя компания. Ходили вместе в кино, в театр, обсуждали прочитанное, иногда грешили спиритизмом (кто не пробовал, лучше не начинать, поверьте, ничего особенного, дурь и грех).

И вдруг среди такого мирного жития случился для всех шок. Самуил - всеобщий любимец и убежденный атеист - обратился к вере отцов. То бишь ударился в иудаизм со всеми ветхозаветными вывертами: хранение субботы, вкушение кошерной пищи и прочая, прочая.

Общий состав скептиков подшучивал: «Ох, быть тебе, Самуильчик, раввином Израиля!» (А слово, как известно, штука малоизученная, иногда может и в жизнь претворится.) Самуил только вежливо улыбался.

Варвара тем временем тоже верой предков заинтересовалась, воцерковилась и духовными сестрами обзавелась. Читая одолженные «Жития святых», поражалась: «Как я жила без этого раньше? Красота-то какая!». И взхлеб рассказывала все прочитанное своим подругам. Подруги лениво внимали трескотне, а когда очень уж надоедало, тормозили: «Ой, хватит, завелась! Смотри, в монастырь не рвани!».

Елена, узнав о существовании верующего иудея в Варварином окружении, забила тревогу на правах духовной руководительницы.

- Не вздумай спорить с ним в вере! И вообще, вам лучше не общаться. Для тебя сейчас это духовно вредно.

— А что будет? - недоверчиво скривилась Варвара, как раз жаждущая обратного.

— У тебя вера только-только зародилась. Она еще очень слабая. Он может растоптать этот росточек. Да, и еще, не ешь мацы, если будет предлагать!

Варвара усмехнулась. Представить добрейшего Самуила в роли похитителя христианских младенцев и выкачивающего из них кровь (что-то такое кажется болтали бабки в церкви) - это уж слишком!

...Неизбежное столкновение конфессий произошло на Варвариной территории.

Трапеза была своеобразная. Хлеб и копченая рыба красовались на газетах (от тарелок Самуил отказался - некошерные, а своих, одноразовых у него с собой не было).

Предварительно он торжественно совершил троекратное омовение рук на Варвариной кухне. Затем приступил к чтению молитвы на древнееврейском над хлебом отдельно, над рыбой отдельно. Ритуал длился добрых 10 минут. Варвара терпеливо лицезрела все происходящее, не дерзая прерывать молитву. Потом решила сравнять счет, полагая, что церковно-славянский не хуже иврита. Взяла и прочитала «Отче наш» и «Богородицу», осенив все крестным знаменем (как это ее учила Елена).

Уравновешенного, выдержанного Самуила будто муха цеце укусила.

- Что ты делаешь?! - взвился он, сверкая глазами. - Это типичное идолопоклонство! И вообще, Он не был Сыном Божиим!

- А как же, - с жаром запротестовала Варвара, - написано: "Се, дева во чреве примет..."

- Во-первых, кто дал вам право толковать Тору?! - гремел он. - Во вторых, с чего вы взяли, что там именно это подразумевалось? В-третьих...

Его обличительная речь напоминала огнедышащую лаву. Досталось всем, и апостолам, и Божьей Матери (не стоит повторять дословно) и всему христианскому миру в целом.

Все Варварины жалкие аргументы натыкались на несокрушимый монолит:

- У нас каждая буква имеет свое значение и цифровой код. Кроме того, существует 7 уровней понимания Торы. О каких переводах может вообще идти речь?!

Короче говоря, в конце этого разгрома, у Варвары было ощущение обкраденности. Красота Православия, разбомбленная Самуилом, превратилась в какую-то мракобесную лужицу.

Елене потом стоило огромного труда разгрести ту жуткую мешанину, которая осталась в голове у Варвары после теософского диспута.

-...Вот твое непослушание! - выговаривала ей Елена. - Говорила я тебе: "Лучше не общайся!" И батюшка тебе тоже самое скажет!

Общаться два неопита все-таки продолжали. Дружба есть дружба.

Самуил стал дневать и ночевать в еврейской гуманитарной организации. Общие друзья сочувствовали от души:

- Каждый день видеть рожи маразматиков! Как это скучно!

Самуил быстро перекрыл поток соболезнований, сказав без всякой рисовки.

- Я служу моему народу, как могу.

Кто-то подал умную идею.

- Хоть килограмм сахара вынеси с твоей работы!

В ответ все услышали негромкое, но внушительное.

— Я не стал бы воровать даже у вас! Тем более не буду этого делать у своих! Господь мне итак дает все, что нужно.

Желание шутить и советовать у всех как-то само собой пропало.

Стычек между новоисеченными верующими больше не было. Он, избегая любого празднословия, говорил о своей вере только, когда мы его спрашивали. И давал исчерпывающий ответ буквально на физико-молекулярном уровне: почему надо хранить субботу и избегать всякой работы, что происходит с организмом человека, принимающего некошерную пищу и многое другое.

Варвара тоже к тому времени уразумела, что проповедовать свою веру вовсе не обязательно, вполне достаточно жить в ней без лишней шумихи.

Самуил совершенно серьезно ждал обещанного Машиаха (1), скорбя о своих неверующих собратьях:

- Если бы евреи всего мира хранили субботу, Машиах пришел бы завтра.

- Хорошо, что у вас много неверующих. - радовалась Варвара, боясь пришествия Антихриста.

Потом ее осенила неожиданная мысль.

- Слышь, потомок царя Давида, быть таким ярковыраженным верующим небезопасно. Вдруг начнутся гонения на евреев? Если что, я тебя спрячу!

Самуил только улыбнулся.

- Я это учту... Быть евреем не каждому дано и надо жить достойно, не отрекаться. Я, кстати, и правда его потомок. Положение обязывает...

Думаю, мне не придется у тебя прятаться. Грузия - единственная страна, где никогда не было еврейских погромов. Надеюсь, и не будет.

Общие друзья, слушая подобные диалоги, многозначительно переглядывались: у обоих, мол, крыша едет на почве религии.

Жизнь постепенно разводила Варвару и Самуила все дальше и дальше друг от друга.

Как-то они встретились перед зданием ОВИРа.

- Я уезжаю в Иерусалим через два дня, - говорит Самуил, - буду учиться в религиозной школе. Это воля Божья.

- С чего ты взял?

- Знаешь, какие они взяточники, - кивок в сторону ОВИРа, - со всех берут дикие деньги, а с меня лишней копейки не взяли.

Потом вдруг спросил.

- А ты довольна своей жизнью?

- Вообще-то, да. - ответила Варвара, осознавая, что мало чем может похвастаться в земных успехах. - А ты доволен тем, чем занимаешься?

- Я для этого родился. - Самуил улыбнулся, смущенно теребя бороду. - Мне всегда чего-то не хватало. Теперь оно у меня есть.

- Я ощущаю нечто похожее. -говорит Варвара

- Рад за тебя. Я думаю, что к истине ведут разные пути.

Слышать это от человека в кипу, носящего цицит (2) и имеющего шагомер (в субботу ему можно делать только определенное число шагов) было странно и в тоже время приятно.

Консенсус - великое дело.

Варвара неугомонная, довольная консенсусом, тут же решила рискнуть.

— Может, поставишь за меня свечку у Гроба Господня. Я, ведь, туда никогда не попаду.

Самуил только вздохнул, отводя округлые глаза в сторону.

— Ты же знаешь, мне туда нельзя. Я вспомню о тебе у Стены Плача.

Прощаясь, он не подал руки. Только поклонился. Варвара не обиделась, знала, по его вере мужчина и женщина, не связанные узами брака, не должны касаться друг друга. Ох, уж эти табу!

...Спустя несколько лет Самуил, и в самом деле, стал раввином. Только не в Израиле, а в другой стране.

Зная его душевные качества, Варвара думает, что его паства не пожалеет о своем выборе. (Ведь, раввин, как и мулла, должность выборная).

А еще в глубины души у Варвары теплится надежда: может, свершится чудо и Самуил поймет, что долгожданный Мессия уже давно пришел. Потому иногда вспоминая о друге-раввине, шепчет: «Спаси его, Господи! Он хороший! Подари ему ту же радость, которую мне подарил!»

Сказ второй.

Про агарян, террористами нареченных.

2004 г. Совершенно случайно по ходу своей бродячей работы Варвара попала к чеченцам. Вот уж был простор, где любопытству разгуляться. Варвара то и дело задавала свои бесконечные вопросы, с интересом наблюдала за экзотическим мусульманским бытом (не нравилось одно - необходимость разуваться при входе в ту или иную квартиру) и для общего развития учила обиходные чеченские слова. Ее лингвистические занятия вызвали встречный вопрос.

- Не хочешь ислам принять?

- Да нет.

- Почему? У нас вера хорошая.

- Я же вам не предлагаю христианство принимать. Знаю, что у вас с ним плохие ассоциации.

- Конечно, не примем. Хотя раньше наши предки были христиане.

(Проповедывать им что-либо она и не пыталась. Во-первых, куда такой грешнице проповедывать. Во-вторых, знала, что на непрошенную рекламу зададут вопрос:

- Если вера ваша такая хорошая, чего вы так дурно живете?

И перечислят по пунктам язвы христианского общества. Крыть будет нечем.)

Общаться с чеченками было на удивление легко и просто. "Они совсем не страшные," - думала Варвара, вспоминая русские фильмы о чеченской войне. Говорили о разном: о политике, о воспитании детей, вызывавшим Варварино восхищение, и, конечно, о религии.

Вот сидят, значит, они вдвоем; Седа, Яха и Варвара и беседуют. (Седа рыжая, Яха блондинка. Обе голубоглазые, белокожие. Обе замужем, с высшим образованием, в Грузии находятся 5-6 лет. Седа, не смотря на жару, в длинном закрытом платье до пят, Яха в юбке средней длины и футболке)

- Угощайтесь! - и Седа подвигает Варваре печенье.

- У нас пост сейчас.

- А-а, - сразу же с пониманием отступается, но ищет альтернативу. - А что можно?

Услышав перечисление, обе смеются.

- Да разве это пост? Никакого мучения для тела. Вот у нас другое дело. До захода солнца даже воды пить нельзя.

Седа тем временем вытаскивает мед:

- Уж от этого вы не откажетесь.

Яха протягивает сбоку книжку.

- Смотрите, что я достала! Коран на грузинском, - и листает страницы с арабской вязью и грузинским текстом. - Он для аджарцев и абхазов издан.

- Наверно, трудно научиться читать? - тарашится Варвара на загогулины..

- Очень легко. Вот Седа каждый день читает.

- А вы?

- Эта сволочь даже не молится каждый день, - обличительное пояснение от Седы. - Бужу я ее в 6 утра на намаз, а ей встать лень. И как не боится умереть? Интересно, что ты там скажешь, бессовестная?

- Я надеюсь на Аллаха милосердного. - увертывается Яха.

- Ты, ведь, не она! - Седа кивает в Варварину сторону, скользя укоризненным взглядом по ее джинсам. - Тебе это так с рук не сойдет!

- А почему? - встrepенулась Варвара, удивленная теологической дискриминацией

- Вы... вы другое дело, - просвещает Яха. - Вы в нашем понимании заблудшие. И вас надо жалеть. И нельзя обижать.

(Лично для Варвары это было открытием.)

- Но вся история человечества этому противоречит.

- Вы еще крестовые походы вспомните! - подмигивает Яха. - Лучше не вдаваться ни в историю, ни в политику.

Нам в Грозном по вахабитскому каналу объясняли, что если в этой жизни у христианина что-то отнять, то на том свете он это не простит и Аллах из-за его обиды нас в рай не пустит.

- Не переживайте! Нам, чтобы в рай попасть, надо самим всем все простить. Так что можете делать, что хотите.

- Как раз нельзя "что хотите"! - подхватывает Седа. - Я своим детям объясняю, что Бог все видит и может наказать. У Него любимчиков нет.

- А дети как воспринимают?

- Слушаются. Они же у меня все законные.

- При чем тут это? - не поняла Варвара

- У нас незаконорожденным считается тот ребенок, если его отец, перед тем, как его зачать, выпил вино или согрешил с какой-то женщиной.

- Это никто не узнает.

- Люди узнают это, когда ребенок вырастет и не будет слушать своих родителей. Это первый признак. А когда таких непослушных детей будет много, настанет конец света. Поэтому у нас мужья стараются хранить верность своим женам.

Тут Седа взглянула на часы.

- Извините, время молитвы.

Через 15 минут она вышла из другой комнаты, снимая платок и возвращаясь к разговору.

- Интересно, - поинтересовалась скептик Варвара, вспоминая длительные молитвы Елены, - а толк от всего этого есть?

- Есть. Когда что-то от души прошу - получаю.

- Ну и у нас найдутся люди, которые скажут тоже самое. Есть ли у вас доказательства, что ваша вера истинная? У нас, например, Благодатный Огонь на Пасху с неба сходит. Слышали такое?

- Да, по телевизору видели. - без особой реакции отзываются оппонентки и миролюбиво заключают. - Все бывает.

- Знаете, - Яха солнечно улыбается. - Мы надеемся, что мы на истинном пути. Я где-то читала, что, когда настанет конец света, пошлет Аллах белых верблюдов на все кладбища мира, чтобы собрать праведников из всех народов. Человек, если он честно жил, своей награды не потеряет.

Варваре пора было закруглять визит.

- Дельрисхил. - блеснула она зазубренным словом, что в переводе значит "Пусть Бог будет вами доволен."

- На здоровье! - их смешит топорное произношение. Но в их смехе нет насмешки. Яха тут же среагировала: - Ой, а как надо сказать это на грузинском? Скажите несколько раз -я запомню...

Уходила Варвара в восторженном настроении. «Спаси их, Господи, - твердила она про себя, - за эту чашку чая! Как они правильно мыслят! Спаси, Господи, всех добрых людей, где бы они не были, по великому милосердию Твоему!»

... ..

Сестры во Христе ну очень не одобряли хождение "к татарве", высказываясь так:

- ...Ты доиграешься! Они тебе голову отрежут или в гарем затянут!

-...Гнать их надо отсюда! Из-за них у нас отношения с Россией плохие!

-...Они нашу молодежь развращают - наркотиками торгуют! А ты с ними чаи распиваешь! Вот скажи это на исповеди!...

...Хорошо, что священники мудрее прихожан.

Выслушав про Варварино чаепитие, о. Павел удивил своей толерантностью:

- ...Какие они молодцы, что аборт не делают!...

Сказ третий.

Про людей Божьих, веру православную зорко хранящих.

Самая животрепещущая тема сейчас - пришествие Антихриста. Поэтому часто слышит Варвара новые и новые версии.

2000 г. Лика появилась на даче у Елены с ворохом церковных новостей. Начала с главного:

- Ни сегодня, завтра Антихрист придет. Это абсолютно точно. Уже стены храма Соломона строят. Во-о такой вышины! Миша сказал.

- А что у Миши личная агентура в Израиле? - Варваре стало смешно от такой точности, - если стройка начнется, мы по телевизору узнаем. Это будет событие века.

Елена слушала, затаив дыхание.

- Просто так люди верующие не скажут.

- Я у Самуила спрошу, - пообещала Варвара, - узнаю из первых рук, что творится.

Самуил, услышав вопрос, сразу сообразил откуда ветер дует.

- Опять у вас в церкви паника? Скажи им: мечеть Омара пока стоит на месте. Никакой стройки нет. Спите спокойно...

Подобное случается часто. О всех казусах писать - бумаги не хватит.

Вторая всегда актуальная тема - взаимоотношения между конфессиями.

...После проповеди молодой священник обратился к пастве со следующим заявлением:

- Дорогие братья и сестры! Предупреждаю! Если увижу в записках неканонические имена типа Жанна, Ашот и т.д, читать не буду! Не обижайтесь!

У многих слушателей "в зобу дыханье сперло". Всегда писали, а тут на тебе - нельзя.

- Братья и сестры! - неслось тем временем с амвона. - Поймите! Подавая такие записки, вы толкаете меня на каноническое преступление. Я сам по национальности армянин, но счастлив тем, что я православный, а не григорианин-монофизит. Вы должны понимать, что эта церковь впала в пагубную ересь и тем самым отпала от всемирного Православия... И молиться о них нельзя!

После службы самые ретивые прихожане настигли о. Филарета с претензиями; как, мол, это так, св. Иоанн Кронштадтский за всех молился, а тут, понимаешь, "каноническое преступление" выискалось.

О. Филарет, всегда принимавший записки с любыми именами, огорошил их еще больше:

- А вы его не судите. Я сам такой же горячий был. По молодости бывает...

Дескать, пусть будет пока так.

Неудовольство вопрошавших как-то само собой угасло.

В своем мнении молодой священник далеко не одинок и потому говорит Аракси Варваре звенящим от обиды голосом.

- ...Да куда же это годится?! Захожу я в грузинскую церковь. люди как раз к кресту подходят. Подошла и я. Священник, увидев меня, крест убрал: "Армянам нельзя к нему прикладываться!" Да что мы, прокаженные?! Сколько у нас мучеников за Христа было! Один геноцид 1915 года чего стоит!.. А в церковь хоть русскую, хоть грузинскую зайдешь -прямо прохода не дают - "Вы монофизиты!", кричат, - и, порывшись в сумочке, дрожащей рукой достает бумагу. - Вот что нам в армянской церкви раздали, чтоб мы всегда при себе имели и людям показывали. Наша церковь официально осуждает эту ересь, как и ваша!

Да. Мы крестимся слева на право! Ну и что? Чуть не съели меня эти бабки оголтелые, когда я в церковь входила. Пошла я тогда специально к о. Филарету. Он один меня утешил. Вот он совсем другой! Как он всех любит.

Ушла я от него другим человеком

.....

Прихожане обычно все люди духовно грамотные, начитанные и многих страсть проповедывания распирает. Любимая тема - истинность Православия. Тут только слушать и слушать.

- Все они: католики, мусульмане, буддисты, григориане в ад идут. Я точно знаю. Я читала. - разрывается одна.

- ...Да, да, как хулители Духа Святого, - вторит ей другая. - Не забудьте масонов.

- И сектанты, раскольники! - вставляют сбоку.

- Ибо сказано... - скрипит кто-то у них за спиной, - некрещенные младенцы...

Варвара слушает их и удивляется про себя: "Легко же вы людей в ад посылаете!"

Во всем этом никогда не принимает участия Евгения, младшая сестра о. Гавриила (Ургебадзе).

- А что ваш брат говорил по этому поводу? - подсела к ней Варвара.

- Эх, деточка, - улыбается она, - мой брат в таких случаях говорил: "В Евангелии написано "Люби ближнего как самого себя." А копать кто мусульманин, кто еврей - не нашего ума дело. Это Господь рассудит кого куда поместить на том свете. Как же мне говорить о других, когда я не знаю, куда сама попаду....

Сказ четвертый, он же последний.

Слова молодого священника долго не выходили у Варвары из головы.

С ним, конечно, спорить трудно. Человек семинарию кончал, все каноны знает. Кроме него знатоков догматов и так хватает. Всех не переспоришь.

Тут как раз получила одно знаменательное письмо, все на ту же тему. Вот оно.

"Здравствуй!

Когда я ходил на курсы, ведущий (человек очень эрудированный, и окончивший семинарию) говорил по поводу других конфессий и религий нечто подобное, что и ты, т. е. без злобы и агрессии и предупреждал об этом слушателей. В этом же духе пишут и Гарегин¹, и митрополит Антоний Сурожский. Как раз недавно у последнего прочел, что за Православие не бороться надо, а быть Православием. Тем не менее (хоть у нас и редко) бывают разные случаи, например, в одном маленьком российском городке, батюшка отказался отпевать пожилую армянку, хотя в этом городе армянской церкви не было.

И еще один случай, мне его рассказал наш дьякон. Как-то в нашу церковь позвонила русская женщина, православная, работница одной из городских больниц. В больницу поступил армянин, бездомный, одинокий человек, очень неухоженный, в ранах, в тяжелом состоянии. Она попросила оказать ему помощь. Дьякон пошел, они вдвоем его обмыли, одели, вообще, как смогли, ему помогли. Но поскольку он был в очень запущенном состоянии, ему необходим был постоянный уход. Эта женщина позвонила в один православный приют, ей отказали. Тогда она попробовала обратиться в католическое заведение. Там с радостью его приняли. Через какое-то время наш дьякон его навещал и он был изумлен, как за ним смотрели, его выходили, окружили теплом и любовью. Спустя некоторое время этот человек умер. И вот, представители трех конфессий-православная женщина, католические монахини и дьякон Армянской Церкви вместе молились у тела усопшего каждый на своем языке, так они встретились в молитве. Затем католики его похоронили и все сделали как должно по христианскому обычаю.

Вот такая история.

Целую, твой брат во Христе."

Интересно стало любопытной, были ли в истории Православия люди, не считая особо чтимого Варварой св. Иоанна Кронштадтского, которые не лимитировали свою любовь догмами?

Не сразу, но выяснилось, что были.

Священномученик Григорий (Перадзе), затравленный в концлагере собаками, взял чужую вину на себя, чтобы спасти еврея.

Схиархимандрит Виталий (Сидоренко) молился за целые страны такие, как Лаос и Камбоджа, Чили и Вьетнам, не задумываясь о конфессиональной принадлежности живущих там.

Владыка Стефан Никитин, он умер в начале шестидесятых годов XX века - совершенно святой человек. Фотографии сохранили его необыкновенное радостное-радостное лицо. Он и сидел за веру. После войны, в 1950-х годах, его отправили в Таджикистан. На службы к нему приходили в основном мусульмане, и он молился за Ибрагимов, Абдурахманов. Приносили записочки и он поминал мусульман - а те его очень любили. И ему было очень дорого, что его звали поп-Мулла. Это, снова, - удивительное свойство смирения. Смиранный человек делает то, что, кажется, ему можно, а другим нельзя. (www.pravmir.ru **иерей Александр Ильяшенко** Tue, 19 Sep 2006,)

В процессе поисков Варвара обнаружила для себя слова святителя Филарета Московского: "Вера с любовью - вера христианская, а вера без любви - вера демонская." Что к этому прибавить?

15.09.06

Примечания.

.

.Машиах (евр.) - Мессия.

.Цицит - кисти из шерстяных нитей, одеваемые под верхнюю одежду.

Про Нону -бурчунью и духовную брань.

Варвара не раз слышала от Елены про духовную брань, но всерьез это как-то в мозги не впускала. В эпоху Интернета такое словосочетание слегка ухо режет.

И вот однажды...

Шла служба. Сбоку от алтаря стояла очередь исповедников. И вдруг в стройное пение хора вклинились бессвязные выкрики.

— ...Фашист! Негодяй!... Целую неделю готовилась... Уж так держалась... Все насмарку... До Причастия не допускает...

Перед очередью дергалась маленькая фигурка в берете и в черных очках, отчаянно жестикулировала, потрясая сухонькими кулачками. Окружающие шикали на нее.

- Держите себя в руках!
- Вы в храме находитесь!
- Выйдите отсюда.
- Не мешайте молитве!

И тем самым только подливали масла в огонь.

Нарушительница тишины, отпихиваясь локтями, естественно, защищалась.

- А это не ваше дело!

Поворот влево.

- Ты заткнись, святоша!

«Святоши» в своем праведном гневе никак не хотели затыкаться. Из алтаря уже выглядывали ребята-иподьяконы.

Не знаю как вам, а Варваре стало жалко эту маленькую крикунью. Точнее, даже не ее, а себя.

Представилось моментально - это, ведь, ее, грешной Варвары, возможное будущее. Если сейчас еще кое-как ухитрится прятать свою злость внутрь, то к 60 годам, когда нервы на ноль сойдут, будет из нее фонтаном бить тоже самое.

И Варвара, подхватив крикунью под руку, повлекла ее к выходу, изливая на нее все свое восточное красноречие, почерпнутое у старика Хотабыча.

— Выйдемте- ка отсюда, наше солнышко! Давайте вот сюда, алмаз души нашей. Расскажите мне, кто вас обидел.

Продолжая бухтеть Варваре в ухо о том, как расплодилось вокруг всякие фашисты и негодяи, Нона механически вышла за ней во двор.

Тут, на свежем воздухе, она слегка остыла, вывалив предварительно по пунктам, что именно думает о священнике, не пустившем ее к Причастию.

Потом вдруг уставилась на Варвару, сверля ее голубыми глазами через черные очки.

— Чего это ты меня так выслушиваешь?

— Я тебя хорошо понимаю, сама такая же.

— Правда? Неужели! - голубые глаза расширились в неподдельном изумлении. - Со мной же никто не общается. Даже не здороваются... твари позорные.

Ее тут же перекосило от нахлынувших воспоминаний и старых обид.

— Сколько я людям добра сделала, а они мной пренебрегают... У-у зла на них не хватает!

Варвара бросилась опротестовывать.

— Нет, это не совсем так. Вот один человек вас точно любит!

— Кто любит? - Нона аж задохнулась от неожиданности.

— О. Филарет! - удар пришелся прямо в яблочко.

— Он... да... Он знает, какая я на самом деле, - лицо ее тут же разгладилось и стало каким-то беззащитно-детским. - Он, родненький, знает какая у меня душа... Хотя я и великая грешница ... Я... я... ведь какую жизнь провела, - прикрыв глаза, качала головой. - Я же гной смердящий. Тьма тьмущая во тьме ходячая... И покаяния нет во мне... Он меня за простоту любит... Я, если пьяницу или бомжа на улице увижу, ему последнее отдам и домой иду, от жалости плачу.

В глазах у нее заблестели слезы размером с горошину.

Варвара удивлялась резким перепадам ее настроения. В голове сами собой всплывали рассказы Елены.

— ... Знаешь, как отличить, кто находится рядом с человеком? - так начала она свое объяснение Варвары на тему «Что такое духовная брань». - Когда злишься, или унываешь, значит, все, подступил к

тебе лукавый, на свою волну настраивает, все больше и больше тебя заводит. А если ты в умиротворении и всех тебе жалко, а себя ничтожнее всех считаешь, значит, рядом твой Ангел-хранитель...

Нона тем временем занервничала.

— Ах, как курить хочется... Пойдем в лесок! Не могу я здесь, в святом месте...

По дороге в парк Нона не замолкала ни на минуту в самообличении.

- Вот, ведь, страсть гадкая. Никак от нее не избавлюсь... Уж как Боженьке молюсь и все напрасно! О.Филарет сказал, что как меня на курево потянет, чтоб я сразу за Евангелие бралась. Так он, искушитель, мне так мозги заморочит, что я и коснуться Евангелия не могу.

Варвара слушала, не встречая.

— ... Я как-то помолилась Божьей Матери перед ее иконой Нечаянной радости от всей души. И что ты думаешь? Как отрезало! 6 месяцев никакого желания. И опять этот проклятый меня попутал! Убиралась я как-то на работе (тогда в одном учреждении подрабатывала). Вытряхиваю, как обычно, урны. Смотрю, начатая пачка Мальборо лежит. У меня глаза разгорелись. Такое добро пропадает! Я-то никогда его не пробовала. Дура, я дура! Выкурила одну сигарету и все... С тех пор не могу избавиться... Иной раз на хлеб денег нет, а на Астру последнее отдаю....

Явно табак настраивал Нону на философскую волну.

— Я что думаю, - рассуждала она, затягиваясь. - Почему я, когда с этой соской сижу, совсем не психую, себя, грешницу, ругаю, а всех других так жалко - слов нет. А когда в церкви на Литургии стою, прямо как пантера лютая. Чуть кто толкнет случайно, готова глаза выпарапать. Из-за любого пустяка аж трясти начинает. Боюсь, чтоб insult меня не ударил. И так уж из-за нервов зоб у меня и сердце барахлит.

Варвара не нашлась, что ответить. Пыталась вспомнить, что там еще ей Елена вычитывала из своей толстой тетради с выписками на духовные темы по поводу очередных ее, Варвариных, психов. Кажется, что-то от св. Ефрема Сирина.

«Гневливый убивает и губит душу свою, потому что всю жизнь проводит он в смятении и далек от спокойствия. Он чужд мира, далек и от здравия...»

В это время мимо них проходили несколько школьников. Глянули в сторону парочки, чему-то засмеялись и побежали дальше.

Нона проводила их беззлобным взглядом.

— Эх, смеетесь, детишки, надо мной, страхолудиной. Я тоже раньше над такими, как я теперь, хихикала. Не знала тогда, что, если кого в чем осудишь, сам потом в это же попадешь...

«Во, кошмар какой!», ужаснулась Варвара. Это что ж такое будет, если все, что она осуждала, на ее голову свалится? Просто туши свет, кидай гранату. Тогда точно от нее все нос будут воротить. Недаром ей Елена на днях дала перфокарту, оставшуюся от ее программистского прошлого, на котором собственноручно вывела:

«Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком.

Преп. Никон Оптинский.»

Велела при себе носить и раз в день перечитывать. Носить-то Варвара носит, но читать, ясное дело, забывает.

И вынула тут эту грамоту Ноне показать. Пристроилась уже Елене хвалебные песни петь, как Нона насторожилась.

- Это которая? С голубыми глазами и много на себя берет, да? Знаю ее, задаваку! Она еще к отцу Зурабу ходила в Михаила-Тверского...

Нону снова перекосило от воспоминаний. И понеслась она чихвостить Елену с отцом Зурабом вкупе, заводясь все больше и больше.

- А я о нем много хорошего слышала, - заикнулась было Варвара, стараясь переключить Нону на что-то другое. Но только вызвала очередной приступ яростного мата и новый залп уже на себя.
- ... Иди ты знаешь куда... Защитница...

Словом, пришлось Варваре ретироваться обратно на службу.

В церкви люди уже подходили к кресту. Варвару окликнула Зинаида, ее бессменный обличитель. Она человек убоженный сединой и наделенный жизненным опытом, вот и печется о младшей сестре во Христе.

- Куда тебя понесло с этой болящей? Я видела, как вы вышли. Нашла с кем общаться!
- У нее душа хрустальная, - пыталась втолковать ей свое Варвара, заранее понимая тщетность своих попыток. - Она из-за божьей плачет и такое мне рассказывала!!!
- Ты в церковь молиться ходишь или сплетни собирать? - не слушая ее, продолжала Зина, гневно морща лоб, потом обнадежила. - Погоди, попадешь ты с ней в историю!

В историю Варвара попала и очень скоро.

Заметила она как-то, что Нона в церкви уже вторую неделю не появляется. (Нона-то не в пример Варваре, ходит всегда, не пропускает). Вот и запаниковала неумная, стала ко всем приставать.

Вы не знаете, где маленькая Нона в черных очках? Она совсем одинокая. Вдруг, что случилось.

Никто ничего толком не знал. Только плечами пожимали.

Варвара все-таки провела расследование и кое-как выяснила адрес.

- Знаешь, где мужик с рогами стоит? - так начала свое подробное объяснение Ольга.
- Чего?
- Ну, памятник такой на проспекте!

Насилу Варвара сообразила, что Ольга подразумевала скульптуру Важа Пшавела - великана в бурке, а у ног оленьи рога лежат.

- ... От мужика того в бок, - продолжала толстушка обстоятельно, поправляя завязку платка у подбородка, - вправо пойдешь. Там еще одна мегрелка майки на веревке развесила - продает. Посчитай от нее третий корпус. Зайди во двор и кричи погромче. Нона не всем дверь открывает.

Так оказалась Варвара в незнакомом дворе у корпуса-хрущевки и стала выкликать Нону во всю глотку, вглядываясь в окна, авось откуда-нибудь черные очки мелькнут.

Вместо очков на крик появилась из подъезда какая-то внушительная тетка (ну вылитая Верка Сердючка) и поманила Варвару пальцем-сарделькой.

- Чего орешь? - спрашивает, и уже пыхтит от злости, как закипающий самовар. - Кто такая?
- Нону ишу в черных очках, - отрапортовала Варвара, держа дистанцию. - Вы не знаете?
- А ты ее откуда знаешь? - тетка ощупала Варвару злыми глазами.
- С церкви.

Тут копия Верки Сердючки как завопит сиреной.

- Ах, вы еще и в церковь шастаете, алкаши проклятые! Еще и сюда, наглая твоя рожа явилась, не запылилась, чтоб ее и дальше спаивать! Нону тогда пьяную соседи на улице подобрали и домой принесли. Сейчас смотрят за ней! Давай мотай отсюда, собутыльница, а то полицию вызову! - и пошла на Варвару мощной грудью.

Варвара, само собой, струхнула и боком, боком от крикливой тетки в бега кинулась. Тут не до объяснений.

- Ну что, нашла свою шипящую подругу? - спросила Зинаида с ехидцей при очередной встрече. И, узнав подробности визита, со знанием дела заключила. - Нечего общаться с кем попало!
- А как же «возлюбим друг друга да единомыслием исповемы...»? Должно же быть хотя бы элементарное общение между нами!

Э, - Зинаида заметно погрузнела и смягчилась. - Думаешь, я тебя не понимаю? Я тоже так думала, когда в церковь пришла. Мне казалось, что здесь я встречу людей, от которых веет любовью, а выяснилось, что здесь те же страсти кипят, как у меня на работе.

Поэтому и тебя хотела уберечь от лишних разочарований, - и обобщила круг деятельности Варвары в церкви. - Ходи, молись и хватит с тебя. Не надо здесь самостоятельностью заниматься.

Скоро Нона снова появилась в церкви. Пришла к Варваре извиняться.

- ... Мне соседка рассказала, как ты приходила и она тебя поперла... - Нона заплакала. - Прости меня Христа ради... Из-за меня, грешницы, претерпела...
- Да ладно, проехали! - засмушалась Варвара, не любительница таких высокопарных фраз. - Меня хотя горшком назови, только в печку не ставь!

Вообщем, помирились два ходячих осуждения. Да на долго ли, неизвестно. Духовная брань - штука непредсказуемая.

Только Варваре после всей этой катавасии расхотелось вникать, что с кем в церкви стряслось. Что ей, больше всех надо? Поумнела, наверное.

Не каждый из духовной брани выходит победителем.

22.05.07

В Зедазени.

Зинаида - жертва своей всеобъемлющей любви. Увидит, к примеру, на улице пустую бутылку и давай ругать того, кто ее оставил. Как, дескать, не стыдно засорять родной город. Споткнется о поломанную ветку и обратно примется распекать тех негодяев, которые уничтожают зеленый покров планеты и не думают о глобальном потеплении.

Телевизор для нее и вовсе источник постоянной нервозности. Увидит Зинаида бомжей в Москве - тут же разгневется и будет Лужкова с Путиным чихвостить; переключит ли на тбилисские каналы, тем более до белого каленья дойдет. Тут уж Саакашвили от нее достанется на орехи. Да еще и какие!

На старости лет себя не переделаешь. Любит Зинаида от всей души и Россию, и Грузию, вот и переживает на всю катушку, последних нервных клеток не жалея.

Варвару бестолковую Зинаида тоже любит, а, значит, и ругает ее во всю ивановскую. Вот как сейчас, например:

- ...Ты патологическая авантюристка! Твоя наглость не знает границ! - а сама, значит, мясо рубит, да так яростно, что во все стороны мясные ошметки летят. - Как только тебя эта художница Марика в дом пускает?! Разве ты можешь сделать нормальную уборку? Халтурщица!
- Что делать, - блеет обливаемая постным голосом, стараясь не улыбнуться, - «В бездне греховой валяюсь!»
- Тыфу! Глаза твои бесстыжие! - отмахивается Зинаида в праведном негодовании.
- Марика мне много чего интересного рассказывает на духовные темы.

Варвару испепеляют красноречивым взглядом, не гарантирующим понимания. Надо срочно прояснять ситуацию.

- Например, она мне недавно рассказывала, как ездила в Зедазени (1)

Настроение у Зинаиды тут же меняется.

- Ну и как там? - ее нож замер в воздухе...

Справедливости ради стоит начать с Марики, как с источника информации.

Ей 25 лет. Глаза серые, доверчивые. На вид подросток- школьница, в толпе пройдешь - не заметишь.

-... Мы на машине поднялись в прошлое воскресенье на Зедазени, - так начала Марика свой рассказ об проведенных выходных. -...Машина с трудом шла по крутой дороге в гору. Очень труднодоступное место. Но зато какая красота, когда ты на самом верху! Вся Грузия, как на ладони: тут Мцхета, там Лавра Давида Гареджийского. ... Стали мы осматривать монастырь. Он небольшой, но впечатляет. Особенно меня удивил колодец. Все вокруг - огромная скала вулканической породы. Откуда здесь взяться воде? Какова сила молитв святого Иоанна Зедазнийского!

- Видели ли вы крест? Кто его строит? - Варвара от Гочи слышала о ведущейся грандиозной постройке. Гоча часто в Зедазенский монастырь пешком поднимается и многих там знает.
- Конечно, мы видели этот огромный крест. Он должен достигать 50 метров и покрывать своей тенью всю долину. Думали, что постройкой руководит Патриархия Грузии, но, оказывается, мы ошиблись. Ее осуществляет кучка добровольцев. Возглавляет их некто Борис Николаевич. Говорят, что он пришел пешком из России после того, как имел видение, призывающее его начать стройку.

Он не подчиняется ни одному из Патриархов и действует сам по себе. Среди строителей, которые пришли к нему кто откуда, Борис Николаевич пользуется непререкаемым авторитетом и славой блаженного.

— А деньги на стройку откуда? - Варварино неистребимое сребролюбие снова вылезло наружу.

— Деньги им жертвуют, - спокойно ответила Марика. - И довольно большие суммы... Дело в том, что среди рабочих мой муж Нугзар увидел своего друга. Бросился его обнимать, целовать, и, конечно, обо всем расспрашивать. В разговоре и выяснились все эти малоизвестные детали об этом проекте энтузиастов. А среди прочего - и то, почему Ираклий бросил работу в клинике, дом в Тбилиси и поднялся сюда, чтобы изо дня в день в любую погоду класть кирпичи.

Несмотря на то, что рядом Зедазенский монастырь, эти труженники-бессеребренники вообще не заходят туда. Монахи со своей стороны не общаются с ними, считая их всех вроде еретиков-раскольников.

Нугзар, хоть и сам недавно воцерковился, стал с жаром убеждать Ираклия вернуться к Матери-Церкви.

Ираклий слушал все доводы и по его лицу было видно, что он колеблется. Но тут появился Борис Николаевич и всем своим видом дал понять, что такие разговоры здесь неуместны. Мой муж замолчал, а его старый друг снова с головой ушел в работу.

Больно мне за Ираклия, - вздыхала Марика, - такой хороший парень и вне церкви. Почему так получается, что так много хороших, чистых людей в наше время, когда так важно духовное возрождение всего народа, живут вне церкви или уходят в секты?

Не много найдется таких, кто в наше время способен на такое: бросить деньги, комфорт и уйти копаться в грязи - строить крест во Славу Божию?

— А может такое быть, - у Варвары опять забурлили в голове бредово-крамольные идеи, - что со временем этого Бориса Николаевича резко переоценят? Вот, например, о. Гавриила (Ургебадзе) при жизни многие священники не воспринимали, а теперь книги за книгами выходят и чудеса на могиле у Самтавро творятся. Жанну Д'Арк, как ведьму, сожгли, а теперь, пожалуйста, канонизировали. В истории церкви много печальных мест, которые со временем пересматривали. Может, вместо того, чтоб не общаться с этим человеком, стоит, наоборот, поближе познакомиться? В конце концов крест строит для будущего, а не казино.

— Н-не знаю, - осторожничает Марика, косясь на искусительницу. Она, вообще, человек аккуратный, все сомнения свои и грехи на бумажку записывает и к духовнику несет для детального разбора. А разные скользкие темы за километр обходит, чтоб не согрешить.

Вдруг Марика, что-то вспомнив, бросилась к святому углу и бережно вынесла оттуда бумажную иконку.

— ...А на обратном пути мы встретили монахов из Шиомгвимского монастыря и они нам подарили 2 иконки своего основателя, - и протянула Варваре образ св. Шио Мгвимского...

... Вот это все и вывалила Варвара на свою обличительницу. Зинаида монотонно резала зелень - слушала. Потом тряхнула седой головой и высказала свой вердикт.

— Темная история.

— Что тут темного? Крест-то на Зедазени стоит! Факт!

— Ну и что! - устало вздохнула Зинаида, уставшая от Варвариной теософской неадекватности. - Они же раскольники. Раз церковные журналы о них не пишут - значит, закрытая тема. Есть догмы и все. Мы люди маленькие. Нам рассуждать не надо. Надо верить, а не лезть, куда не просят. - И окончательно припечатала. - Будь моя воля, я таких, как ты, в церковь не пустила!

Варвара на сей раз язык прикусила, а про себя помыслила: «Хорошо, что Господь - Само Милосердие и пока еще меня, несмотря на все мои сомнения, в церкви терпит». По Варвариному грешному разумению в церкви закрытых тем быть не должно.

А вы, читатель, какого мнения?

Два старта.

Господи, дай мне душевный покой, чтобы принять то, что я не могу изменить,
дай мужество изменить то, что могу,
и мудрость, чтобы отличить одно от другого. — *Молитва о спокойствии (англ. Serenity Prayer; опубл. в 1951 г.)*

«В-вах, так бы взять и придушить!»- думала со злостью Варвара, поглядывая на проходящую мимо Ленку Озерникову.

Ленка, тщедушная светловолосая девочка с бледненьким личиком, медленно шла по церкви, блаженно улыбаясь и раскланиваясь с кем-то из прихожан.

На вид ей можно было дать 14. Ровный пробор посередине кукольной головки, полуприкрытый косынкой, голубые глаза смотрят по _ детски - ну, школьница 7-ого класса и все тут.

На самом деле Ленке было 25, и она уже 2 года как окончила тбилисский пединститут.

За спиной у Варвары раздалось негромкое сетование. Видно, не она одна отвлекалась мыслями от службы и глазела по сторонам.

- ...Совсем дошла, бедная. Смотри, смотри, какие синяки под глазами, и руки, как спички. От голода, наверное.

Любопытная Варвара тут же скосила глаза вбок. Две пожилые прихожанки тоже, как и она, провожали Ленку сочувствующим взглядом.

Что и говорить, у этой квелой пришибы, как окрестила ее Варвара, было полно тайных болельщиков. Но положение дел от этого не менялось.

... Ленка и ее мать Сима попали в поле зрения Варвары лет пять назад. Мать с дочерью не пропускали ни одной службы, пребывали в молчании, держались от всех особняком и курсировали вокруг панихидного стола. Мать обычно после службы уносила набитую продуктами сумку, под кодовым названием «что Бог послал». А в свободное от церкви время она продавала кульки на базаре, чтобы было чем отдавать «кесарю кесарево».

Варвара, проанализировав «базу данных», сделала вывод.

- Божьи люди. Вот кому надо максимально помочь.

От Елены и компании Варвара к тому времени уже безболезненно отошла, раз и навсегда сделав себе установку:

- От церковных фанатиков надо быть подальше.

Мятежная душа все равно жаждала бурной деятельности и не могла насытиться привычной рутинной работой. Тем более, что еще со школьных лет, проведенных в атеизме, твердо сидело неумирающее:

- «Надо жить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!».

Урвав момент, Варвара выловила в притворе Ленку и обрушила на нее лавину своих возможностей.

- Тебе в институте английский не нужен? У меня куча всяких тестов есть... И вообще, если что... имей меня в виду.

Ленка захлопала голубыми глазками и залилась смехом - колокольчиком.

- Хорошо, я буду иметь в виду.

Так Варвара оказалась в спальном районе Вазисубани, в однокомнатной квартирке - Симиной вотчине.

Оглядев мизансцену, она заключила: «Н-да, унесенные ветром». Мебель 50-х годов, которую увидишь только в деревне. Нет ни радио, ни даже старого лампового телевизора, нет самых плохоньких занавесок. Зато везде какие-то выцветшие узлы с тряпками и штук пять поломанных деревянных стульев друг на дружке. Роль стола играли железные ножки, накрытые большим подносом с хохломской росписью. Причем сидеть за «столом» надо было очень осторожно, держа равновесие и не делая резких движений, а то сложная конструкция, ничем не закрепленная, грозила тут же развалиться.

Сима развила бурную гостеприимную деятельность: нарезала крупными ломтями хлеб и сыр. Потом легла на пол и вытащила из-под дальнего угла гардероба банку с остатками меда на доньшке, сообщив.

- Это очень полезно. В позапрошлом годе покупали.

«Эге, до меня тут, видно, не ступала нога человека. Принимают от души, просто не знают как лучше», - продолжала мысленно дедуктировать Варвара.

- Руки помыть не хочешь? - робко заикнулась Леночка и тут же предупредила. - Только у нас в туалете света нет... Уже 2 года... За неуплату отключили... Я тебе свечкой посвечу.

Пока мать искала огарок, дочь рассказывала об их житье-бытье.

-... Мы после 6-ти вечера на улицу не выходим... Опасно... Грузины вокруг... А мы русские, беззащитные...

У Варвары медленно начали расти ветвистые рога. За всю свою жизнь в многонациональном Тбилиси ей не доводилось слышать ни об одном факте преступления на национальной почве. И вообще многие этнические русские, как и армяне и азербайджанцы, при ближайшем общении мало чем отличались от коренных грузин. И она, естественно, спросила.

- А вас, что, кто-то из соседей обидел?

- Не-ет, - бляела Леночка еле слышно, - но на улице все-таки страшно... Так все смотрят, когда я иду. Я по-грузински не говорю... А с соседями мы не общаемся. Лучше подальше быть.

Диагноз «унесенных ветром» подтверждался.

- А подруги у тебя есть?

- Не-а... Я только в институт, в церковь и домой.

Такого доисторического экспоната Варваре встречать не приходилось.

Уходила напросившаяся гостя под впечатлением и горячим желанием.

- Надо что-то делать... Жалко девочку. Тут Интернет, телевизор, столько интересного вокруг, а эта курица живет как чукча в чуме...

Говорят, умная мысль посещает сразу несколько голов одновременно.

В церкви Варвара засекла Леночку, когда та разговаривала со своей ровесницей.

- ...Как твое сердце? - спрашивала худенькая брюнетка в модной джинсовой куртке.

- Болит, Ниночка, - печально морщилась Лена. - Еле хожу. И желудок замучил...

- Так тебе поститься никак нельзя! - не здороваясь, влезла в разговор Варвара, яростно сверкая глазами. - Ни в коем случае!

Ленка испуганно хлопала белесыми ресничками.

- Как это «не поститься»? А святые отцы говорят: «Без поста нет спасения!».

- Да ты у любого священника спроси, - взорвалась Варвара от такого садомазохизма. - «Пост для здоровых, а не для больных». Ты на себя в зеркало посмотри. Как будто только что из Освенцим выпустили.

- Я тоже ей говорю. Возьми благословение и ешь скоромное, - поддакнула Нина. - И слышать не хочет.

Ленка только судорожно замотала головой на тонкой шейке.

- Я читала в житиях святых «Пост лечит». Как же мне причащаться?

Сколько не спорили с ней Варвара и Нина, но все их аргументы наталкивались на непробиваемую стену Ленкиной верности догматам.

Потом отошли.

- Делай, как знаешь.

Варвара подхватила Нину под руку.

- Давай выйдем во двор. Разговор есть. Здесь говорить не хочу. И так бабки шипят.

Нина послушно вышла. Во дворе на скамейке она заговорила первая.

- У меня за нее душа болит. Мы в институте вместе учимся. Она на химическом факультете, а я на «младших классах». Пыталась взять ее с собой на работу. Я недавно в Макдональдс устроилась уборщицей. А Ленка боится: «Там греха много. Одни искушения». А что делать? Сейчас время такое.

Варваре Нина понравилась с первого взгляда: «Сразу видно, наш человек».

При дальнейшем знакомстве выяснилось, что Нина Сафарова любитель активного образа жизни. Она без всякой напряги успевала и ходить в церковь, и учиться, и смотреть телевизор да еще впридачу пробовала свои силы в репетиторстве, считая, что лишних денег не бывает. При всем при этом у нее еще хватало терпения

общаться с бабками в церкви, выслушивать их ахи и охи, находя для каждой доброе слово. Само собой, глас народа был таков.

- Ниночка молодец!

Ленку она опекала, как могла. И деньги при случае совала, и звала с собой на разные жизненные эксперименты.

Варвара тоже с наскока пыталась улучшить Ленкины материальные возможности.

- Давай, я тебе учеников малявок найду.

- У меня денег на дорогу нет. И потом я не смогу. Сможешь, Нина же может. Я тебе в соседнем корпусе найду. У меня везде куча знакомых. И дети конкретные на заметке. Второй класс. Плевое дело. Отказаться всегда можно.

- Не-е, - Лена испуганно мотала льняной головкой. Я сама ничего не умею. Чему я их буду учить?

Как не билась Варвара, расточая свое красноречие, но, увы.

Прошло какое-то время, и к Варваре подошла одна прихожанка Иамзе, беженка из Сухуми.

- Я вот смотрю на тебя. Ты с Симой и Леной общаешься. Поговори с Симой отдельно. У меня жених есть для Леночки. Мне как-то неудобно. Вообще так. Парень богатый, в Сухуми дом, в Тбилиси дом. Леночка как сыр в масле будет кататься. Только он инвалид, вместо двух рук протезы. В детстве с дерева неудачно упал. Вот его родители и ищут верующую бедную девочку, чтоб восприняла его, как свой крест. Леночка, как раз то, что надо.

Если она согласится, он ей весь мир покажет.

Варвара еле дождалась конца службы и бросилась ловить Симу с радостной новостью.

- Для Леночки жених есть...

Сима, не дослушав, замахала руками.

- Да какое ей время об этом думать. Ей институт надо кончать. Ко мне тут недавно один прихожанин подходил, карточку сына показывал. Я ему сразу отказала. Пусть Лена лучше об учебе думает.

- А она, что Складовская-Кюри? Все равно после института ей негде работать. Никто не возьмет ее по специальности. Она в школе работать не сможет.

Сима молчала, не зная, что ответить. Потом решительно поставила точку.

- Не надо ей никаких женихов.

После неудачного сватовства у Варвары надолго отпало желание вообще что-то предлагать этой сладкой парочке.

Лена и Нина тем временем закончили институт. Работы в школе ни для той, ни для другой не было. Нина, подучив английский и грузинский, устроилась на компьютерные курсы. Пыталась звать с собой Лену, но получила отпор от Симы.

- Не приставай к моей дочери! Ясно?!

Нина оторопела и стала обходить бывшую однокурсницу стороной.

Обе одновременно пристроились петь в церковном хоре. Нина - на нижнем клиросе, Лена - на верхнем, с оперными певцами.

- Ну, как ты? - иногда спрашивала Варвара Лену, сталкиваясь в толпе прихожан.

- По милости Божьей, - следовал шелестящий ответ.

- Говорят, Нина в банк устроилась. Хорошо зарабатывает. А ты чего не пошла с ней?

Слабое пожатие дистрофическим плечиком.

- Меня мама не пускает. Да я и грузинского не знаю. Куда мне. Я лучше по уборкам...

- Умоляю, - чуть не присвистнула Варвара, - да кто тебя зовет? И что ты можешь делать?

- Одна наша верующая раз в неделю. Я пыль вытираю и полы мокрой тряпкой мою. Больше ничего не могу. У меня сил нет.

Прошло еще года два. Нина познакомилась в банке с грузином. Потом они повенчались.

Лена по-прежнему еле слышно подпевала в хоре.

- Как ты? - тормознула ее как-то Варвара в толпе.

Последовал дежурный ответ.

- По милости Божьей.

- Я так рада за Нину. Ходит, светится.

- Да... Многие лета...

- А ты совсем скоро прозрачная станешь.

В ответ еле слышный смех тоненьким ручейком.

- Ты бы не хотела тоже замуж выйти?

Моментальный испуг в детских глазах.

- Нет, нет... Я мужчин боюсь... Грешно...

Варвара закатила глаза к потолку.

- А со здоровьем у тебя как?

- Сказано: «последние христиане будут спасаться болезнями» - с легким смехом заключила Леночка. - Вот я и спасаюсь... Не знаю почему, зубы у меня крошиться стали. По грехам моим, наверное...

Не знаю как вам, а Варваре после этого захотелось броситься на это бледно-лиловое создание и сильно-сильно ее потрясти. Но, ясное дело, пришлось унять свою гневливость. Церковь, все-таки, как-то неприлично...

11.11.08

.....

После этого прошло шесть лет.

Ленка со своей затюканностью оставила Варваре много неразрешенных вопросов. Стоит ли бороться за свое «право на самоопределение» и тем самым перечеркивать временами заповедь «чти отца и мать», т.к. при таком прессинге без скандалов не обойтись? Или плыть по течению? Дескать, родители даны свыше и все их возрастные свисты надо принимать с пассивным смирением. «Неужели ничего нельзя изменить в этом тупике? Нет безвыходных ситуаций. Надо хотеть найти выход» - думала Варвара, кусая губы и видя как Леночка таким бесплотным облачком проплывает по церкви.

На работу в школе Лена, по предсказанию Варвары, так и не устроилась. Попыталась попробовать себя в уборщицах, но физическая подготовка скоро указала на нереальность идеи. А жить-то надо. Одним панихидным столом все проблемы в жизни не решишь. Решила попытать счастья в няньках, все ж нет таких физических нагрузок. Нашли ей прихожане два –три местечка в приличных домах. Не потянула и это. Там тоже энергия нужна. Пришлось оставить и это. Кто-то сжалился и подарил старый ноутбук. Интернет сделал определенную революцию в сознании. Лена обзавелась электронным адресом, фейсбуком и кучей виртуальных друзей, естественно, православных, воцерковленных, не подумайте ничего сомнительного. Наверно, этими друзьями и держится на плаву. Тем более, что психическое состояние у ее мамы ухудшилось не в лучшую сторону. Запреты: «Туда не ходи, и туда тоже нельзя» стали еще более агрессивными и категоричными.

Прихожане по своему старались помочь, кто-то пихал в карман лар, другой предлагал еду. Соседка Варвары Зина положила себе за правило приносить для Леночки специальные бутерброды или котлеты и заставлять есть в своем присутствии после службы.

- А иначе она не поест, кукла этакая! – возмущалась кормилица -волонтер Варваре. – Скоро ее точно в школу работать возьмут, только в качестве скелета!

Хоть бы кто эту пришибленную замуж взял! Еще в Россию мечтает уехать! Ее ветром по дороге унесет. Ты по этим интернетам лазиешь, может объявление о ней сделать по России. Даже уж и не знаю что и придумать. За кавказца она точно не выйдет.

Варвара слушала эту зажигательную речь и только, кисло улыбаясь, думала:

- Сколько таких еще экспонатов на свете, которые боятся рискнуть и хоть как-то изменить свою жизнь. Вот интересно, если и правда, свершится чудо, появится у Леночки –припевочки какая-то сумма, что она сделает изменит что-то или так и будет сидеть, как клуша.

Прямо скажем, это тонкий психологический вопрос. При желании и не из такой каши люди выбираются.

Про иеговистку, чудотворную икону и блудные помыслы.

«Мы домогаемся не победы, а возвращения братьев,
разлука с которыми терзает нас.»

Св. Григорий Богослов.

1997 г.

Асфальтовая дорожка шла между корпусов - хрущевок - ни свернуть, ни скрыться от приближающегося торнадо Варваре никак не выходило.

Торнадо неминуемо приближалось. Именовалось оно Анаидой. Раньше был человек как человек; боевой, веселый с вечной жадой справедливости, а теперь все эти качества активно работали на неутомимую вербовщицу-иеговистку в деле привлечения новых членов.

«Все. Сейчас начнется», - только и успела тоскливо помыслить Варвара как словесный вихрь обрушился на нее всей своей мощью:

— Как я рада тебя видеть! Что нового? Ты еще в этом мракобесии?! Все еще ходишь туда?! - сыпала вопросами Анаида, нервно поправляя черные волосы. - У меня, ведь, душа болит! Такой человек, как ты, гибнет в православии!

— Что, у меня такой агонизирующий вид? - отбивалась Варвара, уже предчувствуя, что основного натиска ей не понести.

И пошло, поехало. Анаида потащила свою жертву к перекладине, прибитой между двумя соснами местными аборигенами, раскрыла потрепанную Библию и, с ловкостью фокусника, вычитывая оттуда нужные места, приступила к просветительской деятельности. Только и слышалось.

—.... Глава такая-то, стих такой-то.

Уж на что Варвара сама языкатая, а в эту трескотню еле-еле успевала свое вставлять.

— Вы, как язычники, идолам поклоняетесь... - гремела старая подруга хорошо поставленным голосом. - Вот на эту тему в Ветхом Завете...

— Ну, ты скажешь «язычники»! - злилась Варвара, не зная чем отбрызнуть. - Вот, например, Владимирская икона Божьей Матери во время нашествия татар...

— Не смей меня этими бабушкиными сказками, - строчила Анаида, не вникая, - Все эти выдуманные чудеса от темных сил! - И тут же раскрыла соответствующее место.

Варвара со вздохом озиралась вокруг. Во, тошно-то как! И вокруг ничего подходящего, чтоб на светлую мысль натолкнуло. Только, вон, алкаши у пивной будки трутся и недвусмысленные взгляды на них, двух раскричавшихся сорок, кидают.

Анаида всего этого не видела - заблудшую душу из омута догматизма спасала. Тут не до мелочей пейзажа.

— А ты говоришь «иконы», - закончила она чтение очередного куска, возвращаясь к прозе жизни. - Вот с тобой лично какое-нибудь чудо от икон было? Только не надо рассказывать, что было при царе Горохе.

Варвара уж и рот разинула, чтоб постоять за 2000 -летнюю Мать-Церковь, но почему-то медлила. Факт в защиту иконопочитания вертелся на языке, да только при пересказе мог весь эффект на ноль свести...

...Внешне это выглядело так. Все присутствующие на службе стояли молча. Хор пел Херувимскую песнь.

В углу, над Варварой висел старый потемневший образ «Покров Божьей Матери». А под черепушкой копошились мысли, совсем обратные тому, что в этот момент пелось. Если совсем точно, то Варвару опять мучили блудные помыслы. Вдруг от иконы раздался треск, будто дерево раскалывается. Все стали оборачиваться на шум. К Варваре подошла Элисо, догадавшаяся о ее мысленных потугах, и потребовала.

— Сейчас же пойд и исповедуйся! Не слышишь, икона трещит!

Треск в это время прекратился.

— Это не из-за меня, - слукавила Варвара.

В ответ треск раздался снова.

Перепуганная Варвара козой отскочила от облюбованного угла и сразу все стихло.

Служба кончилась, оставив вопросы: «Что это было?». Вот и отправилась Варвара к Елене за выяснением:

- Может ли икона трещать сама по себе?

— Может, - последовал ответ без тени удивления и тут же контрвопрос. - Что, "Покров Божьей Матери" трещал?

-Да.

— Наверное, в этом твоя вина. Это чудотворная икона. На моей памяти она уже трещала.... Как-то во время службы около нее стояла одна раба Божья. Вдруг мы все услышали треск. Я каким-то образом почувствовала, что причина в ней, подошла и спросила, обратившись по имени: "Что ты наделала?" И она рассказала, что когда ее мужа посадили, ей пришлось очень туго материально и с ней произошло падение. Теперь она очень переживает и не находит в себе силы покаяться. Треск от иконы придал ей смелости для исповеди. - закончила Елена, а для большей убедительности еще и процитировала по памяти. - Как Филарет, митрополит Московский говорил: "Девство и брак не для всех, но целомудрие для всех."...

... От воспоминаний Варваре еще хуже стало. Вот бы Елену сюда, уж она бы не растерялась какой довод помощнее привести.

А свой личный опыт лучше не вспоминать. Анаида еще чего доброго жалостливую рожу скорчит и скажет:

— Ну вот, что и требовалось доказать. У тебя уже слуховые галлюцинации.

Анаида тем временем, не дождавшись личного Варваринного чуда, тактику поменяла и перешла в контрнаступление - уколола в самое больное.

— Вот скажи, - даже темп речи замедлила, как пантера перед прыжком, - а есть в вашей церкви любовь, такая, как у первых христиан была?

Варвара только вздохнула. Крыть было нечем.

— А- а, то-то же... Нету! Вот приходи к нам, свидетелям Иеговы! Увидишь, у нас совершенная любовь! Нигде такого общества нет!

Варвара только хмыкнула недоверчиво.

- Не свисти. Совершенного общества при Иисусе Христе не было. А вы кто такие?

Анаида бросилась было спорить, но потом устало сказала.

- Я, ведь, люблю тебя и твоим спасением думаю. Такие, как ты в будущем веке, обречены.

И Варвара уцепилась за эту идею, как за соломинку.

- Главное, чтоб мы друг друга любили.

На том и разошлись. Жаль, что в церквях специальных молебнов не служат об отошедших от Православия. Варвара бы длинный список подала. А-то спорить, переубеждать - ни красноречия, ни теософской подкованности не имеет.

А может, кто из единоверцев прочтет и воззовет ко Господу:

- Покажи, Господи, рабе твоей Анаиде и всем, кто с ней, красоту Православия, чудотворные иконы и Пасхильную радость.

Без того, ведь, и жизнь не жизнь. Тем более, что по иеговистскому учению душа после смерти умирает.

Про возможного террориста.

И все же, и все же я верить не брошу

Что надо в начале любого пути

С хорошей, с хорошей и только хорошей

С доверчивой меркой к людям идти!

Эдуард Асадов.

Июль 2004 года. Варвара маялась без работы и, соответственно, от безденежья. Кенты по уборкам все разъехались и до сентября ничего не предвиделось. И вдруг, его величество случай, - соседка по улице заботу проявила.

- У моих знакомых квартиранты мальчишку в первый класс хотят подготовить. Если не боишься, рискни.

- А чего бояться?

- Они чеченцы, только из Панкиси приехали. За месяц хотят ребенка русскому научить. Никто не берется. Грузинский он тоже не знает.

Варвара моментально скумекала: за месяц чему-нибудь да научит малого, и полезла записывать телефон.

Договорились они с отцом ученика очень быстро.

- Ви ходите каж день. С дэньгами проблем нэ будет, - излагал босоногий наниматель, с трудом подбирая слова. Вокруг него стояли пятеро разнокалиберных отпрысков и молча пялились на пришлицу.

- Вы ему будете говорить на русском. А мать тут же сядет и на чеченский переведет. Хамзат не тупой. Па ходу математику и английские слова сувайте. Хуже не будет.

Через месяц к школе Хамзат более или менее сносно мог отвечать на несложные вопросы, а Варвара в процессе перекрестного обучения овладела эрзац чеченским и шикарными рекомендациями в кругу беженцев.

Так началась ее карьера репетиторства и погружения в исламский мир, которое затянулось на несколько лет.

Наблюдать стык менталитетов всегда занятно, а для любопытной Варвары тем более: картинок с натуры масса, а вопросов еще больше.

...Засекла она как-то, что шестилетний Ильяс ездит на автобусе в школу сам и полезла выяснять у родителей.

- Как вы не боитесь его одного отпускать. Чужой город. Большое расстояние. У нас в школу на соседней улице детей в таком возрасте за ручку водят.

Ее попросту не поняли.

- Мы ему один раз показали дорогу, чего же еще? Он не заблудится. Там, в Чечне война идет. Нас в любой момент могут убить. Ильяс не должен растеряться в этом мире. Наши мальчики в 12 лет автомат разберут и соберут за пять минут. А тут, подумаешь, школа...

Не только Варвара наблюдала за своими работодателями, но и сама подвергалась пристальному наблюдению.

- Ты не куришь? – ни с того ни с его спросила как-то Сацита, подкладывая ей на тарелку пирожное. (Демонстрация гостеприимства была обычным делом после каждого урока, причем отказы воспринимались как «неуважение» или брезгливость.)

- Нет.

- Это как случилось? – в голосе слышалось удивление наполом с ехидством. – Все грузинки курят. Мы же видим.

- Вот и совсем не все, – бросилась Варвара отстаивать честь Грузии. – Верующие не курят.

- Ты что ли, тоже верующая? – сомнительно –оценивающий взгляд на бесплатного омбуцмена.

- Ну, вроде того, – Варваре всегда было в облом как-то проявлять свои религиозные взгляды.

- А почему в брюках и без косынки? – последовал тут же второй вопрос. Подразумевалось. Что чеченки – настоящие верующие – и вот, извольте любоваться – все, как одна: в длинных юбках и даже дома в косынках.

- Я в церковь по другому одеваюсь, – оправдывалась Варвара, пытаясь поменять неприятную тему. Но не тут-то было. Нарвалась на вполне логичное утверждение.

- А что, Бог видит тебя только там, а здесь нет?

Как известно, самое лучшее в щекотливых ситуациях тут же задать встречный вопрос собеседнику о том, что ему дорого и близко. И Варвара с жаром стала выяснять, почему только у муллы две жены и дети, рожденные в шахматном порядке, а других такого не видно.

Сацита стала подробно объяснять.

- Две жены только очень богатый человек может себе позволить. Поровну содержать, да чтоб под одной крышей не жили. Это, поверь, очень сложно....

Так или иначе наблюдения продолжались.

10-летний Абубакар что-то конючит у матери. Та отмахивается.

Как тут не встрять с вопросом:

- Что он хочет?

- Елку просит купить на Новый год. У всех в классе есть, говорит, а у меня нет.

- Так купите.

Вздых.

- Большой уже, а не хочет понять, что нам нельзя.

- Почему?

- Придут к нам гости, увидят елку и скажут, что мы христианство приняли. Позорное дело...

.... На Крещение Варвара отменила заранее урок, объяснив причину. Абубкара тут же переспросил у Мадины.

- Мам, **хую** (1) «крещение»?

- Их праздник, - быстрой скороговоркой, чтоб отцепился по быстрее.

- А что вы там делаете? – не отстает Абубакар. Тоже, видно, один психологический тип с учительницей.

Варвара с внутренним ликованием рассказала про открытые небеса и освящение воды, которая не портится.

У мальчишки загораются глаза.

- Мам, я хочу посмотреть и попробовать.

Мадина цыкает на него. Но нытье продолжается.

- Мам, это же не свинина, это просто вода.

Мать грозит сказать отцу о нездоровом интересе. Блеск в глазах медленно тухнет. Отец – это очень серьезно.

Был еще, помнится, маленький инцидент гастрономического толка.

Абубакар подловил момент, когда мать вышла на балкон, и шепотом спросил у Варвары:

- А вы свинину ели?

Вот что значит родная душа. У него тоже, видно, тяга к запретному плоду.

- Ела, - так же шепотом призналась Варвара, косясь на балконную дверь.

- А она вкусная? – В глазах неподдельный интерес естествоиспытателя.

Как тут не вспомнишь Эдем, потерянный из-за яблока и любопытства в комплексе. Потому и сказала равнодушно.

- Да ничего особенного. Ты уж мне поверь. Ничего ты не потерял. Шоколад в сто раз лучше.

- Хорошо, - удовлетворенно вздохнул Абубакар и нацелился на учебник математики.

.....

Предложения позаниматься посыпались одно за другим. О каждом ученике рассказывать – долго будет. Но на Исламе стоит остановиться отдельно.

Придя на очередные смотрины – читай договор с работодателем, Варваре пришлось продемонстрировать всю свою универсальность.

Опять схожая ситуация, как тогда, в первый раз. Босоногий отец в костюме, но без галстука (как потом выяснилось, шейные удавки мусульмане не признают) устроил ей блиц-опрос.

- Ви математику как-нибудь знаете?

- Квадратные уравнения решаю без проблем.

Терминология сработала и брови удивленно приподнялись.

- А физику?

- Закон Ома, Кулона и Ньютона помню до сих пор.

- О-о! – брови поползли еще выше. - Английский?

- Говорю на несложные темы, со словарем переведу газету.

Все места на лбу были уже заняты и работодатель издал восхищенный гортанный звук. Потом объявил вердикт.

- Научите всему, что знаете, моего сына, - кивок в сторону 15-летнего рослого парня, стоявшего скромно поодаль. – Он из-за войны 5 лет в школу не ходил. Надо нагнать побыстрее. Ах да, еще и русский, чтоб диктант писал без ошибок.

Из кармана брюк плавно возникла пачка лар толщиной с кулак, сопровождаемая известным поролем: - Проблем нэ будет.

Потом повернулся к наследнику и сказал наставление.

- Учись, Ислам! Ты знаешь, как нам эта нада.

И вышел за дверь.

Ислам поразил самозванную учительницу редким старанием, культурным обращением и максимальной концентрацией.

Варвара, что называется, запала на старательного ученика. Высокий, светловолосый, голубоглазый. В нем абсолютно не было подростковой приклатнености, привычного жаргона и прочих прибабасов, типичных для грузинского школьника.

Постепенно отношения между ними перешли в дружеско-доверительные и необходимый на первом этапе официоз исчез сам собой.

Ислам стал раскрываться с самых неожиданных сторон.

Явился как-то недоросль на урок довольно в кислом настроении. Извинился за опоздание и сел.

- Что-нибудь не так? – посочувствовала Варвара.

- Часы отца на улице потерял. Искал, искал, никак не нашел. Потому опоздал.

- Отец, наверно, ругать будет?

Молчаливый еле заметный кивок и верчение ручки меж пальцев.

- Дорогие, наверное?

- Да-а! – печальным эхом.

- А ты скажи, мол, на тебя грузины в пятером напали и отняли часы, - подмигнула ему несознательная училка. – И дело с концом. Точно ругать не будет.

- Что вы! Что вы! – отшатнулся от нее Ислам. – Это еще хуже. Во-первых, врать отцу – последнее дело. Коран запрещает.

Наверное, лукавая советчица в этот момент изменилась в лице – точно не ждала такого поворота.

- А во-вторых, «грузины отняли» - это уж точно никуда не годится. Магомед еще больше разозлится. Скажет: «Часы – плевать. Лучше бы тебя там убили, чем что-то отняли у чеченца! Позор!».

Варвара спешно переключилась на учебно-образовательный процесс, но эпизод с часами произвел на нее неизгладимое впечатление.

Время шло. Ислам уверенно щелкал дроби и несложные задачи, зубрил неправильные глаголы и допускал ошибок в диктантах все меньше и меньше. Но ни разу не обмолвился о планах на будущее, выбор профессии был покрыт таинственным мраком.

- Умоляю, для чего тебе это все нужно? – не утерпела Варвара как-то, не найдя в домашке ошибок. – Видела я ваших мужчин. В науках они точно не Эйнштейны. А дети ваши так старательно учатся. Не понятно.

Ислам помялся и начал издали.

- Понимаете, я хочу попасть в рай.

Учительница поперхнулась и закашлялась. Ожидала все, что угодно, только не это.

Старательный ученик истолковал это по своему.

- А что? Вы разве не хотите попасть в рай?

- Хочу... Но... М-м-м... Грехи не пускают.

- А вы не грешите! – просто посоветовал духовно продвинутый школяр. – Вот я, например, живу праведно.

И стал загибать пальцы. «Ну и лапища у него, – машинально отметила Варвара при невольном созерцании дланей своего любимца. – На какой спорт он там ходит? На кикбоксинг, что ли?».

- Почитаю родителей – раз. Делаю намаз – два...

«И правда так», – соглашалась внутренне Варвара с этим перечислением. Когда урок совпадал с временем молитвы, Ислам отпрашивался на 15 минут, бежал в ванну мыть ноги и потом начинал класть определенное количество земных поклонов на индивидуальном коврике. Универсальная училка сидела бессловесной мышкой рядом и думала про себя: «Кошмар какой-то. И не лень же ему! На сколько он лучше меня.» Впрочем, для объективности следует добавить, что такие перерывы на молитву устраивали и все другие ее чеченские ученики, а также их родители.

- ...Держу посты – три. Я ни разу не пил вина и не курил.

- Э, стоп, стоп, – не выдержала Варвара такого перечня добродетелей. – ты мне лапшу на уши не вешай. Как это, жить в Грузии и вина не попробовать. Что, в гости никогда не звали?

Ислам поднял на нее совершенно бесхитростные глаза. Так играть на публику было не возможно.

- Звали. Много раз. Но я говорил, что мне нельзя и грузины отставали. Коран запрещает все, что туманит сознание.

- Так зачем же дело стало? – опять не поняла Варвара. – По вашим меркам ты готовый кадр для рая. Какие проблемы?

- Чтобы попасть в рай, мне надо принять участие в терракте. Для этого надо учиться. Математика, например, нужна при стрельбе. Физика....

Если бы можно было рухнуть, она бы так и сделала. Но на момент шока прочно сидела на стуле.

- Это прикол такой, да? – первое, что пришло в голову.

- Нет, я серьезно.

На лице хоть бы уголок рта дрогнул. Будто номер ноги назвал.

И все же, может, тут какой-то тонкий блеф, проверка на вшивость.

- Ну и когда же нам тут ждать радиоуправляемый взрыв? – Варвара попыталась сюрмить, но, видимо, вышло плохо.

- Мы в Грузии этого делать не будем. – Опять тот же невозмутимый тон, подходящий для примерки обуви. «Эти жмут, а вон те, наверное, в самый раз».

- И чем бедная Грузия удостоилась такой чести? – иронизировала учительница, напрочь забыв про изложение учебного материала.

- Вы нас приняли. Мы добро помним.

- Из-за вас отношения с Россией испортились, - сорвалась Варвара. Очень уж болезненная тема сама собой вывернулась.

В ответ меланхолично – неспешное.

-Мы знаем...

Потом Ислам слегка оживился.

- Вот я вам случай расскажу. Одного нашего парня ваши грузины в интернет-кафе порезали. Просто так. Затеяли драку из-за ерунды. Он защищался. Но... Так наши старики (вы же знаете, как мы их слушаем) сказали: «Не будем ответ давать. Грузины нас приняли. Не надо мстить».

- Раз уж вы такие понятливые, вообще не надо никаких терактов нигде.

Ислам прекрасно понял географический уклон миротворческого призыва и стал заводиться.

- Они наших 40 тысяч детей убили. Вы только подумайте: ни два, ни три, а 40 тысяч! Для нас, маленького народа. А зачистки чего стоят? – И пошел перечислять ужасы двух чеченских войн.

- Господь воздаст каждому по его делам. – еле успела вставить Варвара в этот поток ненависти.

-...Эта война идет 250 лет, еще с Шамиля, - не унимался Ислам. – Вы знаете кто такой Шамиль?

- Имею представление. Читала «Хаджи Мурата».

- А кто это?

Пришлось сделать экскурс по творчеству Льва Толстого.

В дверь на шум заглянула мать Ислама.

- Это мы про русскую литературу говорим, - выкрутилась учительница.

Дверь тихо закрылась.

Ислам усмехнулся увертке, но слушал внимательно.

С первеликим трудом все-таки вернулись в тот день к математике.

Разговор этот продолжился в другой раз.

- ...Напишите, пожалуйста, за меня тему «Письмо детям Беслана», - попросил как-то Ислам т. к, сочинения у него продолжали оставаться слабой точкой из-за недостатка начитанности. – В школе задали.

Варвара в темпе вальса накатала просимое, стараясь осуждать само зло и оплакивать жертвы. Надо же было так совпасть, что жуткие кадры она смотрела по телевизору как раз в кругу семьи Хамзата.

Ислам прочел написанное и опять свернул на недавнюю тему.

- А почему вы здесь про наших детей не написали? Что, нас не жалко? У нас больше погибло.

И опять полилась волна ненависти. Мол, только терроризм восстановит справедливость.

Трудно было вставить хоть слово в его горячую речь. Дело в том, что у Варвары особенно-то и сил спорить не было. При слове «Беслан» у нее автоматически подкатывал ком к горлу. Какой уж тут диспут. Только попыталась она на другую дорожку вырулить.

- А если я случайно попаду в эту кашу? Или мои родственники или друзья в России?

Ислам нисколько не смутился.

- Скажите, что вы учили меня, сына муллы, и вас отпустят. Я же не слепой, знаю, как вы ко мне относитесь.

- Большое спасибо за души прекрасные порывы. Но те, другие, кто за компанию попал, они с чем виноваты?

Любимый ученик пожал плечами, будто отвечал на вопрос о времени: « У меня нет часов».

- Ничем. Судьба такая.

Варвара произнесла пылкойи путанную речь на тему «Бог есть любовь» с соответствующими примерами.

- Да пойми ты, кто-то должен остановиться в этой страшной цепочке зла.

Но потерпела фиаско.

- У вас неправильное представление о Боге.

Поняв, что ее не услышат, она думала с сожалением. «Эх, о Филарета бы сюда! Он бы растопил сердце Ислама своей любовью!». А то сама Варвара никудышная реклама для проповеди.

Короче, каждый остался при своем мнении. Зато в ближайшую субботу Варвара понеслась в церковь выплескивать свои впечатления на духовных соратников. Те впали в ступор только от одного факта общения с чеченцами.

- Это же очень опасно. Дикие люди. – и давай стращать про отрезанные головы, насильное обращение в ислам и т.д.

Восторга о «хорошем Исламе» они тем более не разделили, а посоветовали настучать в полицию в целях предотвращения возможного кровопролития.

А предложение читать молитву по соглашению и вовсе натолкнулось на железную стену непонимания.

- Он же некрещеный. Как можно за него молиться. Опять твои завиральные идеи.

Варвара, конечно, распахивалась.

- Вы своих любить не можете! Где уж вам такие подвиги! – Но сдаваться и не думала. – Давайте рассуждать логически. – Если есть святой Уар, кому молятся о некрещенных младенцах, то должен быть кто-то, кому молиться о предотвращении возможной гадости. – И замявшись, выдала для самой себя неожиданное. – Ну вот, например, Бесланские мученики. Чтобы они не допустили этого ужаса.

- Не выдумывай ересь, – даже Семен-флегматик вышел из себя. – Такого святого нет.

- В Евангелии сказано «Благословляйте проклинающих вас». Почему нельзя это применить к этому случаю.

- Это относилось к древним римлянам, – степенно объяснила Тамара, как всегда сохранявшая олимпийское спокойствие – предмет белой зависти Варвары, далекой от какого-либо спокойствия в корне. – К мусульманам это никак не относится.

- Ведь не случайна я там оказалась, – упорствовала пожизненная спорщица. – Промыслительно.

- Мало ли куда тебя твоя дурная голова заведет! – не выдержала Элисо. – При чем тут Промысел.

Пошумели таким образом и разошлись всяк себе мирно, как и положено спасающимся.

Через какое-то время и сами уроки с исламом сошли на нет по причине финансовых неурядиц. Варвара перекочевала к другим чеченцам, благо имидж работал на нее без перебоев.

Как-то, спустя год после описываемых событий ислам позвонил на мобильник и, путая слова от возбуждения, попросил.

- Придите, пожалуйста. Моего отца в тюрьму посадили. Финансовая полиция. Как будто он дрову украл. Он нашим беженцам бесплатно все раздавал, что «Братья мусульмане» посылали. Никаких документов не вел. Нам тут бумаги с грузинского надо перевести, в чем его обвиняют. Только денег нету, потом отдадим.

Через полчаса Варвара сидела, обложившись бумагами, и калякала посторчный перевод до писчего спазма. Ислам сидел рядом, вникал во все нюансы и время от времени рассыпался в благодарностях. Провожая ее, он заверил:

- Как деньги будут, я позвоню, отдам.

Варваре пришли на память его планы попасть в рай и она предложила бартер.

- Давай меняться.

- Чем? – не понял любимчик.

- Если пойдешь на теракт, отпусти одного человека за эту писанину.

Такого Ислам точно не ожидал.

- Обещаешь, что не забудешь?

- Обещаю.

На том и расстались.

Много воды с тех пор утекло. Больше они не виделись. Только видя очередные кадры взрывов в России, Варвара всегда всматривается в фотороботы смертников и просит мысленно: «Отведи его от этого, Господи! Он хороший. Только заблуждается. Тебе все возможно!».

5.03.14

Примечание.

1. Что такое (чеч.)

Из «совкового» поколения.

Пересматривая старые советские фильмы, нередко удивляюсь многим героям: хотя и в безбожное время жили, а видятся как настоящие христиане. Без пяти минут православные. И даже многие коммунисты и атеисты – просто готовая форма для горячего, убежденного верующего. Поменять знак – и перед нами христианин первых времен, бесребреник, мученик, проповедник.

В героях советских фильмов и книг есть соль. Сегодня человек организует партсобрание, а завтра коснется его души Христос, и он положит партбилет на стол и умрет за Господа. Ему не сложно будет всё отдать Ему – он и раньше всё отдавал. Он положит душу свою за други своя – он и раньше ее полагал. Ему даже богатства не нужно будет раздавать – он ничего не нажил. Ему не привыкать делиться и ставить ближнего впереди себя, а общественное выше личного – он это делает с детства.

Отец Димитрий Дудко, полжизни проведший в тюрьмах и гонениях за веру, был убежден, что коммунизм лучше капитализма: в коммунизме личность хотя и деформирована, но сохранна. А в развратном обществе личность разлагается. Безбожнику легче принять Христа, чем развращенному.

«О советском кино и современном православии»

Людмила Селенская

.... В воскресенье решили посидеть у Дины, расслабиться. В назначенное время Варвара и Светлана Шалвовна расположились на кухне у инициаторши встречи в окружении мисок с заготовками и наблюдали за созданием пиццы.

«Слана Шална», как ее звали скороговоркой,- это их с Диной общая мастерша из ПТУ. Для Варвары – единственный человек, с кем она давно не дерзала спорить. Зато ей можно было сказать абсолютно все, даже такое, что тщательно пряталось от своих родителей. Ни тебе истерических реакций, ни последующего прессинга и мозговывимания «Говорила я тебе!». Вместо этого желанная простота в общении, а

сопереживания ничуть не меньше да еще опыт житейский, многократно помноженный реальными историями учениц разных годов выпуска.

Сперва разговор крутился вокруг того у кого, мол, какие новости на семейном фронте и про общих знакомых, то и дело всплывала новая тема с очередным возгласом «А помните как..». Вдруг Шалвовна спросила у хлопчущей хозяйки совсем не по теме.

- Ты чего второго не рожает? А? – Точно с такой же интонацией она требовала ответ 25 лет назад в цеху Трикотажки: «Ты чего прядильную машину всю в мычке оставила? Плохо смену сдала?!».

- Куда второго? – Дина чуть протвинь с налепленной пиццей не выронила от неожиданности. Но тут же понеслась оправдываться в соответствующей тональности, как тогда «Так случайно получилось, Слана Шална!» . – одному ничего особенного дать не можем. У мужа работа то есть, то нету. Мы не в Чикаго живем!

- Замолчи, сорока ты этакая, - Шалвовна всегда умела двумя словами перекрыть любой начинающийся хипеш воспитуемых. – Еще географии ты меня не учила.

- У меня, знаете, Слана Шална, сильная депрессия! – выдвинула Дина главный козырь как преграду деторождения.

- Ой, не ерунди, пожалуйста! Откуда ты ее выкопала, эту депрессию? Все при тебе: и муж, и ребенок, и квартира – хоть на велосипеде катайся. При мне хоть такое слово не говори. – и поправила смятое полотенце на стуле.

Диана скользнула взглядом по ее руке с бугристыми суставами и замолчала...

....В 90-ые годы, когда ПТУ закрылось, Светлана Шалвовна усыновила трех племянников сирот и еще параллельно этому досматривала мать, умирающую от диабета. Все эти подвиги на фоне уборок чужих квартир и таскания ведер воды на шестой этаж. Тогда в Варкетили неделями люди сидели без света и воды. На дрова денег не было и приходилось наматывать километры, собирая хворост и шишки зимой для обогрева. Такого комплексного хождения по мукам не было ни у кого из Варвариных друзей. Хотя, может, только Елена с козами могла бы посоревноваться в этом аспекте. Но не о ней сейчас речь.

Пока Дина затеяла перетаскивать посуду на парадный стол, чтоб «культурно посидеть как люди в Голливуде», Варваре вспомнилась на миг такая картинка из совместного прошлого....

....1996 год.

-Ну, как съездили?- спросила она тогда Светлану Шалвовну после поездки в Россию за племянниками. -Да, слава Богу. Так все получилось, что я и не ожидала. Я, как получила телеграмму, что моя невестка погибла, брат в тюрьме, а их четверо детей сами себе предоставлены, так вообще себя не помнила. Пожар в голове. Как такое могло случиться? Поговорила я с мужем, что, мол, делать. Ты же знаешь, у него и характер сложный, и здоровье не то уже(на один глаз слепой), да плюс возраст ко всему, 68 лет, не мальчик. Оба мы инвалиды. Он говорит: «Надо забирать детей». Одолжили мы 100 долларов и поехали.Сперва на автобусе, потом на поезде, потом опять пересадка. Это не шутка –ехать из Тбилиси в российскую глушь через 10 границ(кто их только понаставил?!) Причем, едем и не знаем, на какие деньги будем оттуда возвращаться. Приехали. Брат в КПЗ, в райцентре. Невестку уже похоронили. Убили в драке алкаши. Ей всего 29 лет было. Царство небесное, вечный покой... Дети запуганные, травмированные, старшему 10, остальным девчонкам 8, 6 и 3 года. Надо срочно ехать. Выяснила я, что брат мой, перед тем, как всему этому случиться, заработал на

ферме 2 миллиона русскими деньгами. Пошла в кассу. Ответ известный: «Денег нет. Весь Ивановский район уже полгода не получал ни зарплат, ни пенсий». Я им говорю:

-А для меня деньги найдите. Я с вами не через дорогу живу. Откуда куда приехала! Мне сирот надо вывозить. Я у вас не на свадьбу прощу!

И чего я им такое сравнение привела - сама не знаю. Видимо, Бог меня надоумил. Только смотрю, кассиры зашушукались и говорят мне потихоньку: «Приходите завтра, выдадим».

Пришла я на другой день, деньги получила и пошла детей собирать в дорогу. Уезжаем, слышим в сельсовете гвалт. В деревне все-таки узнали, что мне деньги выдали. Приехал глав. бух. и ругает кассиров, зачем 2 млн. отдали. Оказывается, дочка у нее скоро замуж выходит, вот она и спрятала эту сумму дочке на свадьбу. А я, когда случайно про свадьбу сказала, кассиры решили, что я все знаю, перетрусили и потому дали. Я хоть в религии особо не разбираюсь, только слышала, что сиротам Бог помогает. Думаю, это правда... Год назад, ты знаешь, я умирала и выжила. Все говорили-чудо. А теперь понятно, почему. Ради них вот-она кивнула на привезенных девочек - мне была жизнь продлена. Я всю жизнь мечтала иметь ребенка, и не дано было, а сейчас вот в 50 лет троих получила (четвертую моя сестра забрала). И еще, знаешь, не перестаю удивляться. Ехала сюда, думала, во что же я их одену. Так понабежали мои подруги, как узнали, что случилось, сумками нанесли тряпок- не куда складывать....

Именно тогда, в 90-ые, беспартийная коммунистка, мастер производственного обучения, обладательница ордена Трудовой Славы 3 степени и прочая, и прочая как-то незаметно стала верующей. И сейчас совсем было неудивительно слышать как Шалвовна выпрашивала у Дианы.

- Ты почему такая нервная? А, девушка? От хорошей жизни что ли моча в голову стучает? Ты вообще в церковь ходишь?

Дина, как могла, оправдывалась.

- Я ходила. Но полностью разочаровалась. И бабки там такие противные. Помню, мне было 18 лет. Волосы длинные под косынку не помещались. Одна такая, ну точно Баба – Яга из мультфильма, схватила меня за мой хвост и шипит: «Что ты веник свой распустила, как блудница!». А я ни с кем даже тогда не целовалась. Еле сдерживалась тогда, чтоб не заехать этой старой песочнице. Я потом к баптистам перешла. Они более современные. И не грузят так: косынка, юбка и прочее. Богу, мол, сердце нужно а не прикид.

- Да оставь ты этих бабок в покое. Ты к Богу ходи, а не к людям. И меньше смотри, что по сторонам делается. - Оф, я так не могу. – занервничала Дина. – Прямо вот так никого не видеть и только поклоны бить. Не 17 век!

Шалвовна не среагировала на скрытый выпад.

- Ты просто до этого еще не доросла, - ответила ей миролюбиво. – Я в твоём возрасте ни о чем таком не думала. Только работой и жила. Смешно сказать, в светлое будущее коммунизма верила и, как могла, хотела его приблизить. Все с себя стружку снимала и вас, дурех, гоняла.....

«Гонки», были, конечно, на уровне стахановских стандартов. Шалвовна внедряла моральные устои железной рукой. Действовал строжайший дресс-код: на территории ПТУ никакой косметики, никаких джинсов и ультра-модных лохматых причёсок. Если челка воспитанницы отрастала до недопустимой длины, публично делалось 2 замечания, а на третий раз приносились туповатые ножницы. Дальше разыгрывались трагикомедии в стиле Петра I и стрижки непокорных бояр.

Детдомовским, живущим в общежитии, доставалось еще больше. За полчаса до начала занятий мастерша обходила их комнаты с проверкой на предмет чистоты. Нарушителей было жалко заранее.

В итоге, все группы Светланы Шалвовны всегда были показательными в труде, в учебе и культмассовых мероприятиях.

Словом, это был типичный «совок» со всем вытекающими последствиями, скорее типичный для России, но очень редкий для Грузии в 80-ые годы.

- ...Настолько я себя сжигала на работе, что даже кушать забывала, - вспоминала Светлана Шалвовна, попивая чай из ажурной чашки. – Тоже, глупость какая была с моей стороны. Язву желудка себе заработала в 30 лет. Плюс еще все беды учениц через себя пропускала. Вот стеноз все уже и уже делался – сплошные спазмы....

Причин для спазм всегда было по самое не хочу. Только в одной варварской группе чего только не было. Одна заявила на первый курс беременной на последнем сроке, другая периодически сбегала из дома и клеилась к шоферам автобусов (масштаб поисков, которые пришлось организовать мастеру и соответствующую группу захвата додумывайте сами), третья напрыскала себе в рот дихлофос от неразделенной любви к однокурснице. И т.д. и т.п. За весь срок обучения было как в песне «Покой нам только снится»....

-И все-таки черезчур вы того, Слана Шална, по коммунистически нас давили, - высказала наконец Дина давнишнюю претензию. – Кроме вас никто в училище так не выкладывался. То походке нас красивой учили, как будто мы топ-модели какие-то были, а не прядильщицы, то про этикет книжки нам читали, вместо того, чтоб пораньше с уроков отпустить. Или эти, как их, «сочинения о дружбе» заставляли писать.

- Ты смейся, смейся, - беззлобно отшучивалась «гроза училища». –К нам иногда такие дети приходили, как личную гигиену соблюдать и того не знали. К тарелке с какой стороны вилку, а с какой ложку класть - понятия не имели. Я в своей семье старшая была и привыкла с младшими возиться. Нас у родителей пятеро было. Мы – послевоенное поколение – очень наивные были. Особо не рассуждали. Мой папа до Берлина дошел. В доме у нас всегда был гвардейский порядок. И с вас я также требовала: честность, трудолюбие и никакой халтуры. Чего тут удивляться....

У Варвары опять внутреннее кино перед глазами закрутилось. Тоже из начала 90-ых.

— Несколько дней назад я нашла в магазине 5000 купонов, — рассказывала Светлана Шалвовна, весело поблёскивая голубыми глазами. — Наверное, кто-то выронил. Подняла и спрашиваю: «Кто потерял?»

— Почему себе не взяли?

— Нас так родители приучили, что чужое брать нельзя. Как говорится: «Нашёл — не радуйся. Потерял — не плачь». Битых полчаса я у всех в магазине спрашивала о потерянных деньгах, пока кто-то не взял, сказав, что деньги его. Иди, проверь. Но это не моё дело. Пришла на работу и рассказала нашим сотрудникам о находке. Они давай меня ругать: «5000 купонов — твоя зарплата за месяц. Как ты сглупила!». У меня и, правда, тогда было туго с деньгами.

Проходит несколько дней, приезжает моя бывшая ученица из Турции и дарит мне 25000 купонов. Рассказала я это на работе, чтобы люди вместе со мной порадовались. И, правда, все обрадовались и даже говорят «Это тебе точно Бог послал за честность».

- А какой у вас самый трудный случай был? - Варвара уже подустала от собственного непривычного молчания.

-Трудный? – задумалась Шалвовна, оборачиваясь к Варваре. – Да каждый из вас был «трудный случай». Одна ты чего мне стоила, сколько со мной перепиралась в училище, пока я тебя затыкать не начала... А так, первое, что вспомнилась - это моя Надька.... Ее с 10 лет таскали по всему городу. Была в банде. Была в то время такая бандерша Изо на Авлабаре (1). Явилась она ко мне на первый курс, потом вдруг пропала на три недели. Оббегала я все, потом в детдоме мне сказали, в чем дело. Смотрю появляется через какое-то время вся разодетая. Я ее спрашиваю: «Где ты была?» «В Ереване,» - говорит. Ну рассказала мне все. Эта Изо ее продавала. Я ей тогда сказала: «Решай сама, как ты хочешь жить. Вот твоя мать так пропала, а ее сестра живет и имеет семью. Могу тебя в другое училище перевести и продолжай жить как раньше.» она подумала и говорит: «Я у вас останусь. Только они меня так просто не отпустят.» «Ничего, - говорю, - это мы еще посмотрим. Только, смотри, за территорию не выходи». Проходит месяц, прибегает ко мне староста группы и кричит: «Слана Шална, в общежитии Надьку бьют». Оказывается, Изо какую-то девку прислала, чтоб с Надей расправиться. Потом через месяц еще двое за ней явились и стали в краже обвинять. Я их приперла к стенке и говорю: «Передайте Изо, чтоб больше никого не подсылала, а то я всю вашу малину разбомблю». Мне ведь ничего не стоило у Нади все их точки узнать и с милицией туда нагрянуть.

- А вы не боялись?

- Я тогда ничего не боялась. Сама рядом в рабочем общежитии жила пока в 38 лет замуж не вышла. Был тогда еще один визитер. Но потом все кончилось и Надя благополучно замуж вышла....

- Слана Шална, вы у нас прям как мать Тереза святая, - выплеснула Дина свой восторг.

- Да ну тебя, такое даже в шутку сказать нельзя. – засмущалась мастерша. –Всю жизнь не так как надо прожила. В церковь стала поздно ходить, на закате. И с мужем невенчанная жила. Я сейчас на старости лет

книги духовные читаю, хоть потихоньку разбираю что к чему. Одно поняла: правильно нас Господь наказывает. Слишком много мы ошибок совершаем. Вот ты, Дина, к примеру утром молишься?

- Нет, конечно, - отпрянула от нее Дина. Очень уж вопрос анекдотично звучал. - Так я всем довольна. «Слава Богу» говорю. Но вот так, систематически где у меня столько времени. И баптисты говорили, что это заблуждение.

- Потому ты такая дерганная. - Поставила Шалвовна очевидный диагноз. - Нашла кого слушать. Я, например, каждое утро 2 часа правило читаю и не могу без этого.

- Два часа?! - вскрикнула Дина, округлив глаза. Потом засмеялась. - Я же говорю, у вас скоро крылья начнут расти. Умоляю, о чем можно столько молиться?

- Как о чем. Все у Бога прощения прошу, что не так жила, в Его праздники работала, посты не держала раньше. И еще мужа своего очень осуждала. Думаала, такого бурчуна и зануду только мне как спец заказ выделили, чтоб нервы мотать. А он, когда мы с россии детей привезли, совсем с другой стороны раскрылся. Все свое сердце им отдал. На базробе (2) из-за них на солнце жарился, чтоб лишние копейки заработать. Потому так рано ушел. Вот, горюю теперь что не успели мы с ним повенчаться. Вобщем, о многом сожалею. Потом за всех ближних и дальних молюсь, за девчонок моих обязательно. Поименно перечисляю: у той чтоб муж не дрался, у другой проблема с квартирой чтоб решилась. Тамуна все никак родить не может. И за бедолаг моих отдельно, конечно.... Не досмотрела я их... - и она замолчала, стала искать в сумке что-то.

Варвара знала причину этой тоскливой паузы.

Это был предпоследний выпуск Шалвовны. 91-ый год. Развал Союза, забастовки, перебои со светом. Какой уж тут учебный процесс.

.... - Сколько я с ними воевала. - рассказывала она через силу. - «Девочки, соблюдайте себя, не пейте, не курите. Почему вас ваши матери в детдом сдали? У вас у всех предрасположенность. Покатиться легко, потом не остановишь». Одна мне еще права качать вздумала: «Не ваше дело!» - и очень смешно передразнила наглую интонацию. - Я ее в пустой класс завела и налупила сильно: «Я тебе, босаявке, покажу какое мое дело!»...

Великовозрастные ученицы слушали это молча. Обе хорошо знали, что ничего тут не преувеличено. К этому крайнему средству Шалвовна прибегала крайне редко, когда все остальные средства педагогического воздействия были исчерпаны. Видно, та девчонка ее сильно достала.

- Вот тоже и в этом каюсь, - продолжала мастерша. - Сироту избил. А она уже на том свете давно. С чем я туда приду?.. Э, что долго говорить. Не уберегла я их.... - ее глаза с красными прожилками заметно покраснели. И Диана, сидящая ближе, стала гладить ее по руке, успокаивать. - Не берите в голову, Слана Шална. Зато сколько людей вас помнят и любят.

Потом все-таки свернула на ту злосчастную группу. - В итоге, что там было потом с этими девочками?

- Как вышли в рабочее общежитие, все пошло - поехало. Я им уже никто была. Стали парней туда таскать и пить всем «обществом». Их и выперли оттуда первыми. Прямо на улицу. Как раз причину нашли хорошую. Трикотажка стала сворачивать производство, из Узбекистана хлопок перестали получать, общежитие стали приватизировать. Эх, был бы Советский Союз, я бы до Совмина дошла, но их комнаты бы отвоевала. А тут вы же помните, Гамсахурдия у Дома Правительства каждый день митинги устраивал. «Голодная, но свободная Грузия!» Кому в этой каше нужны были мои детдомовские? Они и рванули турков обслуживать, легких денег захотелось. Дальше был вопрос времени. Кто спился, кто так сгинул. Ленку муж по пьяни убил. Двое детей остались. Я у нее на похоронах была. Наши с той группы приходили прощаться. Рассказывали, что за три дня до смерти видела она во сне двоих с ее группы, кто раньше погиб. Приходили они за ней... А ты говоришь, - она снова повернулась к притихшей Диане, - зачем столько молиться. Их, кроме меня, некому поминать.

- Слана Шална, - Диана решила сменить грустную тему на что-то более жизнеутверждающее. - Вот вы за других просите. Все ясно и понятно. Вы наша общая мама. А почему вы свою жизнь как-то улучшить не хотите?

- Я о себе прошу, когда что-то надо и у меня все исполняется. - Шалвовна ответила просто, без тени превозношения, свойственного замолившимся верующим. - Меня Господь слышит.

- И что вы такого выпросили? - Дина недоверчиво поджала губы гузкой.

- Мне, например, клиенты по уборкам нужны были хорошие и вот они у меня есть. Ремонт захотела, чтоб жить в чистоте и это пожалуйста – разные люди помогли. Знаю, куда ты клонишь, – Тут Шалвовна засмеялась. – Успокойся, дорогуша, я уже другую работу не потяну. Сама посуди. Хотя я грузинка, но грузинского так и не осилила. Компьютер тоже не для моих мозгов. Так что в офис или парламент меня точно никто не посадит. Я у Бога реальное прошу, а боинга с мерседес-бенцом мне даром не надо.

У Варвары как-то сами собой замелькали картинки из прошлого.

... Июль 2001 г. Палата военного госпиталя. На койке с серыми, застиранными простынями старушка с обрубком ноги – ампутацию пришлось делать, чтобы остановить гангрену, возникшую на фоне диабета. Старушка плохо слышит и почти ничего не видит. Сейчас она спит. Рядом Светлана Шалвовна. Пользуясь недолгим отдыхом, она рассказывает Варваре свои мытарства.

-...Какая же она неподъемная! Вроде и веса нет, а от кровати не оторвешь... Дали маме мочегонное, я думала конец мой пришел. Она мочилась каждые полчаса. Попробуй подними ее на это огромное судно, потом опусти. Мне, ведь, больше 2-ух кило поднимать нельзя после той операции. У меня так все разболелось. Думаю, все, надорвалась. Лежу и молюсь: «Господи! Прикоснись ко мне Своею милостью!» И что ты думаешь, боль вскоре прошла, будто ее и не было. Встала я другим человеком и давай ее белье менять. А она то плачет, то психует: «Что вы со мной сделали? Где моя нога?» Пытаюсь ее успокоить, а она свое.

Тут старушка проснулась и рассказ был прерван....

Дину такой альтруизм совершенно не удовлетворил. Даже, наоборот, разочаровал.

- Ох, подумаешь, клиенты по уборкам, ремонт в полторашке. Это бытовуха. Вы так уверенно говорите, как будто у вас и, правда, что-то необыкновенное было.

Мастерша улыбнулась, как человек, обладающий неоспоримым преимуществом.

- Дин, хочешь верь, хочешь нет, и необыкновенное у меня тоже было. Я 2 года подряд открытые небеса на Крещение видела. И еще Матерь Божью во сне.

Вот слушай, как дело было. Я в Витебске родилась, папа туда после войны демобилизовался. Там на площади была церковь закрытая. Там, где перекресток улицы Ленина и Фрунзе. Склад в ней находился. Единственная действующая церковь тогда на Марковщине была. Мне очень хотелось туда попасть. Но родители меня туда, естественно, не водили. И вообще о Боге нам тогда никто не говорил. И вот, как-то в семь лет я увидела сон. Будто нахожусь я внутри этой церкви и вижу перед собой большую Женщину в красном плаще с Младенцем. Вдруг все вокруг стало рушиться, а Она накрыла меня своей одеждой. И только, когда мне было 16 лет и наша семья переехала в Грузию, я узнала кто мне снился. Здесь люди больше в церковь ходили. Не афишировали, конечно. Но таких строгостей, как в России, не было. Крестилась я тоже поздно. В зрелом возрасте. И только недавно в Самебе (3) купила икону. А на ней именно такая Божья Матерь, какую я видела в детстве. «Споручница грешных» называется....

Потом Шалвовна засобиравалась домой. Стали прощаться. Мастерша, стоя у порога, притянула к себе Дину и, обнимая, попросила.

- Ты уж, лапушка, возьми себя в руки. Не распускайся. Глупости всякие баптистов- иеговистов из головы выкинь. И рожай второго, пока можешь.

- Я подумаю, - засмущалась бывшая воспитанница. И, не выдержав требовательного взгляда голубых глаз, пообещала активнее. – Чесслово, подумаю. Только не смотрите на меня так.

- Ну, значит, не зря повидались, - удовлетворилась этим Шалвовна и пошла спускаться по лестнице.

28.03.14

Примечание.

1. Район в Тбилиси.
2. Базар (гр. Искаженное.)
3. Собор Пресвятой Троицы в Тбилиси, второй по величине в Европе.

Не смогла оттолкнуть.

«Мы не выбирали ни страну, где родимся, ни народ, в котором родимся, ни время, в котором родимся, но выбираем одно: быть людьми или нелюдьми».

Патриарх Сербский Павел.

2014 г. На фейсбучный запрос о дружбе пришел сногшибательный ответ.

« Извините, я с грузинами не дружу. Вы должны публично покаяться в том, что все грузины фашисты и они виноваты в геноциде осетинского народа».

«Нда», - подумала Варвара, перечитывая по второму кругу отворот-поворот. – «Где Кура, где мой дом!».

Ни в каких военных действиях двадцатилетней давности она участия не принимала и никого не убивала. И вообще она по жизни категорически против любого национализма. И в частном и в целом она чистый миротворец, только голубой каски не хватает для полной схожести. А тут такой поклеп.

Хотя с другой стороны это, видно, ее бумеранг задел, запущенный давным-давно.

И из глубины памяти вынырнули строчки Асадова.

Где-то струсил. Когда – не помню.
Этот случай во мне живет.
А в Японии, на Ниппоне,
В этом случае бьют в живот.

Бьют в себя мечами короткими,
Проявляя покорность судьбе,
Не прощают, что были робкими,
Никому. Даже себе.

Параллельно рифме закрутилось видео для внутреннего пользования.
.... 1992 г. Проходная Трикотажки. Из прядильного цеха выходит кучка людей, подгоняемая окриками толпы рабочих сзади.
- Давайте, убирайтесь отсюда!
- Ах вы, негодяи!
- На нашей земле живете.
И всякое такое нелицеприятное.
Среди выгоняемых 70- летняя бабулька Дуся, которая еще вчера работала с Варварой в бригаде чистильщиков.
Сама Варвара молча наблюдает неприятную сцену, потом спрашивает у особо рьяной гонительницы Сопы – ее бригадира.
- Почему их гонят?
- Потому что они осетины!

- Ну и что?

- Они свои дома здесь, в Нахаловке (1) продают, чтобы осетины в Цхинвали на эти деньги оружие покупали и наших бы убивали! – и толкает Дусю в сутулую спину. – Иди, давай! Шевелись!

Тогда Варвара промолчала... Так и остался с тех пор в душе какой-то неприятный осадок. И ситуация то какая идиотская. Если разобраться - где Дуся и где то оружие. И причем тут остальные. Но в подобных сценках большинство людей или подчиняются массовому психозу или стараются не высовываться. Ибо «кто не скачет, тот москаль» (или осетин, армянин, азербайджанец или еще кто-нибудь неугодный на данном этапе).

С чего началась та заваруха, в начале 90-ых годов, Варвара не вникала. В подобных конфликтах, которые как будто под копирку писаны, «за территориальную целостность» у каждой стороны своя версия, а дальше идет цепная реакция зла, захватывая все новых и новых людей, не имеющих к началу никакого отношения.

У конкретной Варвары при слове «осетины» сразу же возникала ассоциация с Ольгой Семеновной - мастершей из грузинского сектора и еще 2-3 девчонками из группы. Сокурсницы как сокурсницы - ничего особо примечательного. А вот про мастершу стоит сказать отдельно.

Тогда, в начале конфликта, поговаривали, что Ольга Семеновна наотрез отказалась уезжать из Тбилиси, сказав:

- Здесь я родилась, здесь и умру. Это моя родина. Будь что будет.

Каково ей было на работе, где коллеги тогда постоянно муссировали тему «Грузия для грузин», оставалось только догадываться. Неконфликтная по натуре, она, наверное, просто отмалчивалась. Тогда как Светлана Шалвовна, к примеру, не боялась спорить и высказывать свое мнение.

Ух, какие страсти кипели тогда. Чуть какая возможность посидеть, так сразу диспут на тему: "Почему в Грузии все так плохо?" Одни нац. меньшинства обвиняли, другие - Гамсахурдия, третьи кляли Шеварднадзе. Любое застолье обычно переходило в жаркий спор до взаимных обид.

Кинопроектор внутренний дальше стал кадры показывать.

.....

1993 г. В гробу, посреди небольшой комнаты лежала женщина со спокойным умиротворенным лицом в своем единственном выходном платье.

Сидящие вокруг тихо перешептывались, кивая на нее: "Как будто улыбается бедная Оля!"

Около гроба сидел смуглый черноволосый мальчик лет 16-ти, обхватив руками голову, с надрывом оплакивал ее по-грузински:

«Мама, мамочка, почему ты меня оставила»..

В этом возрасте мужчина должен стоя принимать соболезнования, не выказывая своих чувств. А Шалва плакал и не стеснялся ни своих слез, ни подруг матери.

Женщины то и дело всхлипывали: «Бедная Оля, как рано ты ушла!». 53 года - не возраст. Жить бы, да жить.

Варваре вспомнился разговор год назад в учительской. Бывшие ученицы часто заходили в ПТУ поболтать на равных с учителями и мастерами. Что их всех туда тянуло?

Сейчас уже и не вспомнишь, почему вдруг Ольгу Семеновну потянуло на откровения с Варварой.

- Я знаю, я скоро умру,- сказала она, задумчиво, глядя перед собой. Слушать это от цветущей женщины было странновато. «Да, да - повторила она, перекрывая Варварины возражения,- Это так, я сон видела года 2 назад. Будто кто-то прилетел с неба и сделал мне на пальце насильно 3 надреза. Сперва думала: 3 дня или 3 месяца. Но прошло и то, и это. Теперь я понимаю, это значило три года. И вот еще что. Я просила Бога, чтобы дал мне время моего Шалву хоть как-то поставить, на ноги. Сейчас я вижу, что он действительно изменился. Значит, время мое близко, - и она замолкла.

(Все в ПТУ знали, что Шалва приемный. Все, кроме него самого. Шалва, заводной, неуравновешенный мальчишка, был ходячей болью этой тихой, незаметной женщины.)

- Какой он был трудный ребенок, - сказала она, качая головой и прикрыв глаза, вспоминая - ..Какой трудный! И вообще я хотела девочку. С девочкой легче. Когда мы с мужем поняли, что детей у нас не будет (я поздно вышла замуж), стали ездить по детским домам, присматривать ребенка. Я хотела светлую, голубоглазую девочку, чтоб на нас была похожа. Приехали в один детский дом в

Азербайджане, показывают нам детей. Смотрим, нет и нет того, кого мы ищем. Собрались уже уходить. И вдруг ко мне сзади подбежал трехлетний мальчик, черный как таракан, обхватил меня за ноги и сказал: "Мама". Я заплакала и не смогла его оттолкнуть. Взяли его. Видно Бог так захотел, - вздыхает она, - Привезли его домой. Тут выяснилось, что он совершенно неуправляемый. Что он вытворял! Ни слова, ни уговоры - ничего не действовало. Я думала, что я не умею воспитывать. Даже поседела раньше времени.... Сейчас вспоминаю и удивляюсь, как я это все выдержала... В школе учился очень плохо. Рассеянный, невнимательный, не мог сидеть на одном месте... Что это было! ... Я все молилась, чтоб он как-нибудь образумился... Хотя и молитв толком не знаю, так свечки иногда зажигала в церкви. Постепенно стал он меняться. Тише стал. Закончил 8 классов. Перевела его в училище, чтоб какую-нибудь специальность приобрел. Меня ведь скоро не станет... - она снова замолкла, уходя в свои мысли.

Варвара тем временем снова увидела себя в тесной комнате. Мерцает у гроба лампада, горящая в банке из-под майонеза. Шалва, не умолкая, разговаривает с мамой:

-...Мама, милая, никто мне тебя не заменит.

Тут же сидит педсостав и, вытирая платками глаза, переговариваются в полголоса: "Только - только ведь Шалва повзрослел, серьезным стал. Сердце Олино взял, характером на нее похож. Бедная даже и порадоваться толком не успела..."

Рядом у дверей молча стоит ее муж, смотрит невидяще перед собой. Ходили слухи, что, что он во многом был не прав перед ней.

Параллельно вспоминается тот разговор в учительской.

-... С отцом он не ладит, - вздыхает Ольга Семеновна. - Очень я из-за этого переживаю, но поделаться ничего не могу, стараюсь сгладить острые углы.. Мой мальчик, как порох. Несправедливость не любит. А я скандалы не люблю.

...Я еще из-за чего переживаю - Шалва к баптистам ходит. С одной стороны хорошо: не пьет, не курит, не матюгается, как наши остальные мальчишки во дворе. А у меня душа не спокойна. Они же сектанты. Я хоть в церковь сама редко хожу, ничего как следует не знаю, только понимаю, что церковь - это совсем другое. Как его переубедить - ума не приложу. «Мама,- он говорит,- Я же ничего плохого не делаю.» Все же как-то не то,- вздыхает она печально,- Недавно рис им там давали, так он свою порцию домой принес, радуется:"Вот мой паек!". ...Смешной какой,- и тихо смеется своим мыслям. - Знает, что нам трудно. Я одна работаю, муж безработный да еще свекровь с нами, лежащая. Я за ней смотрю. Молюсь, чтоб мне раньше нее не умереть. Замучаются они с ней без меня...

Она пережила свою свекровь дней на 40 или чуть больше. Ходила на работу до последней недели. Замечали люди, что она какая-то вялая, но не больше. Потом она слегла. Врач посмотрел, только рукой махнул: "Запущенный рак. Чего раньше не привезли?"...

.. Мальчик у гроба смотрит, уставившись на огонь лампадки. Пожилая женщина в черном платье, ее сестра, подошла к гробу, запричитала:

- Знала ты, бедная, что у тебя. Никого беспокоить не хотела. .. С открытой раной в груди на работу ходила. В сумке вату носила...Отмучилась теперь....

Подруги шушукались.

- Пожалел Бог Олю. При раке люди сколько мучаются, а она только последнюю ночь кричала....

Потом подошли к мужу и сыну попрощаться. Варвара увидела, как Шалва неумело перекрестился, и подумала: может, и правда, со временем отойдет от баптистов, молитвами матери.

Год спустя после похорон собрались сотрудники отметить ее годовщину. Принесли, кто что мог, и сели за стол. Политику в этот раз никто не трогал.

Много было сказано о Ольге Семеновне хорошего и доброго. И Светлана Шалвовна в конце подытожила:

- Не помню я, чтоб она с кем-то была в ссоре и не разговаривала, не помню, чтоб осуждала кого-то или жаловалась на свою жизнь. И потому думаю, что Оля теперь у Бога...

Все закивали, соглашались...

...В 1995 расформировали училище, все разошлись кто куда. Следом и сама Трикотажка ушла в небытие. Все станки сдали в металлолом. Иногда бывшие коллеги встретятся на улице или на чьей-то панихиде, поохают о старом и нет- нет да и вспомнят Олю...

...

В 2005 году случился еще отголосок той давней истории.

Дело в том, что в рабочем общежитии на Зестафонской улице, где когда-то жили Светлана Шалвовна и Ольга Семеновна, обитала прядильщица Нана Зарандия с 2-мя детьми. (Вообще, их совместное житие запросто можно в сценарии переложить «Тбилиси слезам не верит». А начало такое: « Жили- были три подруги». Эпохальная вещь получится.) Ее старший, белобрысый Имеда (2) вырос вместе с тем самым «неуправляемым тараканом» Шалвой. Потом их родители получили квартиры от фабрики, но дружба осталась.

Нана, нарожав еще троих детей, после развала Союза вконец погрязла в долгах и в итоге потеряла квартиру. Имеда, отслужив срочную при Шеварднадзе (тоже незабываемое времечко было, когда наши солдаты в разных туфлях и тапках ходили), завербовался в Ирак в надежде заработать братьям и сестрам на жилплощадь. Пробыл он в Ираке полгода, уже и долгожданная квартира замаячила впереди, как вдруг их часть перевели на осетинскую границу. Подразумевалось чуть что не так и сразу в бой с сепаратистами. Тут ему, видно, что-то вступило в голову. Он позвонил матери и сказал так:

- Мам, я не буду стрелять в своих. Знаешь, тетю Олю вот вспомнил.

И дезертировал из части. А с ним еще 70 человек таких же умников. Тоже, наверное, «своих» осетин каждый имел в виду.

За нарушение контракта им штраф огромный навесили 10000 лар. Пока не выплатишь – с документами проблема, ни на одну официальную работу не возьмут .

Нана поначалу сильно убивалась.

- Как же Имеда себе жизнь поломал. Ни жениться теперь не сможет толком, ни нормальную работу найти. Криминал какой.

Успокаивали ее старые подруги, как могли.

- Что поделаешь. Все образуется. Не смог человек. И мы б, наверное, не смогли.

С другой стороны территориальная целостность крошечной Грузии, присяга - тоже не шуточки. Сколько людей из-за этого погибло.

Варвара не дипломат и не военный эксперт, чтоб разбираться в таких запутанных вещах. Только знает простую истину, если человек захочет, то на Луну полетит, а земные дела тем более разрулить бескровным путем можно, если опять-таки очень постараться.

Кто это из умных так красиво сказал, что человек от зверя отличается тем, что может чужую боль воспринять как свою?

Когда-то Ольга Семеновна не смогла оттолкнуть незапланированного мальчишку, потом Имеда не смог стрелять в «своих». Значит, все путем, все нормально. Жизнь продолжается.

22.05.2014.

Примечание.

1. Район в Тбилиси.
2. Грузинское имя, которое в переводе значит « Надежда». Его носят как мужчины, так и женщины.

Проблемное приданное.

Старайтесь дойти до младенческой простоты в обращении с людьми и в молитве к Богу. Простота - величайшее благо и достоинство человека, Бог совершенно прост, потому что совершенно благ. И твоя душа пусть не двоится на добро и зло. В простых сердцах почивает Дух Божий.

Схиигумен Савва

2006 г.

.... – Я вчера так орала на нее, соседи, наверное, решили, что надо срочно либо скорую либо патруль вызывать, - рассказывала Нанули- мас (1), судорожно стискивая кулаки от бессилья.

Она зашла к Шалвовне на часок излить душу за утренним чаем. Зоб у нее прямо ходуном ходил от вчерашнего стресса. Сколько лет бедняга щитовидкой мается, а денег на операцию наскрести не может.

Шалвовна, ее старая подруга еще с рабочего общежития, мыла в это время посуду, стоя к рассказчице спиной. Кто-то несведущий мог бы расценить такое отношение, как явное бескультурье, но т.к хозяйка и гостя знали друг друга добрые полвека, то давно уже не обращали внимания на подобные реверансы.

Нана итак знала, что ее внимательно слушают, давая возможность выговориться.

- ...Я ей говорю: «Тазик поставь куда-нибудь!». Эта ишачка возьми и на горячую плиту его – брах. Пластик по решетке плавится. Вонь жуткая. А я в это время в ванне в стиралке белье прокручиваю. Не поняла сразу, что случилось. Выбежала, смотрю, вся плита в зеленой пене. Кричу ей: « Я того душу мотала, кто тебе аттестат зрелости при коммунистах выдал!» 35 лет – ума нет и не будет!!!!...

- Нан, - шум воды в кране затих и Светлана Шалвовна повернулась страдальце лицом. – Ты же знаешь Карину. Не принимай близко к сердцу. Оставь, как есть. Это клиника...

Такой миролюбивый комментарий вызвал только новый взрыв эмоций.

- Светлана, я без тебя знаю, что это непробиваемое УО со справкой. Но за что мне такое счастье?! А?...

Карина Алоева в качестве неопишемого счастья не нужна была никому. Даже собственной матери, сдавшей ее в Цхнетский детдом в самом розовом детстве, но предусмотрительно записавшей дочь в ордер на квартиру для увеличения жилплощади.

Из одного детдома Карина в свое время перекочевала в ПТУ на Трикотажду, где и работали мастерами две подруги Нанули и Светлана. Что Алоева вытворяла в училище, то давно быльем поросло и еще как-то с натугой можно было списать на хрупкую психику подростка. Выпустившись в рабочие и обосновавшись во взрослом общежитии, Карина как-то завалилась к Нанули в 1991 году в гости и.... осталась надолго.

Варвара знала всю эту предисторию утренних бурных эмоций и потому сидела молча напротив Нанули – мас и слушала про очередную серию подвигов приживалки.

- ...А позавчера, что она мне устроила?! Сидит Годердзи, мой муж, телевизор смотрит. Курьер (2) как раз идет. Вдруг Карина как подскочит с места и давай по кнопкам цкапанть. Годердзи матюкается: «Оставь мой Курьер на месте!» . Карина его в ответ последними словами кроет и еще в драку с ним лезет. «Ты кто здесь такой?!» - визжит. Ей, представляешь, индийское кино вдруг захотелось. Крик, шум на весь корпус. Я вокруг бегаю, разнимаю. Годердзи выпивший и красный, как этот чайник, на меня орет: «Нормальные бабы приданное с собой приносят. А у тебя вместо приданного Карина – недоделанная!»...

На вид Карина – неказистый темнокожий пацан в вечно обвислых джинсах и клетчатой рубашке. Ростом до полтора метра не дотягивает, зато неординарного в ней – «саратовская степь».

Ехали как-то все вместе на метро к кому-то в гости. Чуть со стыда не сгорели.

Увидела Карина какого-то в дым пьяного мужика и бегом к нему, людей расталкивать, будто брата родного встретила. Ему плечо подставила, потащила к скамейке, да еще других с мест согнала, чтоб жертве бутылки комфорт создать.

Или бывает иногда и так. У Карины что-то, видно, замкнет внутри и она к незнакомым девчонкам клеится начинает. Те, естественно, шарахаются от нее.

Интересно, как такой перекося в психике называется, напрягала Варвара свои не слишком разветвленные извилины. Трансвестит, что ли, у которого в мозгах свистит. Только, жаль, уточнить не у кого. Нанули с Шалловной в таких дебрях не разбираются. Просто принимают данную Карину как стихийное бедствие – без рассуждений.

Итак, что мы имеем, анализировала Варвара хиленькую базу данных, попивая остывший чай и поглядывая на Нанули.

Глава семьи: Годердзи – чабан. В Тбилиси бывает наездами, этак раз в месяц, а то и реже. В остальное время, опершись на палку, стоит – наблюдает своих овец на высокогорном пастбище в Душети. Как-то не представляется, чтоб он там, среди альпийских лугов размышлял о духовном делании и Иисусовой молитве. Не тот типаж. Тем не менее, почему-то терпит у себя дома такой чемодан без ручки, как Карину.

Его супруга Нанули, в прошлом прядильщица 5 разряда. После рождения детей стала мастером в ПТУ, чтоб не выходить в ночные смены. Внешность соответствующая, прямо скажем, не балетного телосложения. Про таких говорят «ломовая лошадь». Т.к. вся жизнь ее постоянный беличий круг «готовка - стирка – уборка» за четырьмя детьми и плюс еще работает без выходных, то на базробе (3), то чужие паркетки драит.

Их дети: Имеда, Саломе, Натела и Демури по низходящей в разнице в 2-3 года. (Был и пятый ребенок, но умер.) Только кутерьму создают, никак не располагающую к самосозерцанию и борьбе с помыслами.

Впрочем, все семейство о существовании подобных вещей даже и не догадывается. К религии отношение такое: все крещенные, время от времени заходят в церковь поставить свечи и выйти с чувством выполненного долга.

Да, еще маленькое дополнение к семейному портрету в интерьере. В их 3-х комнатной с минимумом мебели еще семья брата Нанули с тремя детьми обитает – беженцы из Абхазии. Который год живут, все никак с отдельным жильем у них не получается. Тоже, значит, спокойствия явно не прибавляют своим присутствием.

И, как венец всему – главный нервосъемщик Карина Алоева собственной персоной.

Только надписи не хватает: «Нервных просят не смотреть!».

-... В итоге чесотку ты залечила или нет? – спросила в этот момент Шалвовна, нарушая стройный ход Варвариных мыслей.

- Ой, не спрашивай, Света, - нахмурилась Нанули. – Все, что от Карины приходит, очень долго потом не уходит. В позапрошлом месяце только вшей у детей вывела, в этом месяце – хлоп – чесотку нам принесла. Уж такая грязнуха. И где она это цепляет, не понятно. Тем более, моя Нунука за Кариной хвостом ходит. А Карина ее все на руках таскает. Влюбились в друг друга – что ты скажешь! – Нанули поднялась и стала убирать за собой посуду со стола. Параллельно продолжала.

- Новый анекдот я тебе расскажу, Светлана. На базробе, где я туфли продаю, Карина целую легенду многосерийную сплела. Витом (4) у нее муж был, которого на абхазской войне убили, а Натела ее дочка. Тоже мне, вдова офицера. И люди, представляешь, верят ей. В начале те, кто рядом торговал, решили, что Карина - мой любовник. Нугзар, сосед по ряду, так и сказал: «Чего тебя на курда потянуло? Что, своих грузин рядом не хватает?».... Нет слов у меня, нет слов.

Нанули на нервах чуть чашку не хлопнула об раковину, но ухитрилась поймать на лету. Реакция у нее как у фокусника.

- ... Потом с трудом разобрались, что Карина это *она*, а не *он*.... Сколько я страху натерпелась, когда на моих глазах она драку затеяла и ей голову бутылкой разбили. Потом скорая приехала швы накладывать...

«Ну и ну! – мозговала Варвара про себя. – «Да это не человек, а какой-то блиц-тест на выдержку!». В слух же выдала давно продуманное решение проблемы.

- Карину надо культурно попросить покинуть территорию.

Тут Нанули и Светлана Шалвовна одновременно повернулись на звук реплики, будто ослышались.

- Как «попросить»? – не поняла владелица проблемного приданного. – Куда? Ей же некуда идти. Совсем. Из общежития ее давно турнули. Да, она литрами мою кровь пьет, но что делать. Раньше ее еще можно было куда-то пристроить. А теперь даже психушка платная.

Тут Нанули глянула на будильник у полки и засобиралась на свою торговую точку.

Варвара со своей мастершой тоже следом вышли. Пока шли к метро, все об услышанном говорили.

- Знаешь, я бы так не смогла, - призналась Шалвовна. – Честно тебе скажу. Она у Нанули как большой старший ребенок. И обстирывает она ее и всячески возится. Уж насколько я гостей люблю и общение, но такую бы держать у себя не стала. Пусть меня Бог простит. Легко и приятно общаться с культурным и аккуратным человеком, а такое чудо в перьях кто выдержит. У Нанули характер другой. Шебутная она, вроде как сама несерьезная, особо ни над чем не закичивается. Все хихи – хаха. Может, потому и тянет этот огромный воз.

- А может у Нанули какая-то тайная миссия. Видение какое-то было или обет дала? – Варвара все никак примириться, что здесь нет никакого тайного умысла.

- Что ты выдумала? – не поняла Шалвовна ее выкладок. – Я Нанули с 69 года знаю. Какие- такие видения или обеты? Да она не знаю даже когда спит. И где у нее время есть в снах копаться при такой ораве? Глупость говоришь и радуешься от заумности. Такие завихи у образованных людей бывают. У Нанули и семья простая: отец сапожник, мать уборщица. Жили всегда в деревне в Абхазии, на чаеразвесочной фабрике работали. Потом Нанули в Тбилиси на Трикотажку перебралась. Если уже что о религии говорить, так она меня еще при коммунистах в 33 года крестила. Просто потому что, мол, раз грузинка должна быть крещеная и все. А Карину терпит просто так. Да она и сама тебе толком не сможет объяснить.

Для Варвары так и осталась это уравнением с тремя неизвестными, как такое возможно. Сейчас у людей нервная система подпорченная эпохой перманентных перемен, своих близких терпеть не хотят. Супер-верующие типа Елены с козами тут в расчет не берутся. Они себе иногда сами сложности создают, а потом их мужественно преодалевают. Зарабатывают таким образом себе царство Небесное. Тут у матросов нет вопросов. Шалвовна, к примеру, в свое время тоже за идею страдала, коммунизм в отдельно взятом училище приближала. А вот Нанули зачем эти мытарства? Не понятно. Ведь попробуй вырази матери-героине свое восхищение, так она и не поймет. Пальцем покрутит у виска и скажет в своем неизменном стиле: « С чего ты взяла?».

.....

Карина прожила у Нанули ни много ни мало - 15 лет! Читатель пусть на себя примерит такое реалити-шоу «Последний герой».

Потом сама же Карина отсеклась. Прилепилась к другим людям. У Нанули, ясное дело, были именины сердца по этому поводу. Уехала она на заработки в Турцию за лежачей больной смотреть. Дети ее выросли, денег катастрофически стало не хватать. Тем более, что из-за долгов жилплощади лишились и стали вечными квартирантами. Но Нанули и в таком положении не унывает, все так же хохмит и слова ввертывает, от литературы далекие. Но это не самое страшное в этой жизни.

... Карина так и работает на базробе, сбавливает клиентам дешевые туфли по двойной цене. Обувь разваливается через месяц и тогда обманутые приходят выяснять с ней отношения самым неделикатным образом. Конкретно, могут и настучать ей этими туфлями по неординарным мозгам. Все свои деньги Карина спускает на тех людей, у кого обрела новый постой. Даром никто держать не станет. Потому что Нанули, она единственная в Грузии. Натуральный эксклюзив.

30.05.2014

Примечание.

1. Сокращенное обращение к учителю или учительнице на грузинском.
2. Информационная программа на канале «Рустави 2».
3. Базар (гр.)
4. Как будто (гр.)

- Что было дальше?

- Спросит читатель.

В 2002 году после трепанации черепа Елене пришлось продать коз т.к. уже не было сил с ними возиться.

Глаз у нее так и не открылся. То ли операцию сделали как-то не так, то ли хирурги чего-то не учли.

Каждый день, независимо от изменений погоды, которые тут же отзываются головной болью, она спускается со своей горы в церковь. Все остальное для нее лишь дополнение к этому пути туда и обратно.

Двадцатилетний информационный вакуум и медицинское вмешательство дало о себе знать и потому живет она немного вне времени и пространства, в каком-то своем мире. Многие бытовые вещи забывает, но железно помнит какой святой данного дня и кто из наших современников перешел в вечность именно сегодня. Потому и звонит время от времени Варваре и иже с ней всей честной компании с дежурным напоминанием: «Помолитесь о таком-то!». Варвара все также иногда спорит со своей духовной матерью когда надо и не надо, пытается по-своему спустить ее на эту грешную землю и в очередной раз терпит фиаско.

Живет Елена на инвалидную пенсию 125 лар и на то, что перепадет на трапезе после службы, но особо по этому поводу не горюет.

Бессменный казначей Элисо скончалась от рака в 2012 . Варвара без труда запомнила эту дату: 22 декабря на Нечайную Радость. У этой иконы Божьей Матери они познакомились и ровно в тот же день раба Божья Елизавета перешла в вечность. Помяните ее, все, кто читает эти строки. Элисо всегда жила максимально для других. Для себя не оставалось ни сил, ни времени.

«Я очень хочу усыновить маленькую девочку, - сказала она Варваре при последней встрече. – На замужество меня точно не хватит.» Не успела....

Для Кати Джапаридзе наконец-то настала светлая полоса в жизни.

Напомним хронологию событий. После того, как сгорела ее только что отстренная халупа, Катя с матерью оказалась на попечении ее одноклассниц – «ночных бабочек». Любвеобильные подруги

предлагали ей разные варианты трудоустройства. От их широкой проторенной дороги Катя отказалась сразу:

- Я обет дала, не могу.

Тогда одна из них Маша Левитова сделала ей царский подарок, кусок от сердца оторвала:

- Один мой французик недавно женился на нашей светской грузинке. Они сейчас ребенка ждут. Я тебя туда нянкой воткну. Для себя этот вариант хранила. Но тебе нужнее...

С этой семьей Катя попала во Францию, а потом в Алжир, где выучила французский. Под прессингом хозяев она заочно закончила институт, потому что в жизненные принципы работодателей никак не вписывалась няня без диплома. И, самое главное, собрав за 4 года валюту, Катя купила хрущевку в спальном районе.

- Знаешь, - рассказывал новоиспеченный специалист по детской психологии Варваре, вернувшись из своих турне в Тбилиси, - я только теперь поняла, что если Господь что-то у нас отнимает, значит, хочет дать что-то лучшее. Если бы не тот пожар, я бы всю жизнь прожила там, на свалке. А так у меня был огромный стимул что-то изменить в своей жизни. И еще каждый день молюсь за Машу, чтоб я без нее делала бы. Вот тебе и еврейка....

Как-то, проходя с каляской своего очередного подшефного, Катя поравнялась с Ниной и ее тремя кошками. (См. Рассказ «Возле мусорных баков»). Общительная кошатница первая остановила ее и между ничего незначащими распросами сообщила, что, она, Катя, здесь, в Кировском парке познакомится со своим будущим мужем.

Так оно вскорости и вышло.

Сейчас у Кати растут два сына.

- Вот он, долгожданный хеппи энд, - улыбнется читатель.

Да как сказать. На первый взгляд все атрибуты на лицо: муж с официальной зарплатой, он же любящий отец. Только вот искушение. Каждый день мозги Кате песочит на одну и ту же тему. И как только самому не надоест.

- Ты должны быть мне благодарна. Я тебя невесткой взял, нарушил свои фамильные принципы!

Варвара бы от такой тягомотины точно бы на стенку полезла. А Катя ей объясняет в Еленином стиле.

- Надо терпеть. Разводиться не хочу. Что ты думаешь, третий брак лучше будет? Нет уж, лучше буду сидеть в своем болоте....

Кстати о кошатнице Нине. Однажды проходила мимо тех баков Варвара, глядь, нет ни кресла того, ни кошек. Стала у прохожан спрашивать, куда делся человек. Насилу дозналась.

- Ее нашли замерзшей в Кировском парке, когда сильные морозы были....

Княжна – дровосек Нино в больших искушениях, в долгах как в шелках. Какую партию квартирантов меняет, а толку нет. Поживут месяц- другой на халяву и сбегает.

- Вперед надо деньги брать! – Варвара, как всегда, щедра на премудрые советы.

- Не могу я вперед, - вздыхает Нино. – Они как-то чувствуют, что я нескандальная, вот и пользуются....

Она все также неукоснительно ходит в Сиони к о.Лаврентию, как и раньше.

Ликуша (См. Рассказ «Сердце надрезанное ножницами.») каким-то чудным образом завязала с выпивкой и вышла замуж. Растит двух сыновей и периодически ходит причащать их в церковь Иоанна Богослова.

Семен – мастер на все руки – уехал в Россию. Звонит иногда из Подмоскovie и докладывает Елене новости.

- Работы, - говорит, - здесь навалом. Живу в общежитии с таджиками гасторбайтерами, читаю им вслух газетные объявления. В свободное время наслаждаюсь службой на 100% церковно-славянском языке. Душа поет.

(В церкви Иоанна Богослова служба на половину идет на грузинском. Целую бучу подняли прихожане по этому поводу, ходили жаловаться к Патриарху Илье. Семен был в числе вдохновителей, звал и Варвару: «Пойдем с нами за компанию!». Но та опять беднягу в смущение ввела, отказалась: «По мне хоть на французском пусть служат, все равно у нас с любовью напряженка!». Эта тема стоит отдельного рассказа, поэтому не будем углубляться.)

Покаявшийся разбойник Гоча болеет ногами, никуда не ходит, но всегда рад гостям. Домашнее вино и мчади вам гарантированы, а к ним Гоча обязательно присовокупит шикарные тосты с выдержками из житий святых. [При случае Варвара нарисует вам точный адрес(на Мухианской горе конкретных улиц нету, ориентация типа « прямо, потом свернуть, затем все наискосок) и телефончик.]

Перешли в мир иной Николай, отец Елены, и простодушный Бичико, он же Владимир в крещении (см. «Неверующий верующий»).

Варвара суемудрая бесславно сходила замуж и скорым ходом назад, в исходное положение. Теперь возится с ребенком. Точнее каждый день расписывается в собственной несостоятельности как матери. Ни любви у нее, ни терпения, а потому, естественно, сплошные искушения.

Иногда вспоминает споры - разговоры с Еленой около чадающей печки, стадо коз с Васильком во главе, походы на гору в любую погоду с сортниками и думает, что это было самое счастливое время в ее жизни.

Июль 2014 г.